

И С Ф А Н Д И Я Р

СУДЬЯ

Повести

Т а ш к е н т

Издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана

«ЕШ ГВАРДИЯ»

1984

Творчество узбекского прозаика и драматурга, лауреата премии Ленинского комсомола Ташкентской области, хорошо известно читателям республики по книгам повестей и рассказов «Знойная пора», «Ласточки Сослана», «Разбудите меня с рассветом», «Клятва», по пьесам «Не поверишь — умру», «Дочь своего отца», «В степи звезды ярче», с успехом идущим на сценах Узбекистана, Белоруссии, Татарии и Таджикистана.

И $\frac{70302-6}{356(04)-84}$ 26-84 4702010200

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Повести Исфандияра, составившие эту книгу, отличает не только глубокое знание автором предмета художественного исследования, но и стремление детально проанализировать мотивы проступков, показать причины, которые привели героев к нарушению норм нашей жизни. Автор пошел верным путем. Не навязывая читателю готовых решений и рецептов, он исследует причины происшедшего, устанавливает связь между преступлением и жизненными ориентирами отдельных молодых людей, чье стремление к «легкой жизни», узость кругозора подталкивают героев к той опасной черте, за которой начинается уголовно наказуемое деяние.

Книга открывается повестью «Разбуди-те меня с рассветом», с которой читатель встретится уже во второй раз. Повесть раскрывает важную тему перевоспитания молодых людей, совершивших преступление, а также не менее важную тему профилактики, предупреждения правонарушений.

Герой повести Махмуд нелегким путем приходит к прозрению, к честному суду над собой. И, перевернув последнюю страницу повести, читатель верит, что усилиями самого героя, общественности, правоохранительных органов Махмуд возвращен обществу и честной жизни.

Повесть «Судья» привлекает внимание читателей постановкой такой острой проблемы, как борьба с хищениями социали-

этической собственности. С самого начала повествования на первом плане образ коммуниста Фатимы Кадыровны Сайдаматовой, занимающей ответственные посты сначала судьи, а потом следователя. Писатель в образе главной героини показывает, какие высокие требования предъявляются к работнику правоохранительных органов. Ее честность, принципиальность и объективность проходят красной нитью через всю повесть. Именно стиль работы Сайдаматовой приводит к разоблачению группы расхитителей социалистической собственности во главе с Пулатовым и к освобождению незаслуженно подозреваемого в убийстве человека.

Читая повесть, мы как бы присутствуем в зале судебного заседания, становимся свидетелями нелегкого поиска истины в процессе предварительного следствия.

Повести Исфандияра актуальны, они написаны с учетом требований, которые ставят партия и правительство перед правоохранительными органами в части полного искоренения правонарушений.

Я уверена, что эта книга вызовет заслуженный интерес у широкого читателя. Нет сомнения в том, что она сыграет свою роль в деле правового воспитания молодежи.

М. С. В а с и к о в а,
министр юстиции Узбекской ССР.

ИСФАНДИЯР

РАЗБУДИТЕ

МЕНЯ

С

РАССВЕТОМ

Jonasi

Последнее время Махмуду снился один и тот же сон: выпадали зубы, без боли, ни с того ни с сего. Стоило ему просто прикоснуться к какому-нибудь зубу, как он тут же начинал шататься, расшатываться под пальцами все больше и больше, и через минуту Махмуд легко вытаскивал зуб из зияющей раны, одновременно поражаясь неощущению боли и пугаясь. В эти минуты он как бы раздваивался: один с удивлением и даже с каким-то ожесточенным усердием вытаскивал зуб за зубом, другой со страхом и непонятным болезненным интересом наблюдал за этими действиями.

Потом вдруг эти двое снова сливались в его сознании, и он просыпался с ощущением бессмысленного ужаса, лихорадочно ощупывал зубы, с радостью убеждаясь, что вот они — все на месте, целы и даже не шатаются. Лежал некоторое время на спине с открытыми глазами, не веря, боясь поверить, в то, что все это ему приснилось... Уговаривал, успокаивал, но все же долго не мог прийти в себя... Ведь ему было не так уж и много лет. Сколько же он прожил на сегодняшний день? Двадцать лет. Точнее, двадцать лет и сто восемьдесят пять дней. Не так уж много, чтобы не бояться такого, казалось бы, нестрашного...

И так каждую ночь. Однажды не выдержал, рассказал матери. Что бы это могло означать?

— Это когда твои враги умирают, — улыбнулась она. — Или отстают от тебя. Крови ведь ты не видел?

— Точно, крови не было, — кивнул он.

— Вот видишь. Крови нет, значит, все хорошо. Плохо, когда кровь... Значит, с близким твоим несчастье. Такой сон — плохой сон...

Мне тогда лет десять было, — мать задумчиво откинулась на спинку дивана, тело ее расслабилось, как бы растекаясь на мягкой поверхности и принимая наиболее удобное положение. — Отец мой... дедушка твой уехал по делам, он был каким-то уполномоченным, и часто по вечерам его не было дома, мы с мамой ложились вдвоем, она боялась спать одна. С-удовольствием вспоминаю это время. Днем мама была какая-то далекая, всегда занятая, а когда мы оставались вдвоем в темноте, под одним одеялом, и я прижималась к ней, она обнимала меня своей го-

рячей рукой и начинала рассказывать. А как она умела рассказывать!..

Я до сих пор помню ее голос, ее интонацию!.. Помню все ее рассказы, как она росла у своей тетки, на которой женился ее отец, чтобы у нее была мать, которая бы любила ее, как родную дочь, и как потом эта самая тетка издевалась над ней, прятала от нее хлеб, закрывала его в сундук под замок. Замок этот легко открывался простым гвоздиком, и мачеха скоро поняла это, стала считать лепешки, коситься на нее, и однажды выследила, когда она открывала замок. Сколько было крику, шуму!.. «Твоя дочь — воровка!.. Я давно это замечала, но не говорила!.. Ты должен повлиять на нее по-отцовски!», — кричала мачеха отцу в тот вечер. И отец верил ей, уж он влиял!.. Так, что кровавые следы от этих влияний не сходили неделями!..

Мама часто плакала, когда говорила о своей родной матери. Так мы и засыпали под самое утро, не замечая, что ночь прошла; я засыпала, слыша, как бьется ее сердце, и мне было хорошо. А однажды, среди ночи, меня разбудил ее крик. Я проснулась, смотрю на нее — она плачет, показывает на дверь: «Там отец твой!.. Кровь!.. Иди открой! Он не может стоять! Он там, посмотри!..» Я бросилась к двери, открыла, там никого. Потом мы вместе с ней вышли, ходили вокруг, долго не могли уснуть, а утром приехал человек и сказал, что ночью убили отца...

Махмуд смотрел на мать. Никогда она не говорила с ним так, будто прорвало ее вдруг. И потом долго не мог забыть ее рассказа, словно совершенно новой стороной открылась она ему, открылась и тут же снова замкнулась..

Та-а-а-ак!.. В его распоряжении еще целых два дня. Махмуд улыбнулся, рассматривая в зеркале свое лицо, прикусил губу, помассировал нос. Он всегда так делал, когда задумывался, некоторые друзья стали даже подражать ему в этой привычке, и ему было лестно это замечать, он стал даже несколько кичиться этой своей привычкой, которая осталась с детства. Как-то в драке — он тогда учился в пятом классе — ему сломали нос. Вернее, не сломали, а сломал Рахим, в честной драке, в которой Рахим был прав и потому победил. Как когда-то победил он, Махмуд, только тогда был неправ Рахим и потому потерпел поражение.

Он тогда победил Рахима, но лишь много позднее понял: это только потому, что за ним была правда, что он не нападал, а защищался. Точнее, защищал что-то. Тогда он только пришел в интернат, а новичка всегда испытывают на силу, на то, чего он стоит. Махмуд как бы оказался под обстрелом всего класса — мальчишек и девчонок. Особенно на него нападал Рахим: «Ты, мильтон!.. Че ты сюда прикатил!..»

Мильтон!.. Этого Махмуд стерпеть не мог. Да, действительно, его мать и отчим были следователями, и из-за этого ему не раз приходилось драться со сверстниками. И потому, когда Рахим назвал его так, он сразу кинулся на него, забыв обо всем, о том, что он здесь чужак и все против него. Да, тогда он был прав и потому победил. Он разбил Рахиму губу. В те времена мальчишки дрались либо до крови, либо до слез. Общим решением, разняв их на минуту, постановили драться до крови, и вот он победил. В первый раз он, во второй — Рахим. В первый раз был прав он, во второй Рахим. Как он испугался тогда переломов! Он прибежал в палату, долго смогнул в зеркало, но никому из старших не сказал, чтобы не выдавать Рахима. Всю ночь не спал, томился, лежа на спине, на правом боку. А с утра принялся массировать нос, стараясь придать ему прежнюю форму. Через неделю опухоль спала, переносица приняла более или менее правильную, хотя и чуть изломанную форму. Тогда-то он и записался в секцию бокса, хотя в общем-то испытывал отвращение к драке... Там привычка закрепилась.

Махмуд взглянул на календарь — двадцать четвертое октября, суббота. Потом воскресенье, а в понедельник...

А для тебя, родная,
Есть почта полевая....

Он тихо пропел припев, потом, не помня слов, просвистел мотив хорошо знакомой с детства солдатской песни, кивнул своему отражению: «Держись, братан! Где наша не пропадала! Без армии нельзя тоже, а до понедельника еще почти двое суток, сорок восемь часов... две тысячи восемьсот восемьдесят минут...»

Махмуд тряхнул головой, засмеялся: праздник ведь все равно придется в карантине провести:

— Мам, который час? — крикнул он.

— Семь... без пятнадцати семь, — отозвалась из соседней комнаты мать.

Махмуд кивнул, словно она могла видеть его, стал смотреть в окно. Всего семь вечера, а уже совсем темно.

По стеклу снова ударили робкие прозрачные капли.

Октябрь в этом году выдался как никогда дождливым. Грязный бурлящий поток переполнил глубокие арыки и, естественным санитаром, промывал их от застоявшегося ила, глины, подгнивших листьев...

Махмуд улыбнулся, открыл окно, жадно втянул в себя опьяняющий свежий воздух, засмеялся легко, счастливо. Он любил дождь, полюбил давно, так давно, что и не вспомнить, когда он осознал это впервые. Может быть, в интернате, когда порой по ночам выпрыгивал в окно и часами бродил по слабо освещенным аллеям или сидел на берегу неглубокого сая, оставаясь наконец наедине с самим собой.

Он любил дождь, потому что в дождь легче думалось. Он любил ночные часы, потому что никто не мог ему помешать остаться один на один со своими мыслями.

Обычно в свободное время, если видел, что на небе собираются тучи, он надевал старые брюки и рубашку и уходил из дома. Долго бродил по быстро пустевшим улицам, улыбаясь неизвестно чему. Ему было легко и хорошо, и он никогда не замечал насмешливых взглядов, которыми его провожали прохожие, спешившие укрыться от дождя. Он с удовольствием присаживался на бетонную кромку фонтана и долго смотрел на кипящую сейчас поверхность застоялой воды...

Мать никак не могла примириться с его привычкой «шляться» — это ее слово — под дождем. «Нормальные люди в такое время по домам сидят, а ты...» — ворчала она. «А я не могу сидеть дома, я ненормальный, мама!» — отшучивался он в ответ. Мама вздыхала и, махнув рукой, уходила развешивать его мокрую одежду...

Дождь набирал силу, тяжелые капли зашелестели в саду.

Вот и Володька уехал, вспомнил Махмуд, и сразу ему стало холодно, неуютно и одиноко. Володька Маков жил в соседнем дворе, он был на три года старше Махмуда и уже успел отслужить в армии, жениться. Среднего роста, широкоплечий, с реденькой белесой челкой над крупным, чуть рыхловатым лицом, Володька пользовался непререкаемым авторитетом среди ребят. С детства он покровительствовал Махмуду, заступался за него, как за младшего брата. И они действительно были неразлучны как братья. И вот Володя уехал. Вышло это как-то неожиданно, сначала

уехала Магда, его жена, уехала к себе на родину, в Закарпатье, где он служил и познакомился с ней. Два года прожила она здесь, но так и не прижилась. Сначала они вдвоем ее проводили, а потом Махмуд провожал друга.

— Ты вот что, — сказал Володька, когда они вышли на перрон и встали у низкого бетонного заборчика. — Пиши мне... Ждать буду, ладно?

Махмуд кивнул, проглотил ком, вставший в горле. Володька вытащил сигарету, чиркнул спичкой.

— Обидит кто, тоже напиши. Боцман трали-вали разводит не будет, — он глубоко затянулся, закашлялся.

— Ты же бросил курить, — тихо сказал Махмуд, глядя на друга.

— А-а! — отмахнулся Володька. Он сделал еще несколько затяжек, бросил под ноги окурочок, растер каблук. — Часто мы обещаем, — Володька глядел в ту сторону, откуда скоро должен был показаться поезд. — Обещаем что угодно, хотя чаще всего знаем, что все это липа. Разве не так?

— Не знаю, — пожал плечами Махмуд.

— Не знаю! — усмехнулся Володька. — Погоди, узнаешь... Обещаешь писать, а подумай, много ли напишешь?.. Одно письмишко если черкнешь для приличия, и то хорошо... Только не подумай, что я тебя обвиняю. Нет, конечно... Это я больше для себя, если честно, — он снова усмехнулся. — Все мы обещаем, а для чего? Спроси, вряд ли кто сможет ответить прямо. Хотим казаться лучше себе и другим...

Неожиданно пошел дождь. Друзья подхватили сумки и кинулись под навес ларька.

Показался поезд, пассажиры, забыв про ливень, засуетились, заметались вдоль железнодорожного полотна. Они тоже пошли к девятому вагону, в котором должен был ехать Володя, остановились возле проводника, посмотрели друг на друга, не зная, о чем говорить.

— Ты того!..

Володька неуклюже обнял Махмуда, хлопнул его по спине.

— Сам-то напишешь? — спросил Махмуд.

— Такое послание накатаю! — засмеялся облегченно Володька. — Стихами... Месяц будешь читать.

Поезд дернулся, медленно пополз вдоль перрона. Володька встрепенулся, стал торопливо шарить по карманам.

— Ты чего? — забеспокоился Махмуд. — Билет что ли потерял?

— Ничего! — Володька что-то сунул быстро ему в карман и вскочил на подножку вагона. — На память!.. Пиши!.. Адрес не потеряй!

Махмуд еще некоторое время бежал рядом, глядя в лицо другу, потом отстал, замедлил шаг, помахал рукой, пока последний вагон не растворился в вечерних сумерках. Что это ему сунул Володька? Вытащил — ножик. Небольшой, перочинный ножик с красивой перламутровой ручкой.

Он улыбнулся снисходительно, снова опустил его в карман и вскоре забыл о подарке...

Было далеко за полночь. Махмуд с чувством какой-то потерянности брел по пустынной улице, не различая дороги, ступал прямо по лужам. Вода выстреливала под ногами, штанины внизу давно намокли, но он не замечал этого, подчиняясь единому стремлению — как можно быстрее добраться до дома, упасть в постель, зарыться головой в подушку, забыться...

Что он теперь скажет Малине? Да и что бы он ни говорил, какие бы доводы ни приводил, поверит ли она ему, захочет ли слушать?.. Последний день!.. Черт его понес к Гульдору, знал ведь, что уйти из компании будет невозможно, знал и пошел, а теперь...

Он прикрыл глаза, стараясь идти ровно, это ему плохо удавалось, то одна, то другая половина тела, казалось, перевешивала, тянула в сторону, в голове шумело, тошнота подступала к горлу...

Последний день!.. Э, дурень! Какой же ты дурень!..

Город точно вымер, ни единой живой души вокруг, только монотонный гул неоновых светильников нарушает, а скорее подчеркивает устоявшуюся тишину.

— Стоп, приехали!

Голос прозвучал совсем рядом, резко, как команда. Махмуд вздрогнул, поднял голову. Перед ним стоял незнакомый парень с растопыренными руками. Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза, потом парень усмехнулся, подался чуть вперед, повторил хриплым баском:

— Приехали, парень... Закурить треба. Как ты насчет этого, а?

Махмуд смотрел на парня, словно не понимая, что ему от него нужно.

— Ты-ы, жлобинна! Тебя спрашивают! — кто-то сильно ткнул Махмуда кулаком в спину.

Махмуд обернулся, сзади стояли еще двое: один кра-

сивый, одного с ним роста, с темными волнистыми волосами, зачесанными на пробор, другой, чуть пониже, массивный, с тяжелыми борцовскими плечами, угрюмо смотрел на него из-под широких густых бровей, будто примериваясь, как и куда ударить.

— Чего зенки вылупил? — скривился в улыбке красивый.

— Эй, ты на меня смотри! Я ведь с тобой говорю! — хлестко ударил Махмуда в корпус первый.

Махмуд покачулся и зажал бок.

— Ты что! — выдавил он сквозь зубы, сдерживаясь, чтобы не застонать.

— Не умеешь бить, Рыжий! — бросил из-за спины Махмуда красивый. — Ну-ка, Быча, посмотри, что у него есть в карманах! Сам не расскажет, видишь, совсем язык отнялся.

Махмуд почувствовал, как тяжелые ладони неприятно заскользнули по его карманам, дернулся было.

— Ша, парень! — схватил его за подбородок Рыжий. — Графу выпить треба! Цикнешь — голову отверну.

— Пусти! — отпрянул назад Махмуд, резко отбивая его руку, но в ту же секунду сильный удар в скулу бросил его на землю.

— Не так, Рыжий! — засмеялся Граф, глядя на поднимающегося Махмуда, и с прыжка пнул его носком ботинка в подбородок. — Ха!

Быча склонился над лежащим Махмудом, оглянулся на дружков:

— Готов, кажется!.. Здорово ты его, Граф! Сразу выключил!

— Кажется, ногу вывихнул, гадство! — отозвался Граф, кривясь от боли. — Теперь несколько дней похрамаю через эту суку!

Он опустился на скамейку и стал массировать ступню, глядя, однако, на Бычу, который выворачивал карманы у лежащего без памяти Махмуда.

Махмуд открыл глаза и тут же увидел над собой крупное лицо Бычи.

— Ха, ожил! — с дурацки радостным изумлением воскликнул тот. — Граф, смотри на него, точно говорю, совсем оклемался, — он снова посмотрел на Махмуда. — А мы думали, что ты часок пробалдеешь!

Он громко загоготал, открывая прокуренные зубы.

— Чего хотите от меня? — Махмуд медленно поднялся с земли.

— Заговорил! — удивленно вытянул шею Рыжий. —
Щас я тебя заткну...

— Кончай, Рыжий! — бросил Граф. — Хватит с него.
Пуускай отваливает, пока я добрый.

— Топай! — хлопнул Махмуда по плечу Быча. — Граф
сегодня в настроении. Топай, пока он не раздумал.

— Давай! — пнул его Рыжий.

Махмуд повернулся, медленно пошел прочь, кляня се-
бя за молчание, за трусость. Дикое бешенство наполняло
его, билось в поисках выхода, слезы текли по лицу.

— Гады! Гады! Гады! — только и мог он произнести.
Он сунул руку в карман, чтобы достать платок: что-то хо-
лодное легло в ладонь. Махмуд почувствовал, как мгно-
венно пересохло в горле. Он резко обернулся к парням:

— Гады!

Граф удивленно привстал со скамейки, взглянул на
друзков:

— Нас оскорбляют!

Махмуд шел прямо на него;

— Он ничего не понял, Граф, — ухмыльнулся Быча. —
Поговорить с ним?

Рыжий и Быча шагнули навстречу Махмуду, но Граф
остановил их.

— Я сам.

Все произошло в считанные секунды, Граф и Махмуд
прыгнули друг на друга. Махмуд не понимал, что делает,
сейчас это был не человек. Он ничего не видел и не слы-
шал, им управляла только ненависть, слепое бешенство, и,
когда Граф очутился рядом, Махмуд резко выбросил впе-
ред руку с ножом. Он не почувствовал удара, не почувст-
вовал, как нож вошел в тело, но обостренный его слух пой-
мал легкий хлопок, услышал то, что мог услышать сейчас
только он, услышать инстинктивно, благодаря какому-то
невероятному чутью.

— Ми-ли-ци-я! — раздался вдруг истерический крик
из подъезда дома на другой стороне улицы. Через несколь-
ко секунд Махмуд остался на тротуаре один, он смотрел
на свои руки, поднял к глазам, передернулся, отбросил
нож куда-то в темноту, далеко от себя.

Кровь! Чужая кровь!

Махмуд некоторое время еще стоял на месте, не в си-
лах сделать даже шаг, потерянно тер ладони о брюки, о
рубашку. Что он наделал? Что теперь будет?!

Так и не очнувшись, побежал в темноту. Домой!.. Быст-
рее домой, чтобы никто не увидел, не узнал...

Он бежал дворами, задыхаясь... Бежал так, будто за ним гнались, временами ему даже казалось, что он слышит за собой тяжелый топот погони.

Споткнулся, полетел головой вперед, раздирая ладони в кровь, ударился о кромку тротуара, но, не почувствовав боли, вскочил, побежал дальше из последних сил. Он бежал, чувствуя, что гонки такой ему долго не выдержать, бежал, понимая, что останавливаться ему нельзя, потому что... потому что...

М-м-м!..

Махмуд в отчаянии замычал, на бегу вытирая рукавом слезы. Сейчас ему хотелось только одного: домой, быстрее оказаться дома, сбросить с себя одежду, ставшую вдруг такой тяжелой, ненавистой, зарыться с головой в одеяло, забыться...

Нет, конечно же, ничего не случилось! Это просто дурной сон! Ведь никто ничего не видел, кто докажет, что это сделал он? А эти, они не посмеют... Они же напали сами...

А если вдруг спросят — в это время он был дома, спал... Надо только сказать матери, она подтвердит... Сказать матери, сказать матери... что он скажет матери?.. Только один день, один день, и он уже будет далеко, его не касается, что произошло в эту ночь... Какое сегодня число?.. Иднотизм! Зачем ему число?

— Э... Стой!

Чьи-то руки поймали Махмуда, повернули к свету.

— Не дергайся, Махмуд... Что с тобой?

Махмуд поднял голову: кто, что им от него надо?

— Да что с тобой?

— Толик!

Махмуд только сейчас узнал Толика Бурова, который когда-то работал с ним на фабрике. Идут с ночной?

— Толик! — снова повторил Махмуд и всхлипнул, размазывая по лицу слезы. — Там... я не хотел! Это так получилось! Я не хотел! Толик!..

— Да что случилось? — вглядывался ему в лицо Буров. — Объясни, что ты не хотел? Подрался, что ли?

— М-м-м! — замотал головой Махмуд. — Я не хотел, честное слово, я не нарочно! Ножом...

— Подожди ты! — резко оборвал его Буров, и Махмуд осекся испуганно, зажал рот руками.

Буров посмотрел на жену, которая стояла рядом и ошарашенно глядела на Махмуда, почесал затылок.

— Н-да-а! Ну ты даешь!

— Я... я... и-не думал, Толик.

— Перестань! — сверкнул глазами Буров. — Не думал, не хотел... Кого это теперь интересует!

Он задумался, поглядел по сторонам, снова обернулся к Махмуду:

— Слушай, а может, ты не... — но встретившись с безумными глазами Махмуда, замолчал.

— Н-да-а! Ну и дела!.. Знаешь что? Дуй домой, — хлопнул он Махмуда по плечу. — Пусть мать шмотки стираниет, чтобы... следов не было, мало ли там что... а я посмотрю с Алкой... в чем там дело. Потом поговорим. Дуй!

2

— Сынок! — побледнела мать, схватилась за сердце. — Что с тобой? — Она не спала, сидела за столом, подперев голову руками, и смотрела на него.

— Мама, мамочка! — только и смог сказать Махмуд, застыв на пороге, ощущая, как силы разом покинули его. — Ничего, ничего не случилось! — опомнился он, отвел глаза. — Все хорошо... упал просто. Напился и упал...

Он изобразил на лице какое-то подобие улыбки и с этой застывшей жалкой гримасой начал ожесточенно скидывать с себя брюки, курточку, рубашку, кидая в кучу и приговаривая:

— Вот... постирай все, мама, — и тут же торопливо прибавил: — Сейчас постирай, слышишь? Сейчас...

Он хотел пройти в свою комнату, но тут ему преградила дорогу мать.

— Скажи мне, в чем дело, сынок? Я чувствую... Не тяни из меня душу, сынок!

Махмуд несколько секунд молча смотрел ей в глаза.

— Я же тебе говорю... Там парня одного... ножом ударили... в драке, — выдохнул он.

— Ножом? — едва слышно прошептала мать, побледнела. — А ты... ты что делал?

Она вдруг осеклась, словно поняла что-то такое, страшное, непоправимое, глаза ее наполнились слезами, она закачалась, тяжело опустилась на диван.

— Как же так, сынок? — только и смогла проговорить она, не замечая слез, ручейками стекавших по ее лицу.

— А вот так! — разозлился вдруг Махмуд на себя, на свою минутную слабость, что размяк, распустил язык, выболтал... — Я тоже в драке был... видел все...

— Сынок, сынок! — мать задрожала. — Это... ты?.. Ты ударил?

— Ты с ума сошла, мама?!

Махмуд схватился за голову, сжал ее, точно боясь, что она сейчас расколется, быстро обошел мать и скрылся в своей комнате.

Он словно провалился в бездну, сразу, как только голова коснулась подушки. Он не спал, нет, именно провалился, забылся, потерялся в потемках воспаленного подсознания...

— Махмуд! Махмуд, ты слышишь? Махмуджон!

Он открыл глаза, мгновение приходил в себя, наблюдая, что с ним и где он, в следующее он был уже на ногах, будто и не спал, ждал, знал, что его должны позвать.

— Там ребята какие-то... тебя спрашивали. — Глаза матери потемнели от слез, она пристально смотрела на него. — Сказала им, что ты спишь... чтобы они пришли завтра.

— Ребята?—насторожился он, но тут же вспомнил Бурова. — Зачем?.. Эх, мама!

Он кинулся к выходу. Конечно, это Толик, кто же еще мой прийти среди ночи: только бы он не ушел далеко, только бы не ушел.

Махмуд выскочил на улицу. Его ждали.

— Ну? — схватил он Бурова за руку, даже не замечая, что рядом еще солидный парень.

— Увезли его, — глухо сказал Буров, отводя взгляд. — В «скорую» забрали...

— Он один был? — перешел на шепот Махмуд.

— Дружков милиция забрала, — сказала Алла и жестко добавила: — Доигрался! Готовь вещички — твоя очередь!

— Заткнись! — оборвал ее Буров. — Не твое это дело.

— Что ты мне рот затыкаешь? — обозлилась она на мужа. — Мало мне своего, так из-за этого... теперь таскать будут.

— Алла, я же... — Махмуд сжался, не зная, что говорить, умоляюще посмотрел на Бурова, на Руслана, с которым учился в одном классе и наконец узнал.

— Не надо, Алла! — попросил Руслан, но он тоже боялся встретиться взглядом с Махмудом.

— Что мне делать, ребята?.. Толик!

Губы Махмуда дрожали, да и сам он весь, как в лихорадке, не мог унять озноба.

— Что делать? Что делать?!

— Идти в милицию и признаться во всем, — сказала Алла, резко повернувшись. — Не могу видеть его! — бросила мужу: — Я тебя на углу подожду!

Алла ушла. Буров посмотрел на Махмуда, остановил взгляд на Руслане.

— Ты что скажешь?

— Лично меня спросят... — пожал тот плечами, — я ничего не видел, ничего не знаю... Встретил тебя, и все... — Он коротко глянул на Махмуда и тут же отвел глаза. — А там пусть сам думает.

— Та-а-к, — протянул Буров, обратился к Махмуду: — Ты на Алку не обижайся, сам знаешь, сколько она из-за меня вынесла. Дурак я был, вроде тебя.

— Да я же ничего, — слабо улыбнулся Махмуд. — Просто... меня в армию должны забрать. Двадцать шестого, всего один день остался...

— В армию это хорошо, — неопределенно сказал Буров. — Ну, я пойду. Алка там, наверное, заоченела вся... Ты идешь, Руслан?

— Да, конечно, мне тоже пора, — Руслан все же взглянул в глаза Махмуда, сжал его бессильно опущенную руку. — Ну, будь! Смотри сам, что и как...

Мать так и стояла, осунувшаяся, с покрасневшими глазами, держала левую руку на груди. Опять сердце.

Махмуду вдруг стало невыносимо страшно, что станет с матерью, если она все узнает, но еще больше он испугался предстоящего объяснения, слов и слез... Он с силой сжал зубы: нет, только не это, только не сейчас, потом, все потом.

— Не я, слышишь! Не я! — закричал он. — И оставь меня в покое! Прошу тебя, мама-а-а!

3

Махмуд отбросил одеяло, но через минуту снова натянул его на себя, ему становилось то жарко, то холодно, и непонятно было, спал ли он.

Закрыв глаза.

Вчерашняя ночь со всеми подробностями возникла перед ним — нет, нет, нет!..

Не мог он, не хотел, снова и снова отказывался поверить в действительность, в то, что произошло. Но ведь произошло и живет в пространстве и времени, где-то там, в каком-то замкнутом квадрате сидят, распутывают, допра-

шивают, ищут... Он ударил человека ножом. Он убийца. Убийца!

Скоро все узнают об этом, узнают и будут показывать на него пальцами: убийца, убийца, убийца!..

Он снова откинул одеяло, чувствуя, как задыхается, словно в комнате катастрофически быстро начал исчезать кислород. Махмуд вскочил с кровати, толкнул створки окна, стал жадно ловить ртом прохладный воздух.

Утро принесло отрезвляющую ясность, а вместе с ней и страх перед наступающим днем, перед тем, что он нес: и это «нечто» было так ясно, и в то же время туманно, так ужасно своей неизвестностью, что, кажется, явись к Махмуду сейчас смерть, встретил бы ее как избавительницу.

Что угодно, только отодвинуть день, назад или вперед, на год, на десять, на двадцать лет — неважно на сколько, лишь бы отодвинуть наказание, чтобы не было вчерашней ночи и сегодняшнего дня, что угодно, лишь бы уйти от настоящего, раствориться, исчезнуть...

А может, все обойдется, все не так страшно, как ему кажется? Ведь они первые на него напали, он только защищался.

Дышать стало сразу легче.

Махмуд почувствовал себя увереннее: действительно, все так и было, он вынужден был защищаться, ведь они могли убить его.

Сознание, что его вполне могут, должны признать невиновным, на минуту подействовало успокаивающе. Но в этом ли дело, он же убил! А потом, так ли именно, точно ли так, как он сейчас представил, все произошло?

Если ты считаешь себя невиновным, чего же тебе бояться? Надо пойти в милицию и во всем признаться, ты — невиновен, тебя отпустят.

А вдруг не отпустят?.. Значит, виновен?

Да, ты боишься. Чего? Ведь ты не боялся, когда вытащил нож и пошел на них. Да-а, конечно, ты чувствовал себя героем, борцом за справедливость, так?..

И тогда, во второй раз, в интернате, Рахим был прав, потому он и отколотил тебя, несмотря на твой разряд по боксу. Ты задрал нос перед ребятами, во всем старался выделиться, а ведь ты слаб, знаешь, что слаб. Напился в дурацкой компании, вместо того чтобы провести эти последние часы перед армией с Малиной, с мамой... А перебери еще рюмку, мог бы и сам поступить как подонок. Что, не так?

Так, все было так, не нужно лгать самому себе. Ведь

сначала ты пошел от них, когда они тебя отпустили, пошел... и не перебивай, не перебивай, их никто не оправдывает, они подонки, негодяи, трусы, как еще?.. Нет слов. Но подумай... подумай и о том, чем от них отличаешься ты, ты, который струсил, столкнувшись с ними лицом к лицу, а потом, когда в руках у тебя оказался нож, когда они стали беззащитны перед тобой, ты не остановился, добро и зло вдруг поменялись местами, ты превратился в зло, в насилие, ты знал, на что идешь...

Нет! Тысячу раз нет! К черту дурацкий самоанализ. Я не хотел, ничего такого я не думал и не хотел.

В соседней комнате скрипнула кровать. Махмуд со страхом глянул на дверь, прислушался: многое бы он сейчас дал, лишь бы не видеть мать. Закрыв глаза, представил себе ее лицо. Опять слезы...

Быстро оделся, воровато, на цыпочках выбрался из дома. Уехать бы, скрыться на какое-то время от всех. Но куда? Ку-да-а?

Махмуд готов был кричать, выть, биться головой о первую попавшуюся стену, лишь бы вышибить из себя сознание, ощущение страха, боли, безысходности.

Он тоскливо оглядел улицу и вздрогнул — на углу стоял мужчина в плаще и смотрел прямо на него.

Чего он так смотрит, что ему здесь надо в такую рань?

Бешено заколотилось сердце, как судорогой свело все тело.

Какое-то время они смотрели друг на друга, и эти секунды Махмуду показались вечностью; он хотел отвести взгляд, и не мог.

Бежать! Бежать! — пронеслось в голове, но вместо этого, сам не зная почему, Махмуд вдруг пошел прямо на мужчину, который тоже сделал шаг навстречу.

Милиция! Ну конечно, милиция. кому еще надо в такую рань торчать возле его дома. Все, влип, влип... Спина покрылась испариной, сразу стало жарко. Он дернул воротник, пуговица упала на тротуар, покатилась. Первым желанием было нагнуться и поднять, но тут же подумалось — зачем, к чему она ему теперь! Он облизнул пересохшие мгновенно губы: вот и все, финиш. Всю ночь, наверное, не спал, караулил, чтобы не сбежал, а теперь улыбается, ждет...

Махмуд резко остановился, точно налетел на что-то, круто развернулся и пошел в обратную сторону.

Ну, уж не-е-ет! Шалишь! Влететь за просто так?.. Я еще погуляю, один день, один час, но погуляю...

— Молодой человек! — оглушил его резкий окрик.

Махмуд даже не обернулся, шел, убыстряя и убыстряя шаг, еле сдерживаясь, чтобы не побежать. Спокойно, все спокойно, ты ничего не знаешь, откуда тебе известно, кто он и что ему от тебя нужно, мало ли кто может стоять на углу.

— Молодой человек! — услышал Махмуд почти у самого своего уха. — Минуточку.

— Чего?.. Чего вы от меня хотите? Чего вам от меня надо?! — закричал Махмуд, выдергивая локоть из цепких пальцев. — Я ничего не знаю, и мне срочно надо в одно место!

Мужчина отпрянул, удивленный, пожал плечами.

— Я давно не был здесь, — улыбнулся он миролюбиво. — Не узнаю город, изменился он сильно...

Приезжий. Это приезжий, а я подумал... Дурак, набитый дурак! Если так и дальше пойдешь...

Махмуд обрадованно закивал незнакомцу.

— Да, да! Так много изменилось...

— Тут раньше дом был... исполкомовский, — показал мужчина на здание.

— Снесли... Года четыре назад, — торопливо заговорил Махмуд. — Теперь обком комсомола.

— Снесли? Жаль, — грустно сказал мужчина. — Хороший вокруг был сад... Нигде в городе такого сада не было.

— Да, я тоже помню... Мы с ребятами туда за яблоками лазили...

— Снесли, — повторил мужчина, кивнул Махмуду. — Простите... Спасибо.

Он кивнул еще раз на прощание, повернулся и ушел. А Махмуд еще долго стоял и смотрел ему вслед, нелено, растерянно, жалко улыбаясь.

Часы над входом в областное отделение «Сельхозтехники», как автоматически отметил Махмуд, показывали начало первого. Торопиться ему было некуда, он медленно двигался в толпе, не замечая толкотни, шума, гама — день был воскресный. Не останавливаясь, прошел мимо кинотеатра — старенького здания, носившего звучное название «Новая эра». Возле кино, хочешь не хочешь, обязательно наткнешься на кого-то из знакомых, и потому он прибавил шаг. Но тут его окликнул знакомый голос:

— Проходит, своих не узнает.

Махмуд быстро обернулся на голос, встретился с насмешливым взглядом Шебалдина. Тот сидел на скамейке, надвинув кепку на большой с ранними залысынами лоб и подставляя солнцу лицо.

— Что за это полагается, а? — продолжал Шебалдин. — Если случайно, бутылкой можно ограничиться, если же нарочно, пятнадцать суток малю!

Махмуд хмыкнул, присел рядом с Шебалдиным, чувствуя, как засосало под ложечкой от недоброго предчувствия: тот работал в уголовном розыске. Познакомились они давно. Шебалдин как-то пришел в школу, где учился Махмуд, интересно рассказывал старшеклассникам о работе оперативников. После того вечера Махмуд и еще несколько ребят решили после школы пойти на юридический, записались в молодежный оперативный отряд, над которым шефствовал Шебалдин.

Прошло время, вместо юридического Махмуд попал на фабрику, потом поступил заочно в педагогический на филфак, но после первого курса бросил. неинтересно стало, тоскливо, как представил себя в роли учителя, но к Шебалдину время от времени все же захаживал. Чем-то притягивал его этот человек. Наверное, какой-то определенностью, уверенностью, которых так не хватало Махмуду.

— Не заметил я, — буркнул Махмуд.

— Еще бы, когда впереди такая девушка идет, — подмигнул Шебалдин.

— Какая там девушка!

Шебалдин коротко глянул на Махмуда.

— Что не в духе?

— Н-нет, ничего... — Махмуд вытащил сигареты, чиркнул спичкой. — В армию вот ухожу... Двадцать шестого.

— Хорошее дело, — Шебалдин улыбнулся. — Угости с фильтром.

Махмуд протянул ему пачку.

— А у вас что новенького? — стараясь говорить как можно спокойнее, спросил он.

Шебалдин затаился с наслаждением, выпустил дымок.

— Что у нас может быть новенького? Работаем.

Махмуда словно толкало что-то узнать о ночном происшествии. Он отвернулся, делая вид, что завязывает шнурок, спросил снова:

— Ну, а на работе как? Есть что-нибудь интересное? Или все спокойно?

— Спокойно. — Шебалдин снял кепку, провел рукой по

редеющим волосам. — Сегодня вот ночь не спал, только сейчас вышел пообедать, воздухом подышать...

— Случилось что? — голос Махмуда дрогнул, он испуганно глянул на Шебалдина, но тот шурился на солнце.

— Парня одного пырнули ночью

— Ну, и...

Махмуд не мог сдержать своего болезненно-настойчивого любопытства и смешался, поймав на себе удивленный взгляд Шебалдина.

— Что «ну и»?

— Нашли? — еще больше смешался Махмуд, кляня себя за любопытство и в то же время ощущая, что не сможет остановиться, пока не узнает всего, что известно милиции. — Поймали того, кто пырнул?

Он понимал, что нельзя продолжать расспросы, нужно встать и уйти, сделать вид, что ему неинтересен дальнейший разговор, понимал — и ничего не мог с собой поделать.

— Ищем, — буднично просто ответил Шебалдин. — Никуда не денется, найдем.

— А парень... которого ножом! Как он? Живой?

— В больнице.

— Значит, не сильно его, да?

— Пока неизвестно, — пожал плечами Шебалдин. — Состояние тяжелое, допросить не было возможности, врачи не подпускают. А! И так голова кругом идет. Поговорим лучше о твоей армии... Куда тебя, не знаешь еще?

— Нет.

Махмуд помолчал, потом встал, посмотрел на Шебалдина, снова сел рядом.

— Николай, мне бы поговорить надо с вами по одному делу, — вдруг прорвало его, он выпрямился, побледнел.

— Давай говори, — затушил сигарету Шебалдин. — О чем ты?

— Нет, — словно очнулся Махмуд и встал. — Не сейчас, потом... Это такой разговор, — он улыбнулся из последних сил. — Так сказать, сугубо личный, что ли... Отметить надо мою армию, а?

— На службе, брат, не употребляю. Даже пива. Ну, мне пора. Счастливо.

— Ага, вот ты где ходишь.

Махмуд вздрогнул, растерянно уставился на Малину, не зная, что сказать. Никого, никого не хотел он сейчас видеть, даже ее, и особенно с ней не хотелось ему сегодня встретиться.

— Привет. Откуда ты взялась?

— Привет, — улыбнулась Малина, взяла его под руку, пошла рядом. — Тебя искала. Честно. Не веришь?

Махмуд промычал что-то неопределенное, пожал плечами.

— Мама послала на базар, купить зелени... Я так и знала, что тебя встречу, а тут еще Каримчик... сказал, что видел тебя издали, ты в эту сторону шел...

— Ему бы не поваром, в уголовном розыске работать, — процедил Махмуд сквозь зубы и замолчал, думая о Шебалдине, о том, что едва не выдал себя.

А может, надо было сразу... в лоб, сказал—и все. Все! Вдруг посоветовал бы что-нибудь!..

Посоветовать-то, конечно, посоветовал — и в тюрьму.

— Э-эх! — невольно вырвалось у Махмуда, и он дернулся всем телом.

— Махмуд, что с тобой? — заглянула ему в лицо Малина. — Ты не рад видеть меня?

— Рад! Очень рад! Я еще вчера хотел, очень хотел... — Махмуд остановился, посмотрел ей в глаза, смягчился, погладил ее руку. — Все в порядке, Малия. Просто нервы... Не знаю, как ты тут без меня-то будешь.

— Писать буду, вот как. Каждый день, ты ведь знаешь, я люблю писать письма. Длинные-длинные. Пока ты одно письмо прочитаешь, второе придет, пока второе прочитаешь — третье, и так каждый день.

Махмуд улыбнулся грустно: Малина, ох Малинка! Милая, хорошая ты моя девчонка!.. Ничего-то ты не знаешь, не чувствуешь и не понимаешь, что творится у меня на душе.

Ему снова стало душно, он распахнул рубашку на груди.

— Не могу! Не могу я больше так, Малька! Если бы ты знала...

— Махмуд, тебе плохо? Ты заболел, заболел, да, Махмуд? — затормошила его за плечи Малина.

— Пойдем куда-нибудь лучше.

Он взял ее под руку, медленно повел вперед. Малина

шла рядом и молчала, только изредка бросала на него пытливо-настороженные взгляды.

— Куда же мы пойдем? — спросила наконец Малина.

— Не знаю, — пожал он плечами. — Вот «Новая эра», еще можем успеть.

Они прибавили шаг. Возле кассы было всего несколько человек. Махмуд взял билеты на последний ряд.

— Какой фильм, ты хоть посмотрела? — спросил он Малину, когда они сели на свои места.

— Нет.

Давно погас свет, киножурнал сменили титры фильма, а Махмуд смотрел на экран широко открытыми глазами и ничего не видел, не слышал. Он снова был там, во вчерашнем дне, на улице, снова на его пути стояли те: удар, нож, крик...

Малина прижалась к нему, склонила голову ему на плечо. Махмуд непонимающе глянул на нее — кто это? Ах, да-а!..

Он погладил ее пальцы, все нормально, снова уставился на экран — там смеялись, один из героев набирал номер телефона, другие окружили будку и наблюдали за ним.

А что, если позвонить Шебалдину? Позвонить и сказать все по телефону? Через трубку его все равно не арестуют сразу, и он еще успеет... Что он успеет?

Перед глазами появилось лицо парня, того самого Графа, рот его был широко открыт. Он смотрел на Махмуда и что-то кричал, кричал беззвучно и потому страшно, держался за живот и кричал.

Махмуд вдруг начал вытирать ладони о брюки, судорожно, быстро-быстро.

— Пойдем.

Он встал, потянул Малину за собой.

— Куда?

— Не могу здесь! — он выпустил ее ладонь и быстро пошел к выходу, следом застучали ее каблучки.

На улице моросил дождь, Махмуд прислонился к дереву, несколько раз вздохнул полной грудью.

— Тебе все-таки плохо, ты побелел весь, — сказала она испуганно, погладила его по щеке.

— Ничего. Прошло уже.

Рассказать все? А зачем? И как она отнесется к его признанию?

Он затравленно оглянулся, ему все казалось, что за ним кто-то наблюдает, следит с улыбкой, мол, погуляй, погуляй, все равно никуда тебе не деться.

— Да скажи ты наконец, что с тобой происходит? — резко обернула его к себе Малина.

— Сказать? — Махмуд встретился с ее глазами, усмехнулся. — Тебе так очень хочется узнать?.. Ладно. Вчера была драка...

— Ты подрался, — улыбнулась Малина. — И поэтому так переживаешь?

— Вот именно «поэтому»! — закричал он, разозлившись на себя за то, что начал этот бесполезный разговор, начал и теперь не мог остановиться. — Там парня одного ножом пырнули. Ножом, понимаешь ты теперь? — жестко закончил он.

• — Ножом? А ты тут при чем? — она еще ничего не понимала. — Чего ты так?

— Я тоже... Я видел все, видел, кто ударил ножом, теперь тебе понятно? Меня тоже могут...

Глаза Малины были широко раскрыты, в них застыл испуг, удивление, она верила и не верила ему, было видно, как она борется с собой, пытается найти нужные слова.

Махмуд снова усмехнулся:

— Вот так-то.

— Но ты... ты ведь ни в чем не виноват! — она вдруг замолчала. — Или ты... Что же теперь нам делать? Скажи, ведь это не ты ударил? Не ты?

— Я! В том-то и дело, что я! — крикнул он, и вдруг, неожиданно для себя, успокоился. Теперь в нем не было страха, только какое-то оупение. Он сказал главное и теперь продолжал говорить, думая о себе, как о ком-то постороннем, о другом, которого оба хорошо знают, хотя и не называют имени.

— Вчера ночью... ножом, он в больнице, — Махмуд замолчал на мгновение, перевел дыхание, отвернулся. — Все! Теперь ты все знаешь и можешь идти.

— Куда?! — с тоской вскричала Малина, все еще не веря услышанному.

— Куда хочешь, — устало махнул рукой Махмуд. — Хочешь — в милицию, они ждут... Расскажи им все.

Он вдруг почувствовал такую слабость в ногах, что медленно сполз по стволу и сел прямо на мокрую землю.

Она опустила перед ним на колени, заглянула в лицо:

— Ведь это неправда, ты пошутил. Ты просто решил пошутить надо мной перед отъездом, да?.. Признайся, это была шутка! — теребила она его за рукав куртки.

На них стали оглядываться прохожие, но ни Махмуд, ни Малина не замечали этого.

Он невидяще смотрел сквозь нее, качал головой, из глаз его выкатились слезинки, смешались с каплями дождя; которые стекали по волосам.

Вдруг резко встал, посмотрел на Малину сверху вниз, бросил отрывисто:

— Ступай домой.

— Не пойду я никуда! — вскочила она, схватила его за руку.

— Оставь! — он резко выдернул руку. — Прошу тебя... иди домой. Может, увидимся вечером.

— Куда ты? — снова поймала его за руку Малина, умоляюще заглянула в лицо.

— Куда?

Махмуд замер на секунду, задумался, как бы спрашивая себя, что такое он надумал, пожал плечами.

— Не знаю. Ничего не знаю. Потом! Жди! Если не позволю, значит...

Он не договорил, повернулся и быстро зашагал прочь.

5

— Та-а-ак.

Шебалдин отодвинул лист бумаги, который лежал перед ним на столе, вздохнул, постучал карандашом, глянул на Махмуда, который сидел напротив, уронив голову на руки.

— Что же ты натворил, парень! Что же ты натворил!.. — И такая растерянность была в его голосе, что Махмуд не выдержал, плечи его затряслись.

— Не знаю. Сам не знаю, как это получилось! Я понимаю, я все понимаю... — Он поднял голову, посмотрел прямо в глаза Шебалдину. — Меня посадят?

— Н-да! — выдавил тот. — Это как суд решит... Хотя... что он еще может решить. — Впервые в жизни растерялся Шебалдин. Утешить парня? Да разве можно утешить человека в такой ситуации, и чем он может утешить? Отпустить? Этого он сделать не вправе, человек совершил преступление и должен понести суровое наказание: ножевое ранение — это...

— Эх, парень, ну как же ты мог?! — сокрушенно повторил он снова, не находя других слов. — Добро, хоть сам пришел. — Сейчас составлю протокол о явке с повинной.

В кабинет кто-то вошел. Махмуд оглянулся, увидел молодого лейтенанта, почти ровесника.

— Вот, — кивнул Шебалдин лейтенанту. — Сам пришел... признался во всем, это он вчера...

— Ясно, — усмехнулся лейтенант, скользнув по Махмуду равнодушным взглядом.

Махмуду до жути стало ясно, что ничего не позади, самое страшное только начинается.

Дальше все было как во сне. Махмуд был в каком-то оцепенении, ему задавали вопросы, он отвечал, расписывался, снова отвечал и снова расписывался, перед ним мелькали лица знакомых и незнакомых, которые тоже что-то говорили, расписывались, уходили, а их место занимали другие. Казалось, это будет продолжаться до бесконечности.

Потом рядом с ним оказалась мать, он слышал ее голос, что-то отвечал. В кабинет кого-то вводили и выводили.

— Не переживай так, — похлопал его по плечу один из следователей. — Много не дадут. Явка с повинной — это уже кое-что.

— Да-да! — механически кивал Махмуд, даже улыбался. — Спасибо.

Опять рядом оказалась мать, прижала его голову к груди, гладила по волосам. Он чувствовал, как за воротник капаят слезы, она плакала тихо, беззвучно, чуть раскачиваясь из стороны в сторону, ощущал, как она дрожит. В эти минуты он забыл о себе, думал только о том, что станет с матерью. Ему стало вдруг страшно от мысли, что он может никогда больше не увидеть ее. Хотелось кричать, рвать, крушить все, но он только еще сильнее прижимался к родной груди.

Потом он долго сидел один в какой-то комнате, опять подписывал бумаги, трясся в машине, его привезли в следственный изолятор, забрали ремень, шнурки от туфель. Дежурный, пожилой майор, перелистал топенькую папку, вскинул брови, разглядывая Махмуда:

— Ого!

И непонятно было, к чему относится его возглас: к возрасту подсудимого, к тяжести преступления или к чему-нибудь другому.

Майор долго писал что-то в своем журнале, потом хлопнул его, обратился к старшине:

— В тринадцатую.

Старшина провел Махмуда по узкому длинному коридору, казавшемуся из-за слабого освещения особенно мрачным, открыл тяжелую дверь камеры.

— Входи.

Махмуд вошел и тут же услышал, как за его спиной с протяжным скрипом захлопнулась дверь. Огляделся: три железные кровати вмонтированы в бетонный пол вдоль стен, на противоположной от двери стене у самого потолка маленькое окошко с толстыми железными прутьями в середине, на равном расстоянии от кроватей — массивный железный стол.

Махмуд сел на одну из кроватей, прислонился спиной к холодному бетону стены. В эту минуту открылось маленькое квадратное окошко в дверях и на Махмуда глянули спокойные глаза контролера.

— Подъем в шесть, умывание, туалет.

Окошко захлопнулось. Махмуд слышал, как медленно удаляются шаги, растянулся на кровати и закрыл глаза.

Вот и все. Конеч.

Хотелось плакать, но слез не было: он лежал на спине, ощущая сквозь тонкое сукно курточки мертвый холод железных полос кровати. Как хорошо было бы сейчас умереть и избавиться от всех мучений разом.

Умереть... Нет ничего легче, чего же ты ждешь? Никто за тобой не наблюдает, оконная решетка у самого потолка. Ремня нет? Порви майку, тебя она выдержит.

Махмуд перевернулся на живот, сжал зубами ладонь: ага, страшно, не хочешь умереть, то-то же...

День, второй, третий... Неделя, вторая... Махмуд перестал ощущать время, оно как бы остановилось для него. Целыми днями он лежал, устремив неподвижный взгляд в обсиженный мухами, потемневший от времени и табачного дыма потолок, и думал, думал, думал. Хотя, если бы кто-нибудь спросил его, о чем он думал, при всем желании он вряд ли бы смог связно ответить. Он скорее бредил, душа его как бы оставляла тело здесь, в камере, а сама устремлялась прочь, туда, на волю. Невидимая, не замечаемая контролерами и внешней охраной, она поднималась к потолку, проскальзывала сквозь решетку, облетала небо, чистое, без единого облака, без птиц, будто вымершее, летела дальше, туда, где осталась мать, где так же, как и раньше, смеялись знакомые, товарищи... И только резкий окрик надзирателя возвращал ее назад, соединял с ненавистным телом.

— Не лежаты! — тарабанил тяжелыми ключами о

дверь контролер, заглядывая в круглый глазок. — Днем спать не положено!..

Контролер уходил, и Махмуд снова погружался в это странное состояние. Рассудок никак не хотел примириться с настоящим, все ему казалось, что это настоящее всегонавсегда сон — кошмарный, затянувшийся сон. И стоит ему проснуться, как все исчезнет, он снова окажется дома, рядом с матерью, с Малиной...

Но он просыпался, открывал глаза и каждый раз вновь и вновь убеждался, что все это — не сон, а кошмарная действительность, которая растянется на годы, на бесконечно долгие годы. Иногда он вскакивал с кровати, метался по камере, кричал, колотил о стены, обдирая в кровь кулаки. И все так же наблюдало за ним сквозь решетку равнодушное небо, стучал ключами о засов контролер, советуя вести себя как положено, чтобы не оказаться в камере.

— Карцер!.. Да не пугайте меня своим карцером! — вопил Махмуд. — Плевать я хотел на ваш карцер!

Контролер некоторое время наблюдал за взбесившимся парнем в глазок, потом уходил, видимо, жалея его, дурака; а Махмуд снова падал на кровать, охваченный оцененным.

Однажды загремел засов, протяжно завопила дверь и в камеру вошел парень.

— Принимай нового жильца, — сказал контролер и захлопнул дверь.

Маленькие глаза на обветренном, шелушащемся лице скользнули по Махмуду, цепко обшарили камеру.

— Та-а-ак! — хмыкнул «жилец» и, насвистывая себе под нос, прошел к свободной кровати, бросил на нее матрац, расстелил, сел, глянул на стол, чему-то ехидно хмыльнулся. Встал, подошел к двери и несколько раз пнул ее.

— Ну, чего тебе? — глухо раздался голос контролера.

— Закурить бы, начальник! — сказал парень, подмигнув Махмуду.

— Закурить, закурить! — заворчал за дверью довольно добродушно голос. — Где я тебе возьму закурить?

— Ну попроси у кого-нибудь, курить охота.

— Попроси ему... С собой надо приносить.

Шаги удалялись. Парень прислушался, опять хмыкнул, вернулся на свое место. Он был совершенно спокоен, точ-

но знал, что просьба его будет выполнена, и, действительно, через несколько минут открылось квадратное окошко в дверях и в камеру заглянуло усатое лицо.

— Возьми, — сказал надзиратель, протягивая горсть махорки на газете.

— Спасибо, дядя Ваня, — улыбнулся парень. — Хороший ты человек.

Контролер посмотрел на него, не скрывая удивления.

— Ты меня знаешь?

— Знаю, дядя Ваня, — хитро подмигнул новый сосед Махмуда.

— Откуда? — еще больше изумился контролер.

— Секрет фирмы, дядя Ваня!

— За что попал?

— За скуку, — скручивая козью ножку, говорил парень. — Когда душе скучно, люди даже в петлю лезут. А я вот развлекаю ее.

— Кого? — не понял дядя Ваня.

— Душу, — укоризненно глянул на него парень. — Душу, дядя Ваня. Она в человеке — как это — хилесова пятка. Слышал о такой?

Контролер пожал плечами, захлопнул было окошко. Но новичок снова окликнул:

— Огонь-то есть?

Контролер вынул из кармана коробок, подумал, махнул рукой:

— На, забирай.

Окошко захлопнулось. Махмуд с интересом разглядывал своего нового соседа, который, по-видимому, знал, куда идет, и потому оделся основательно — теплая фланелевая рубашка, толстые шерстяные брюки, ватная фуфайка, сапоги. Махмуд вспомнил, как несколько суток мерз в своей синтетической курточке, спасибо, сердобольный надзиратель сообщил начальству, и мать передала свитер.

— Откуда ты его знаешь?

Парень усмехнулся, чиркнул спичкой, кивнул на горку махорки.

— Кури.

Махмуд неумело скрутил «козью ножку», потянулся за спичками.

— На, прикури, — остановил его новенький, — спички беречь надо... Первый раз здесь?

— Угу, — кивнул Махмуд, прикуривая от окурка. — А ты?

— Звать-то как? — вместо ответа спросил парень.

— Махмуд.

— А меня — Серега... Курочкин... Кура, не слыхал такого?

Махмуд покачал головой и спросил в свою очередь:

— А сюда за что?

— За что? — Курочкин глянул на него, помолчал. — Знаешь, чтобы я тебе посоветовал?

Махмуд смотрел на него непонимающе и ждал.

— Не задавай лишних вопросов, особенно таких: за что, почему, с кем, понял?

Махмуд закивал торопливо, хотя ничего не понял. Курочкин довольно усмехнулся, осторожно погасил самокрутку, прошел в угол, положил бычок на одну из полок для продуктов.

— Я-то тебя просто предупредил, — веско сказал он, возвратившись на свое место. — А другие могли и похуже, понял?

— Я же не знал.

— Теперь... знай, — Курочкин улегся на кровати, сладко потянулся. — Я тоже бы не знал, умные люди научили, — зевая, закончил он.

Махмуд тоже прилег на бок.

— Сам-то... за что сидишь? — окликнул его через минуту Курочкин.

— За нож! — охотно отозвался Махмуд, приподнимаясь на локте. — Ударил одного ножом. — Он совсем забыл, что Курочкин-то ему ничего о себе не рассказывал.

Курочкин удивленно свистнул, приподнялся.

— Насмерть?

— Не знаю...

— А ты парень, видно, ничего, — засмеялся Курочкин. — Зови меня Курой, понял.

Стосковавшись в одиночестве, откликаясь на доброе слово, Махмуд вдруг начал длинно, со всеми подробностями, точно боялся, что ему не поверят, рассказывать, что и как с ним произошло. Он говорил лежа на спине, не видя собеседника, словно самому себе, как бы заново переживая, переосмысливая ту ночь. И снова цеплялся за единственное, спасительное...

— Ведь они первые на меня напали, я только защищался, — закончил он свой рассказ.

— Ты эти сказки мамке своей говори, — отозвался Кура, тоже глядя в потолок.

— Но у меня же еще явка с повинной!

— Иди ты со своей повинной! Сам в петлю полез, дура!

— Что же теперь будет? — Махмуд в отчаянии обернулся к Кура. — Сколько мне дадут, а?

Тот как будто ждал этого вопроса, ухмыльнулся снисходительно:

— Если тот живой остался, от трех до восьми. — Возьмем середку — четыре года, два отсидишь, остальные на поселение, ерунда!

— Четыре года?! — вскричал Махмуд, без сил опустился на кровать.

Четыре года! Целых четыре года. Да за это время... за это время он умрет тысячу раз! Ведь Шебалдин говорил, что от силы три года... Но если статья от трех до восьми, значит могут и не четыре, а даже больше!..

— Да что же это такое, а?! — простонал Махмуд. Он совершенно забыл, что в камере теперь он не один, что за ним наблюдают насмешливые глазки Куры.

— Хорош! Хватит тебе, ну! Завыл..

Кура сел, облокотился о стол, устремил на него свои кругленькие серые буравчики.

— Студент?

Махмуд замотал головой.

— Был когда-то. Заочник.

— Студент, — насмешливо подтвердил Кура. — Береги нервы, они тебе еще пригодятся... Четыре года — не вся жизнь, вернешься, восстановишься, сразу с умными людьми столкнешься. Понял?

Махмуд заворуженно слушал его.

— Глянь на меня, — Кура согнул руку, вздул крепкие бицепсы. — И запомни: чтобы жить хорошо, нужно иметь когти и клыки побольше. Толковый дядя сказал, не я.

Махмуд улыбнулся, ему вдруг стало легче.

— Хе-хе, — подмигнул ему Кура. — То-то, а сейчас на боковую, спать хочу. И ты давай, чтоб ни звука! Спи!

Махмуд закрыл глаза и незаметно для себя уснул. Впервые с тех пор, как он попал сюда, ему приснился сон, хороший сон. Махмуд увидел себя маленьким мальчишкой, озорным, беззаботным. Он бежал по холмистой горе вверх, бежал, не ощущая усталости, крича что-то и размахивая деревянной самодельной саблей, а за ним бежали такие же, как он, мальчишки из соседних дворов.

Махмуд видел себя, улыбался блаженно, счастливо, окунаясь всем существом в то неповторимое время.

Машина дернулась еще несколько раз и остановилась, яркий свет из распахнувшейся двери ослепил, и с минуту Махмуд ничего не видел, сидел неподвижно в своем закутке.

— Выходи, — позвал его конвоир.

Первый, кого увидел Махмуд, прыгнув на землю, была его мать, она стояла у самого входа в отделение милиции. Следователь сказал ей, что сегодня его привезут, и она засветло была уже здесь, боялась опоздать. Она еще больше постарела за эти недели, даже ростом стала будто поменьше. А ведь сама бывший следователь, всегда строгая, собранная, вечно занятая была...

— Мама! — горло перехватило, он закашлялся.

— Сынок!

Она сделала несколько нерешительных шагов к нему, взглянула на конвоира.

— Не положено! — преградил тот дорогу, бросил Махмуду: — Проходи, ну!

Махмуд опустил голову, быстро прошел мимо матери, боясь еще раз увидеть в ее глазах тоску, упрек, что-то такое, что не определить никакими словами... Все же они встретились. Оказывается, перед тем, как пройти к следователю, ему разрешили свидание, и мать суетливо развязала узелок, разложила на столе белые мягкие лепешки, зажаренное, еще горячее мясо в плоской миске.

— А это тебе тетя Вера прислала, — бормотала она, развертывая перед Махмудом сверток с ватрушками, пирогами с капустой, домашним печеньем. — Малина тоже здесь, на улице... там стоит.

— Зачем? — отшатнулся как от удара Махмуд. — Не надо...

Мать замолчала, некоторое время смотрела, как он ест, не выдержала, прижала платок к глазам.

— Ну, мама! — с упреком сказал он.

— Ничего, ничего. Сейчас пройдет, — она попыталась изобразить на лице улыбку. — Соскучилась очень, боялась, опять не привезут.

Махмуд понял, что она уже не раз ждала его здесь.

— Как ты сама, мама? — он отодвинул узелок, подсел к ней поближе. — Как здоровье?

— Ничего, здорова. — Она отвернулась. — Одно мне теперь нужно, одно осталось... Дождаться тебя.

— Что теперь говорить об этом, — поморщился Махмуд.

— Я позову ее, — глянула на дверь мать. — Очень хотела она тебя увидеть, плачет все.

— Не надо, мама, — заколебался Махмуд. — Не хочу я... в таком виде...

— Я позову, поговори с ней, — мать поспешно пошла к дверям. — Ей тоже разрешил следователь...

— Ну перестань, Маля, милая. Не плачь, прошу тебя, слышишь! — Он гладил ее по волосам, умоляюще смотрел на мать, растерянно на конвоира, сидящего возле дверей. — Мне и так тяжело, Маля! — Он резко оторвал ее от себя. Малина вздрогнула, размазывая тушь на ресницах, заговорила быстро, глотая слова и не вникая в их смысл.

— Я ничего... я так... ты же знаешь, какая я плакса... Все прошло, уже... видишь, не обращай на меня внимания. — Она провела рукой по его небритой щеке. — Колючий какой...

— Не успел побриться. Неожиданно вызвали.

— Наши девчонки из группы тоже хотели прийти со мной.

— Этого еще не хватало... Зоопарк нашли, — нахмурился Махмуд.

— Я тоже так подумала... сказала — нет и все.

В комнату заглянул милиционер, сказал конвоиру:

— Умарова к следователю.

— Пора, — поднялся тот.

Махмуд пошел к двери, остановился, обернулся. Мать тяжело осела на стуле, неподвижно глядя на него.

— Ты... заглядывай к матери, — сказал он Малине. — Пожалуйста, не оставляй ее.

— Конечно, — торопливо согласилась Малина, обняла мать за плечи. — Не беспокойся... я каждый день буду заходить к вам... не думай ни о чем.

7

Сегодня Махмуд никак не мог уснуть, он лежал с открытыми глазами, лицом к стене. На соседних койках спали соседи по камере, кое-кто могуче храпел, казалось, этот храп вот-вот разорвет камеру на части, но Махмуду он не мешал, Махмуд его просто не слышал.

Дважды шелкнул замок, открылась дверь.

Проверка. Махмуд не шевельнулся: не глядя на дверь, он видел начальника смены, который как обычно тычет связкой ключей в сторону кроватей: раз, два, три, четыре... Позади застыли контролеры — одни сдают смену, другие принимают, одни с нетерпением ждут конца процедуры, другим все равно, они только что пришли на дежурство, впереди целая ночь, им торопиться некуда.

Пять, шесть, семь...

Служба: одни сидят по камерам, другие их охраняют. Так было, так есть и будет. Но почему, почему именно он должен был оказаться в положении охраняемого?

Глаза его привычно скользили по грубой штукатурке. «Виктор Швабра, ст. 81 — 10 лет». Эту надпись он хорошо изучил. Статья 81... это, кажется, убийство. Нет, даже находясь здесь, в замкнутом пространстве из четырех стен, когда, казалось ему временами, лучше умереть, когда ему стало понятно чувство тех, кто бежал из колонии, хотя им оставалось выдержать считанные недели, и то он не мог, не хотел пожалеть этого. Ведь на месте жертвы, страшно подумать, могла оказаться его мать, Малина... Как они там, без него?..

Нет, таких не жалко. А вот себя он жалел. Ему казалось временами, что вот-вот случится чудо. Все прояснится само собой, следователь прочтет его мысли, перепишет протоколы, те, кто его ночью встретили, признаются во всем, скажут прямо, что они первые на него напали, а он просто защищался, и потому его надо немедленно освободить. И вот уже следователь несется к прокурору, прокурор в изолятор, а здешнее начальство...

Железные ворота открыты, и он на свободе. Идет по улице, и никто не смотрит на него как на преступника, все знают, что это была всего-навсего досадная ошибка и теперь все прояснилось, он — невиновен. Но дома еще об этом не знают: Малина наливает в пиалу чай, протягивает матери и вдруг так и застывает с пиалой в руках. Глаза ее широко открыты, она смотрит на дверь и не моргает глазами. Мама тоже смотрит на него, она тоже не верит сначала, потом кидается с плачем к нему: сыночек, сыночек мой!.. И Малина тоже летит к нему, обнимает, целует: «Ты!.. Ты это!.. Ты вернулся!.. Тебя отпустили!.. Я знала, я всегда знала, что есть на свете правда!..»

— Не правда, а чудо! — поправляет он Малину, подходит к дивану, усаживает рядом мать и Малину и начинает рассказывать, как все произошло. Он говорит долго,

так долго, что не замечает, как Малина сначала делает ему какие-то знаки, потом начинает дергать его за руку, пытается что-то сказать, украдкой показывая на дверь. Наконец он оборачивается и замечает на пороге двоих в милицейской форме, один из них подходит ближе, вынимает наручники, щелкает на его запястьях:

— Бежать надумал!

— Как — бежать?! — хочет крикнуть он. — Меня же освободили, случилось чудо! Я ни в чем не виноват, меня оправдали!

— Чудес не бывает, — спокойно говорит второй милиционер, беря его под руку с другой стороны. — Пошли.

— Кто же тебя оправдал, если из архива новое дело пришло! — говорит первый, зловеще усмехаясь.

— Какое дело? Нет у меня никаких дел в архиве! — хочется крикнуть Махмуду, но слова застревают в горле. Они превратились в нечто вещественное, материальное, и если он начнет говорить, то задохнется. Но еще больше пугает то, что его сейчас уведут, уведут обратно в тюрьму... — За что? — только и вырывается у него.

— За что? А история с часами, забыл? Ай, яй, яй, яй! — укоризненно грозит пальцем первый милиционер, и вдруг Махмуд с ужасом узнает в нем...

— Юрка!

— Узнал? Ну, то-то! Пошли.

И нет уже рядом ни матери, ни Малины. Снова он трясется в машине, идет по длинному тюремному коридору, вот знакомый поворот, камера, скрежет открываемого запора...

— По-дье-о-ом!

Махмуд открывает глаза: фу ты, ну и сон приснился.

— Подъем! Быстро, быстро! Через две минуты не встаете, пойдете умываться последними!

Слышно, как он уже стучит ключами о дверную ручку соседней камеры, кричит своим зычным голосом...

Махмуд хорошенько ополоснулся ледяной водой, но из головы все никак не выходил ночной сон. Вспомнилась последняя встреча с адвокатом: тот долго и нудно расспрашивал его о друзьях, о детстве. Смешно, при чем тут его детство, друзья? Не они же виноваты в том, что он оказался здесь, а вопрос о любимых книгах — вообще как в кино: вдумчивый талантливый адвокат расспросил, выяснил, представил, доказал...

— Умеешь через стену переговариваться?

На кровать присел Фарид, попавший сюда за хулиган-

ство. Он сидел уже два с половиной месяца и считал себя старожиллом.

— Зачем?

— Пригодится, — подмигнул Фарид. — Смотри.

Он приложил ухо к стене и постучал по ней несколько раз оловянной кружкой. Через несколько секунд явственно раздался ответный стук. Фарид подмигнул Махмуду, перевернул кружку пустотой к стене, а ухо приставил к дну.

* — Лопочет, — улыбнулся он Махмуду. — Пашка... сидит по...

Дверь распахнулась, и на пороге застыл контролер.

— Все, начальник! — отпрянул от стены Фарид, ловко сунув под одеяло кружку. — Ухо просто горячее, кто-то ругает, видать... Охлаждаю вот.

— В карьере быстрее охладится! — спокойно замечает контролер и, оглядев камеру, захлопывает дверь.

Фарид сконфуженно посмотрел на Махмуда, развел руками и вернулся на свое место.

Открылось окошко в дверях:

— Дежурный, хлеб принимай.

К окошку подошел дежурный по камере, начал складывать буханки на полки, подносить кружки под сахар.

Махмуд закинул руки за голову, стал смотреть в потолок. Нет, наяву чудес не бывает, и никто на свете не освобождает его от наказания, ничто не сможет оправдать его поступка. Какие мягкие эпитеты он ищет! Нет, преступление он совершил, и надо называть вещи своими именами—преступление. Но почему ему вспомнился Юрка?..

Юрка... Имя-то он вспомнил, а вот фамилию... Забыл, да и зачем нужна сейчас фамилия? И она, и сам Юрка!..

Махмуд вздохнул, попробовал думать о другом, но мысли вновь и вновь возвращались к Юрке, и перед глазами вставало то далекое утро, когда он впервые увидел его. Из окна директорского кабинета Махмуд видел русоволового кудрявого крепыша с красной повязкой дежурного на руке, который расхаживал у железных ворот интерната.

Директор Абдурахман Кадырович. Его фамилию Махмуд тоже не помнил, полный, обритый наголо мужчина, сидел в громоздком кожаном кресле и, слушая тетку Махмуда, лениво отпивал из большой пиалы горячий зеленый чай.

Тетка, старшая сестра матери, быстро-быстро говорит что-то Абдурахману Кадыровичу, часто вытирая невидимые слезы маленьким платочком.

— Сестра в больнице, Абдурахман-ака... эти проклятые машины... скоро совсем от них не будет спасения!

— Не знаю, не знаю, что и делать... Мест свободных нет, я уже отвечал, когда мне звонили по вашему поводу...

Абдурахман Кадырович вытер лысину большим расшитым платком, обернулся к Махмуду:

— Ты выйди пока, мальчик, на улицу, а мы тут с тегей твоей поговорим.

— Да, да, Махмуджон... выйди, погуляй там...

Махмуд вышел во двор, медленно приблизился к крепышу, который остановился и исподлобья наблюдал за ним.

— Ты дежурный, да? — спросил Махмуд, указав на повязку.

— Ну и что? — вызывающе буркнул крепыш, оглядывая тощего Махмуда.

— Нет, я просто так...

— Новенький?

— Да... Только не знаю... мест, говорят, у вас нет свободных, — сказал Махмуд, кивнув на директорские окна.

— Ну да! — усмехнулся крепыш. — Слушай его больше...

— Я тоже так думаю, — сказал Махмуд. — А как тебя зовут?

— Юрка, — ответил крепыш. — Сирота, что ли?

— Ага, — кивнул Махмуд. — Мать в аварию попала, в больнице лежит.

— А отец?

— Нету! — Махмуд снова глянул на окна. — Тетка там... из района приехала.

— Махмуджон, иди сюда! — раздалось из окна. — Директор с тобой поговорить хочет...

— Чего задумался? — позвал голос Фариды. — Каша остынет.

Махмуд нехотя поднялся с кровати, сел за длинный общий стол, придвинул к себе миску, нехотя поковырял ложкой. Сколько себя ни уговаривал, никак не мог привыкнуть к овсянке, не лезла в горло. И сейчас он отодвинул миску, налил в кружку чаю, отрезал кусок хлеба и вернулся на свою кровать, он привык пить чай здесь — никто не мешает, не лезет с разговорами.

— Кому добавки?

Фарид быстро распорядился его кашей и отнес пустую миску к двери. Махмуд хлебнул из кружки, обжег губы, помешал ложкой сахар... Так вот он и попал в интернат и проучился в нем четвертый, пятый, шестой и седьмой классы. Четыре года — казалось бы, долгий срок, а вспомнить...

Махмуд хмуро усмехнулся: не очень-то ему хотелось вспоминать эти годы в интернате. Хотя кто в этом виноват? Только он сам.

Снова — он сам...

Махмуд лег, вытащил из-под подушки книгу Джека Лондона «Морской волк», открыл на загнутой странице, начал читать, но вскоре отложил книгу...

Зависть всех ребят вызывали Юркины часы «Молния», большие, круглые, на длинной посеребренной цепочке. Он никогда не расставался с часами, всюду носил с собой в кармане брюк. Часы эти и стали источником всех бед, которые потом посыпались на Махмуда.

А началось все из-за глупой болтовни, вернее — вранья. Хотя и враньем-то это не назовешь... Любил Махмуд придумывать разные истории и до того здорово придумывал, что сам начинал верить в них, рассказывая по ночам Юрке, предварительно, конечно, взяв с него клятву, что тот никому никогда не разболтает. Однажды он и поведал Юрке, что нашел в горах клад — много бриллиантов, золота, украшений разных, кинжалы, сабли. Даже корона одна есть, наверное, хана какого-нибудь, спрятал после революции, утащить все с собой не смог, вот и припрятал до поры целый сундук. Вот они подрастут, выкопают сундук и начнут путешествовать: купят по машине, по пистолету, чтобы от бандитов разных защищаться, а еще лучше — коней, не нужно с бензином возиться, да и в горах лучше, везде можно проехать... И еще там часы в сундуке есть, золотые, а стрелки в них бриллиантовые, светятся ночью, каждый час музыка играет, и никогда она не повторяется, всегда разная. Эти часы будут Юркины, честное слово, потому что там есть еще одни, почти такие же, только чуть-чуть отличаются крышкой и еще тем, что у них с обратной стороны компас есть. Эти, которые с компасом, он заберет себе, если, конечно, Юрка не против, если же они ему больше понравятся, пусть забирает, ему не жалко.

Юрка всегда верил его рассказам, но тут будто подменили его. Если у Махмуда есть клад, пусть докажет.

Пожалуйста, хмыкнул тогда Махмуд. Что он должен сделать, чтобы Юрка ему поверил?..

Через два дня у Юрки пропали часы, ночью он, как всегда, положил их под подушку, а утром часов уже не было. Перерыли постели, облазили все углы, но часов так и не нашли.

А еще через несколько дней Махмуд устроил одноклассникам настоящий пир: купил пирожных, хороших шоколадных конфет, десяток бутылок лимонада.

— Ну, как? — подмигнул Юрке. — Теперь веришь, что у меня есть клад?

Только Тахир смотрел на него с какой-то странной улыбкой.

— Ты молоток! — сказал он вдруг, улучив минуту, когда они были одни во дворе. — За сколько загнал?

— Чего... «загнал»? — отпрянул от него Махмуд и похолодел внутренне.

— Брось! — оборвал Тахир. — Не бойся, не выдам. Скажи только, за сколько загнал часы?

— За тридцатку, — отвел глаза Махмуд.

— Балда, они вдвое дороже, наверное, стоят.

С того дня начались мучения Махмуда, он превратился чуть ли не в раба: Тахир при всяком удобном случае подчеркивал свое превосходство, угрожал, если Махмуд с чем-нибудь не соглашался:

— Забыл?.. Смотри, Махмуд, стоит мне захотеть—и тебе хаана, понял?

Он это понимал и молчал. Смирялся. Страшно было даже представить, что будет, если ребята узнают... Что делать? Мать в больнице. Попросить денег у отчима, чтобы купить Юрке часы? Нет, обращаться к отчиму? Ни за что! Он стал избегать всех, все больше и больше уходил в себя, но от Тахира нельзя было спрятаться, тот везде находил его, посмеиваясь, таскал его за собой, и за каждым его словом Махмуду слышалось: ты в моих руках, чуть что...

Развязка наступила, как Махмуд и ожидал, очень скоро. Однажды он отказался сделать для Тахира что-то особенно унижительное, и тот тут же, в отместку, рассказал водителю, кто виноват в пропаже Юркиных часов.

Евгений Александрович, так звали водителя, вызвал Махмуда, и вскоре они уже были у часовщика, который купил злополучные часы.

Юрка получил свои часы, и в тот же день, на всеобщей вечерней линейке, он подошел и ударил Махмуда по ли-

цу. Тот опустил голову, лицо его полыхало от стыда, от мучительного стыда и обиды, он стоял, ожидая новых ударов, но Юрка повернулся и встал на свое место.

Махмуд убежал с линейки под всеобщее улюлюканье. Стоя на коленях на берегу сая и обмывая лицо ледяной водой, он еще долго слышал издевательский, уничтожающий смех и оскорбительные выкрики своих одноклассников, ребят из младших классов...

Но на этом не кончилось. На следующее утро был урок русского языка, на который он опоздал.

— А вот и наш миллионер! — сказала Маргарита Георгиевна, невысокая, сутуловатая, с желчным лицом старой девы. Черная мохнатая родинка большой мухой дрогнула над ее верхней губой. — Благородный граф Монте-Кристо.

Махмуд улыбнулся учительнице беспомощно, заискивающе, словно умоляя ее защитить его, а вокруг хохотали ребята и девочки.

— Натырил у всех, потом подсчитал — миллион! — крикнул Тахир.

— Часы с камнями и музыкой, а мой слямзил, — подал голос Юрка. — Миллионер паршивый!

— А что, — сверкнула своими вытаращенными глазами толстуха Галка. — Может, он и вправду миллион наворовал, надо проверить.

Махмуд побелел, съежился, точно его окружили со всех сторон враги, которые только и ждут сигнала своего вожака, чтобы кинуться на него. И вдруг душу захлестнула дикая ярость, в ней потонули и позор, и сознание своей вины.

— Ненавижу, всех вас ненавижу!

Стало тихо, так тихо, будто неожиданно разразился гром, который напугал всех, заставил проглотить смех...

8

— Встать!

Махмуд вздрогнул, вскочил на ноги, больно ударившись головой о верхний ярус железной кровати.

В камеру вошли несколько человек в форме во главе с майором, начальником следственного изолятора, остановились посередине камеры.

— Гражданин начальник, в двадцать третьей камере пятнадцать человек, отсутствующих нет. Дежурный по камере Курочкин.

— Здравствуйте, — кивнул майор и оглядел застывших в стойке «смирно» подследственных.

— Здравствуйте! — рявкнули в ответ.

— Жалобы есть?

— Свидание бы, гражданин начальник!

— По разрешению следователя.

— Когда ларек, гражданин майор?

— Вас предупреждали: раз в пятнадцать дней.

— Библиотекарши давно нет, книги пора менять!

Майор оглянулся, тут же вперед выступил начальник смены с погонями лейтенанта:

— Сегодня книги сменяют, я уже сделал замечание.

Майор обратился к книголюбу:

— Ясно?

— Ясно, гражданин начальник.

— Есть еще вопросы, жалобы?

— Гражданин начальник... у меня есть! — вперед шагнул Махмуд.

— Слушаю вас.

— Скажите... у меня лично... простите!.. Я просто,—отсмешался, не зная, с чего начать. Пауза затянулась, майор нетерпеливо дернул бровью:

— Слушаю вас, говорите.

— Мне хотелось бы узнать, — краснея, выдавил наконец Махмуд, — сколько мне могут дать... на суде?

— По заслугам, — угодливо хихикнул кто-то за спиной Махмуда.

Майор недовольно нахмурился.

— Разговорчики!.. По вашей статье, — обратился он к Махмуду, — положено от трех до восьми. Суд все учтет и решит соответственно. Ясно?

— Ясно, — потухшим голосом повторил Махмуд.

— Успокоился? — похлопал его по плечу Кура, когда за начальством закрылась дверь.— Я ж тебе говорил, а ты все не веришь.

Махмуд не ответил, откинулся к стене, раскрыл книгу. За столом резались в «козла», спорили, даже смеялись неудачному ходу, ошибке соперников.

— А еще помню, был со мной такой случай, — продолжал, видимо, свой рассказ Пухов, ожидающий суда за участие в хищении... — Вызывает меня шеф мой, так мол и так, Пухов, срочно нужно три тысячи. Я делаю глаза яблоками, откуда, Аванесыч, нет у меня таких денег. Он смеется, пальцем грозит: «Знаю тебя, черт хитрый!» Он меня всегда чертом хитрым называл в хорошем настроении. На

до, понимаешь, говорит, комиссия к нам едет, угостить хорошо нужно, гони три тысячи, а сам за лесом поедешь, понимаешь?

Я ему свое гну: «Где же взять эти три тысячи? Сами знаете, недавно сына женил, то, се!..» Он разозлился, стучит по моему лбу пальцем: «За лесом тебя посылаю, на грузовиках повезешь, понял ты, наконец? За лесом! В накладе не будешь».

Понял я, все понял. Принес ему после обеда деньги, а машины уже ждут... Рванули мы на Урал, нагрузились, остальное по железной дороге пошло, проезжали через один кишлак, скинул я тышчонки на четыре, поехал дальше, ничего не знаю... а возле перевала меня уже ждут. Горяченького повязали...

— А шеф твой как? — спросил Пухова один из партнеров по домино.

— Нормально, что с ним станет! Не могу же я человека такого подвести. Благодетель. Он мне после помог. — Пухов стукнул по столу костяшкой. — Рыба! Считаю очки!..

— Помог! — ухмыльнулся кто-то. — Вот опять сидишь.

— Ну, это уже совсем другая история, — буркнул по-мрачневший Пухов. — Тут всех помели...

Махмуд смотрел в книгу, но ничего не видел, строчки перед глазами расплзались. Казалось, еще немного, и сон сморит его, но Махмуд давно знал уже, что это не так, сон так же легко улечучится, стоит ему закрыть глаза. Ему нравилось это состояние, которое, как легкое опьянение, затуманивает рассудок, расслабляет нервы, в такие минуты легко уходить в грезы, в далекие воспоминания...

Был ли потом у него такой друг, как Юрка, с которым ему было легко, который бы понимал его, слушал, верил, был ли такой человек, перед которым хотелось раскрыться, поделиться чем-то потаенным, пусть нехитрыми, но казавшимися для него очень важными и неотложными мыслями, переживаниями?.. Нет, не помнил он такого человека. Был, конечно, Володя Маков — тот понимал его без слов, покровительствовал, но держался как-то в стороне, словно ждал чего-то от самого Махмуда. Но и тот уехал... Было много приятелей, которые всегда приходили к нему домой, на любые праздники, хотел он этого или не хотел, и ему нравилось это, нравилось чувствовать себя единственным, незаменимым, без которого не обходится ни одно торжест-

во, которого любят, уважают. И он посещал их так же бездумно, бесцельно... Бывали, правда, минуты, когда он ощущал в себе страшную тоску, непонятную, неожиданную тоску от той пустоты, которая окружала его, ставила его перед вопросом — что же дальше, как он представляет себе свое будущее? И тогда он чувствовал себя одиноким, невыносимо одиноким, никому не нужным, хотелось уединиться от всех, разобраться в себе, поразмыслить о жизни, подумать, почитать, просто побыть одному. Но это почти никогда не удавалось, всегда кто-нибудь оказывался рядом, и снова он начинал кружиться в водовороте пустых разговоров, мелких споров, интрижек. Расходились далеко за полночь, осоловелые от вина, бит-музыки, нескончаемого галдежа. Потом он виновато обнимал мать, в который раз обещал, что это в последний раз. Она не любила, когда он пил, говорила всегда: вино и горе живут рядом, неразлучно друг с другом. Он соглашался с ней: «Все, мама! Все, больше не буду».

«Ах, сынок! — говорила она. — Я понимаю, вам, молодым, хочется жить весело. Я не против, собирайтесь, танцуйте... Но во всем нужно знать меру. Мне всегда немного страшно, когда я смотрю на вас. Вдруг что-то случится и рядом в ту минуту не окажется человека, который бы трезво оценил ситуацию, нашел правильный выход... Кровь горячая, потом поздно будет...»

Накаркала!

В душе поднялась злость, но тут же сменилась острым чувством жалости к матери, к самому себе. Разве мог он тогда, во время этих разговоров, представить худшее, чем то, что с ним случилось? Не мог, да и не желал... Слова перестают быть словами только тогда, когда событие уже произошло, когда наступила расплата, когда уже ничего не повернуть вспять. И от тебя вдруг отделяется твое второе «Я», которое с невозмутимым спокойствием раскладывает перед тобой твое прошлое, твои промахи — вольные и невольные. Обнажает то, в чем ты никогда не признавался даже самому себе, закрывал глаза — это не я, я не такой, я не могу себе такого позволить. Но вот случилось такое, и твой двойник с улыбкой Мефистофеля сидит напротив и наблюдает за твоими конвульсиями, ему смешны твои попытки отмежеваться от самого себя, смешны и противны.

Маля, Малиночка моя!.. Не ты ли говорила: «Отольют тебе мои слезы!» Вот и отлились.

Махмуд вспомнил себя, как разговаривал обычно с

девчонками. Не глядя, свысока, словно каждое его слово для них — закон.

Ох, головой бы этого законника об стену, чтобы мозги все повывлетали!.. Учился плохо, работал так себе...

Кто же он? Ни рабочий, ни студент... Ну, теперь-то ясно — без пяти минут осужденный...

— Разговорчики! — привычно постучал ключами контролер. — Всем спать.

— Иди ты, колбаса ходячая! — огрызнулся вполголоса Кура. В тусклом свете лампочки видно, как сверкнули его глаза, он нервно потер подбородок, снова лег.

— Ну и что дальше? — нетерпеливо спросил Фарид.

— Шоферяга этот получал на базе контейнеры с добром всяким: шелк, шерсть, импорт-экспорт разный... — продолжал Кура увлеченно. — Представляешь, миллионы там у них были, и все шито-крыто. Гуляли как черти. В ресторанах нельзя, засекут сразу, так они летали в Москву: номер в гостинице, девочки классные. Утром прилетел, подзарядился, а вечером назад. А иногда компанией собирались на душевную разгрузку: лагерь снимут пионерский где-нибудь в горах, зимой там, кроме сторожа, никого, гуляют несколько дней с девочками, пьют до чертиков. Эх-ха, вот жизнь!.. Годик бы хоть так погулять, а потом хоть трава не расти...

Кура замолчал, а Махмуд задумался над его желанием «погулять год».

Хотел бы он сам такой жизни?..

Спросил себя и ужаснулся: нет, нет и еще раз нет! Деньги, что они могут? Купить, продать, поесть, попить — разве это ему надо? Да он бы завыл от тоски!.. Тогда чего же он хочет, чего ждет от жизни?..

Махмуд горько усмехнулся. Пока, по крайней мере несколько лет, он ничего от нее не ждет и не имеет права ждать. Колония — не курорт: работа — еда — сон, работа — еда — сон, день, месяц, год...

— Случайность все, случайно они сразу на главного вышли, повязали его. Еще и улик больших не было у них: понятно, ниточка потянулась, но не знали они еще, что за кит им попался, а он сам врубил: понял — хана всем. Привели его на первый допрос, ничего не добились, а ночью он отдал концы. Железный был мужик! Разбежался по камере — и об стенку бетонную головой! Черепок пополам, и все концы в воду.

— Да-а! — не мог скрыть своего восхищения Фарид. — Я бы так не сумел.

— А погулять, пожрать хорошо смог бы? — сверкнул глазами Кура. — Слабак ты, Фара! По мне... я бы на все пошел, лишь бы пожить нормально, чтобы никакие деньги не стесняли — сколько хочешь, столько и кидай.

— Нельзя же так, Кура! — тихо проговорил со своей койки Махмуд. — Умирать из-за денег!

— Что ты в этом понимаешь, Студент! — холодно рассмеялся Кура. — Деньги — это... — Он зажмурился мечтательно, причмокнул языком. — Едь, куда хочешь, делай, что душе угодно! Все тебе в рот смотрят, на полусогнутых перед тобой... В чем дело — вопрос?

— Противно же.

— Не понял! — приподнялся Кура.

— Противно на таких смотреть, которые крутятся вокруг на полусогнутых, — сказал Махмуд.

— Ну почему же! — успокоился Кура. — Очень даже не противно, должен ведь кто-то твои прихоти исполнять.

— Друзей среди них не разглядишь, — сказал Махмуд с грустью. — Казалось, столько их было раньше. А сейчас!.. Мать говорит, все обходят ее, даже не здороваются! А ведь из дому было не выгнать, лучшие друзья!

— Э-э, Студент! — Кура длинно выругался, сплюнул на пол. — Зеленый ты еще!.. Не понимаешь в людях, не разбираешься. Потому и о деньгах тебе толкую — с деньгами все есть, и друзья, и подружки. — Он вздохнул сладостно. — Эх, познакомился с одной... Талия — пальцами обхватишь, сфициантка в «Интуристе»... Приходишь, и чтоб на столе водки не оказалось?.. Все чин чинарем, как в лучших домах Лондона и Парижа: музыка, девочки и вино!

— Адресок подкинешь, а? — не сводил с него восхищенных глаз Фарид.

Лицо Куры внезапно стало одновременно злобным и обиженным.

— Я те дам — адресок! Тот адрес и мне заказан. За муж она, видите ли, хочет, ребенка хочет...

Окошко распахнулось, и в квадратном проеме застыло заспанное лицо контролера:

— В карцер захотели? Я могу, если в постели жарко.

Ему никто не ответил. Даже Кура не огрызнулся как обычно, он уже сладко позевывал. Ему завтра после подъема — в путь...

Махмуд тоже закутался в жесткое, пропахшее табаком и потом одеяло, закрыл глаза. Скорей бы заснуть, тогда

исчезнут куда-то Кура, Фарид, Пухов со своими путаными историями, пропадет железная койка, твердый, в комках сбившейся ваты матрац. И если удастся заснуть и не приснится мать или интернат, он будет один, освобожденный от всех привязанностей и воспоминаний и ему будет так хорошо, что просыпаться не захочется.

К концу второго месяца, после утренней проверки, ему принесли копию обвинительного заключения. Он, Умаров Махмуд Умарович... такого-то года рождения... обвиняется по такой-то статье такому-то пункту... в умышленном нанесении тяжких телесных повреждений гражданину...»

Вот и все. Следствие закончено, дело передано в суд. Махмуд смотрел на отпечатанный на нескольких листочках текст, не вникая в его смысл. Все, все кончено.

Он словно потерял связь с реальным миром, не видел и не слышал ничего: просыпался, шел умываться, не ощущая ни чувства голода, ни вкуса овсяной каши, ел, обжигался чаем, так же автоматически шагал на прогулке.

Все. Он мертв. Он никому не нужен. Но ведь есть еще суд, он может найти смягчающие вину обстоятельства. Наказать условно, условно! Может же быть такое?!

Но чуда не произошло. Последующие дни Махмуд вспоминал как бы в тумане, урывками, отдельными картинками.

Вот его привезли на суд. Небольшая комната против окна — судейский стол, массивный, тяжелый, за которым сидят судья и двое заседателей. Справа и слева, друг против друга — прокурор и адвокат. Вдоль стен расставлены старые, потертые стулья, на которых расположились многие «зрители»: мать, знакомые, соседи, какие-то старушки — наверное, постоянные посетительницы подобных зрелищ. Малина сидела у самой двери, запомнились ее глаза, потерянные, ищущие, жадно вглядывающиеся в него и вновь уходящие.

Он помнил также, что в комнате было очень душно, несмотря на декабрь; на улице выпал снег, белоснежный, упругий, хрустящий под ногами снег; стекла широкого, почти во всю стену, окна заледенели, а тут было душно, совсем как в саратан. А может, ему это просто показалось?..

Судья, полноватый, среднего роста, с густыми посеребренными волосами, гладким, до синевы выбритым ли-

цом, подождал, пока установится тишина после одного из вопросов, медленно зачитал показания, поднял глаза:

— Подсудимый Умаров Махмуд Умарович! Признаете вы себя виновным?

Махмуд поднимает на судью завороченный взгляд, кивает поспешно:

— Признаю.

Он оборачивается, замечает Графа — уже потом, во время следствия, Махмуд узнал его фамилию — Сабуров, пришлось не один раз встретиться им и на очных ставках, но это гораздо позже, когда Сабурова выписали из больницы.

Сабуров сидел рядом с матерью притихший, а та что-то все раздраженно говорила ему. Махмуд несколько минут смотрит на Графа, тот не выдерживает, багровеет, отводит глаза.

— Как же так получилось, Умаров? Соседи характеризуют тебя положительно, на работе тоже неплохие отзывы, в армию должен был через два дня ехать и вдруг! — сказал прокурор.

— А что мне надо было делать? Бежать? — Махмуд удивленно слушал собственный голос. Он снова как бы разделился, один покорно молчал или подтверждал сказанное другими, другой возбужденно говорил, бунтовал, не хотел смиряться.

— Бежать нельзя было, конечно, — проговорил заседатель, пожилой мужчина с тремя рядами орденских планок на пиджаке. — От хулиганов нельзя бегать, их учить нужно.

— Но не ножом же учить! — поправляет его судья.

— Вот именно! — кричит со своего места мать Сабурова. — Скоро на улицу нельзя будет выйти из-за таких вот бандитов!..

— Попрошу без выкриков! — постучал по столу судья. — Нападавшие на Умарова тоже не ангелы, свое по закону получат.

— Да я не за нож, — сказал заседатель. — Просто хочу понять, почему такой парень... — судья по характеристикам спортсменов, вообще неглупый, не выродок — и вдруг ножом!..

И снова провал в сознании, снова только обрывки вопросов, выступлений прокурора, адвоката и приговор.

«Умаров Махмуд Умарович... на основании вышеизложенного... приговаривается к трем годам лишения свободы

в исправительно-трудовой колонии общего режима. Приговор может быть обжалован...»

Что обжаловать? И так дали минимум. Три года!.. Три года!.. Три года!..

9

Махмуда отправляли в колонию. Всего набралось человек сорок. Сначала их собрали в большую общую камеру, потом жались друг к другу в «воронках», потом ехали в зарешеченных вагонах. Лица вокруг были угрюмые, замкнутые в своих мыслях, переживаниях.

Колония была точно такой, какой он ее себе представлял, какой показывали в кино. Главные железные ворота со сторожевыми вышками, административный корпус, казарма для охраны, небольшая спортивная площадка, плакаты — «Осужденный! Все в твоих руках, только добросовестный труд и примерное поведение поможет тебе быстрее увидеть родных и близких!» и еще один — «Хочешь — поможем, не умеешь — научим, не хочешь — заставим!»

Дальше — стена, еще одни ворота, тоже железные, за ними — зона, бараки и... столовая, библиотека, даже кинозал. В общем, только высокий каменный забор, колючая проволока и сигнализационные установки напоминали, куда ты попал.

Махмуд миновал закрывшиеся за вновь прибывшими вторые ворота, медленно оглядел зону: влажная, утоптанная тысячами ног земля, возле клуба — палисадник, выложенный вокруг красным кирпичом. А над всем этим — хмурое, какое-то безжизненное небо.

— А, Студент, ты?

Махмуд резко обернулся, засмеялся счастливо:

— Кура!

— Привет!

Они обнялись как самые близкие друзья.

— Вот не думал! — Махмуд не скрывал радости. — Такая тоска взяла, и вдруг ты!..

Кура, в новеньком черном ватном бушлате, с обритой шишковатой головой, со страшно знакомой, неожиданно чуть ли не родной беспечно-наглой ухмылочкой, театрально размахивал руками и говорил, обхватывая его за плечи, как заботливый отец блудного сына:

— Я! Своей персоной, его светлость Кура Первый! — Он указал в сторону бараков. — Ты сразу должен понять

расстановочку: что, где, как, почему... Тебе повезло — я тут, не жук чихнул, — член совета коллектива! Ребята свои подобрались...

— Что за совет? — не понял Махмуд.

— Темнота! — Кура хихикнул. — Председатель совета—теплое местечко: это свидания, это... самое главное—УДО! Не врубаешься?

— Нет.

— Условно-досрочное освобождение. Досрочно, через полсрока, через две трети. Решает, конечно, начальство, мы... как это?.. Рекомендуем... Сила! Теперь понятно?

— Теперь понятно, — улыбнулся Махмуд.

Он действительно был обрадован этой встречей, почти счастлив: ведь Кура сразу взял на себя обязанности проводника, а местность для него была незнакомая, болотистая.

— Нам как раз такой нужен, чтобы новичок был и свой в доску, — Кура почему-то понизил голос. — Пока поработаешь на стройке, без сачков. Нужно, чтобы ты там сперва проявил себя.

— Но я не умею строить, — растерялся Махмуд.

— Будешь раствор носить, кирпичи... На подсобке. Надо так, понял? — Кура заговорил еще тише: — Это временно, скоро должно одно местечко освободиться, тепленькое и сытное... Туда мы тебя и сунем. И тебе хорошо, и ребятам. Свои люди везде нужны, майн брудер. А ты — студент, в институте учился...

— Один год всего, — поправил его Махмуд. — Да и то недоучился, какой из меня педагог! — Он еще очень смутно воспринимал все вокруг, в том числе и болтовню Куры, но был искренне рад такой теплой встрече.

— В чем дело — вопрос? Зато голова у тебя петрит, и язык подвешен... Они, — Кура кивнул на ворота, — видят, кто чего стоит. Их не очень-то проведешь. В совет-то я пролез, им деловые нужны, а вот, к примеру, к хлебо-резке на пушечный выстрел не подпустят. На роже, что ли, у меня написано? Но сам знаю и потому даже не рыпаюсь... А у тебя...ты чистенький, положительный, первый заход!

Майор Кидаш — воспитатель отряда (за глаза его прозвали «Кидай-дальше») — любил порассуждать перед строем, и говорил он, расхаживая взад и вперед, как бы медленно подыскивая нужные слова, смакуя их. И сейчас он расхаживал и рассуждал вслух так же, хотя всего-навсего излагал давно известный ему нехитрый распорядок,

да еще вдобавок, для «торжественности», взял с собой текст.

— Значит, так, — говорил он, прохаживаясь вдоль застывшей шеренги. — Повторяю специально для наших новичков, для тех, кто еще не знаком с нашими правилами. — Майор не торопясь развернул сложенный вчетверо лист, начал читать, делая паузу после каждого пункта распорядка и бросая многозначительный взгляд на новичков, которых поставили в первом ряду. — ...Обед с тринадцати до четырнадцати часов...

А Махмуд видел перед собой лицо матери таким, каким оно было в тот последний день, день суда, оно потемнело, глаза были растерянные, недоумевающие, большие.

Перед расставанием она сидела рядом, гладила его щеки, волосы, плечи. Руки ее мелко дрожали, но она не плакала, только изредка прикасалась к сердцу, словно прислушиваясь... Сейчас он ясно понимал, она просто боялась слезами и жалобами расстроить его еще больше. И почему он раньше не замечал, как она у него постарела, совершенно сдала... Та авария ее сильно подкосила, ранняя пенсия, а потом и он, единственный сынок...

— Ты что, Махмуд? — толкнул его сзади в бок Кура. — Бормочешь... Вспомнил что? Плюнь.

Махмуд не ответил.

— Отбой в двадцать два ноль-ноль. Все ясно? — закончил майор и сложил листок.

— Я-сно!

«Малые детки — малые бедки. Большие детки — большие бедки», — вспомнил Махмуд частые причитания соседки, которая захаживала к матери на пиалу чая, специально, чтобы пожаловаться на свою старшую, которая, и выйдя замуж, все никак не угомонится, слушать не хочет мужа, мечтает уехать учиться на актрису. «Представляете себе, соседка! Актриса!.. У нас в роду не было никаких актрис, и ничего...» Мать только улыбалась задумчиво: «Что поделаешь, соседка, такая молодежь пошла. Может, она и права. Мы ведь тоже не очень-то родителей слушали». «Ну, то мы, — возражала соседка. — Мы в войну наравне со взрослыми работали. А что эти могут сами?» — горячилась соседка.

Права она, ничего они не могут, потому и выходит все вот так...

Пошли строем в столовую.

— Ты не очень-то Куре верь, — услышал вдруг Мах-

муд шепот у самого уха. — Будь сам по себе, ему только подхалимы нужны.

Махмуд оглянулся: за ним шагал худошавый жилистый парень с короткими черными волосами и колючими глазами из-под густых мохнатых бровей. Парень пытливо смотрел на Махмуда.

— Сам разберусь, — буркнул он в ответ.

Парень ничего не сказал больше. Только потом, после обеда, отозвал Махмуда в сторонку:

— Ну, раз ты такой хороший знакомый ему, скажи своему Кура: добром предупреждаю, пусть меня не трогает. Не боюсь я ни его, ни компании всей.

— Не понял... — усмехнулся Махмуд. — Почему же ты сам ему все не выложишь, если такой смелый?

— При случае сам скажу. А пока передай. Скажи, Юрка подходил, Ядгаров, запомнил?

«Юра, — усмехнулся про себя Махмуд. — Опять... Судьба?» Он никак не мог избавиться от мгновенной симпатии, которая возникла в нем к этому незнакомому парню с колючими, но совсем не злыми глазами.

— Запомнил.

— Он и ко мне подходил. Только стадный инстинкт не по мне, пусть подбирает безликих, а я сам по себе. Так и передай, все.

Ядгаров повернулся и ушел. Значит, он, Махмуд, безликий, бесхарактерный. Вот это открытие!.. Махмуд озадаченно глядел вслед этому непонятному странноватому парню, пока его не окликнул Кура:

— Топай сюда. Чего ему от тебя надо было?

— Просил передать тебе, чтобы ты его не трогал, — пожал плечами Махмуд.

— Нужен мне этот козел! — буркнул Кура, поворачиваясь, чтобы уйти.

— Погоди, — остановил его Махмуд. — А что он за парень?

— Чемпион вшивый!

— Как это?

— Да это я так... от злости. Боксер Юрка был классный, видел я его на этом... на ринге. Удар у него... Противник чуть зазеваается — хана! И счет открывать не надо.

Кура ушел, а Махмуд снова почувствовал себя маленьким, беззащитным, затерянным в этом мире, враждебном и непонятном...

Махмуд попал в одну бригаду с Ядгаровым. Тот работал каменщиком — как говорили, буквально за три месяца выучился, да так, что опытные каменщики только удивлялись. Впрочем, опытных, хорошо знавших свое дело в бригаде было раз-два и обчелся. Ульмас Ахунжаков — прораб и бригадир одновременно. Ташаев — каменщик шестого разряда, аккуратный до болезненности человек, инструменты у него были всегда в идеальном состоянии, и если кто пытался подшучивать над этим, он всегда говорил: «Мастер начинается с инструмента. Мне не надо смотреть на кладку, чтобы сказать — знает ли человек свое дело, я смотрю на его инструмент, потому что инструмент — это паспорт».

И еще столяр-краснодеревщик, тоже самого высокого — шестого разряда, Рахимов Эркин-ака, работавший на стройке плотником. Остальные члены бригады, если не считать Ядгарова, мало отличались от Махмуда. Да им и не надо было ничего знать, их дело — лопаты, носилки, раствор да кирпич. В общем, бери больше, кидай или тащи дальше.

Объект — школа, здание в четыре этажа, развернутое буквой «П», рядом спортзал.

С первого дня Махмуду пришлось встать к носилкам. Ох и работенка! Балансируй на узком раскачивающемся деревянном трапе, волок с напарником полные носилки на третий этаж.

Трап крутой, временами казалось, что гибкие доски вот-вот треснут посередине и он полетит вниз, но доски выдерживали, лишь упруго пружинили под тяжелыми шагами. Так прошла неделя, вторая, за ней еще, еще.

Махмуд потерял счет времени, за день он так уставал, что не было сил идти в столовую, хотелось быстрее добраться до койки, вытянуть разбитое тело и ни о чем больше не думать, только спать, спать. Руки, ноги, поясницу ломило так, будто его били палками.

Прораб успокаивал: «Ничего, привыкнешь. Сначала всегда так. Со всеми». Махмуду трудно было этому поверить, с ним ведь все не так, как с другими...

Ладони его покрылись кровавыми язвами, не успевали заживать, он не мог даже сжать пальцы в кулаки. Но не к врачу же обращаться, если со всеми так бывает. Однако он чувствовал, что еще день-два, и он не потянет больше эти чертовы носилки.

И тут к нему подошел Ядгаров, остановил, повернул кверху его ладони, усмехнулся:

— Постой, не дергайся!

— Брось! — попробовал улыбнуться потрескавшимися губами Махмуд. — До свадьбы заживет.

— До свадьбы еще дотянуть надо, — заметил Юрка, весело усмехнувшись. — Ничего, сейчас придумаем...

Он задумался на минуту, потом огляделся и стал шагать в куче ветоши, остановив Махмуда:

— Стой, не мельтеши, пожалуйста, подождут.

Нашел подходящий кусок, резко разорвал на две длинных полосы, подошел к Махмуду:

— Давай-ка руки.

Махмуд молча повиновался. Ядгаров быстро привязал импровизированные ремни к запястьям, сделал на концах петли.

— Порядок, — засмеялся Юрка, лицо его вдруг стало по-детски озорным. — Теперь только придерживай носилки, чтобы ручки не выскользнули из петель.

— Спасибо, Юра! — Голос Махмуда дрогнул.

Ядгаров понял его состояние, хлопнул по плечу.

— Не стой, дуй, а то сейчас засигналят.

— Рас-тво-о-ор! — действительно раздалось в этот момент сверху.

— Есть раствор! — рассмеялся Махмуд, устремляясь с носилками к ящику.

Постепенно Махмуд втягивался в работу, она перестала его тяготить, даже наоборот, заглушала внутреннюю боль, своей монотонностью отвлекала от постоянных мыслей о воле, о тех, кто там остался.

С Ядгаровым отношения у Махмуда оставались такими же сдержанно-вежливыми. Юрка все так же с усмешкой при случае слегка подковыривал его, и раза два Махмуд пробовал огрызнуться, но темные, с пушистыми ресницами глаза Ядгарова смотрели на него неожиданно дружелюбно, и жало ответной иронии ломалось, застревало в горле Махмуда, он только улыбался в ответ и шел к своим носилкам.

Ядгаров держался в бригаде несколько особняком, работал он легко, с каким-то артистизмом. Кирпичи, послушные его рукам, ловко ложились на нужное место, а раствор ровным слоем растекался под гладким, отполированным железом мастера. Ахунжаков частенько останавливался невдалеке, наблюдая за работой Ядгарова, довольно улыбался, проводя рукой по кладке:

— На воле тебе цены бы не было, Юрка, работай ты на стройке! — говорил он в минуты особого расположения. — Выйдем отсюда, найди меня. Все будет тебе, и квартира, и заработок, честно тебе говорю! Хорошие каменщики на улице не валяются, а ты родился настоящим мастером, это я тебе говорю.

— Ну, если ты говоришь, — пряча улыбку, говорил Ядгаров, — тогда придется подумать!

— Подумай, подумай! — не замечая иронии, подхватывал Ахунжаков. — Не пожалеешь...

Вроде бы ничего не изменилось в отношениях между Ядгаровым и Махмудом, и все же тот и другой почувствовали — появилось между ними что-то такое, необъяснимое, но уже довольно крепко связывающее их, делающее незримыми союзниками, какая-то едва определимая симпатия, которую оба изо всех сил скрывали, не признавались даже перед собой.

Хотя нет: пожалуй, Махмуд давно с большой радостью бы пошел на сближение, Юрий нравился ему все больше и больше своей сдержанностью, подчеркнутой независимостью, подчас вызывающей и неприязнь. Да, Ядгаров был колюч, но Махмуда тянуло именно к нему.

Может быть, причиной тому был их возраст. Ядгаров был не намного старше, но это совсем не ощущалось, выглядел он младше своих лет, а возможно, Юрка тоже истосковался по общению, несмотря на то, что в кармане постоянно носил томик Байрона и изображал из себя непонятую современникам личность. Все же временами, после особенно хорошо сделанной работы, в нем просыпалось какое-то незлое озорство, он начинал задевать Махмуда, который тут же включался в игру, охотно парировал его шутки. Но если день был тяжелым, нервным и все угрюмо косились друг на друга, замыкались в себе, такое же состояние охватывало и Юрку, и Махмуд с удивлением видел на его гладком лбу глубокую складку, которая делала его красивое волевое лицо тяжелым и неприветливым.

Несколько раз к Махмуду приходил Кура, приглашал пойти с ним к «своим» в соседний барак, послушать «умные мысли», «почифирить». Махмуд отнекивался, ссылаясь на усталость. Однажды все же Махмуд пошел, не нашел в себе решимости отказаться, и пожалел после. Тошно было видеть, как одни держат себя маленькими царьками, а другие — вертятся вокруг, подобострастно лобят каждое слово, хихикают с готовностью над плоскими шутками. И когда Кура снова позвал его, он отказался:

— Не хочется, Кура. Пойми меня, я ничего против твоих ребят не имею, честное слово, но...

— Завидуешь? — усмехнулся Кура. — В бугры не можешь, в холуи не хочешь?.. Ладно, погоди, разберемся, — туманно заключил он. — А выбирать придется, усеќ?

Махмуд не ответил. Кура похлопал его снисходительно по плечу и ушел.

Махмуду, как всегда, не спалось, кровать его стояла под самым окном, и ему было слышно, как завывает за стеной ветер. Неожиданно вспомнились строчки из детства: «Ветер, ветер, ты могуч, ты гоняешь стаи туч...» Махмуд покосился на соседа — Ахунжакова, секунду-другую всматривался в загорелое лицо. Нет, не показалось.. Из зажмуренных глаз прораба выкатилась и поползла, оставляя за собой влажную борозду, одинокая слеза.

Махмуд не удивился: Ахунжаков всегда спал беспокойно, долго ворочался, прежде чем уснуть, потом вдруг начинал скрежетать зубами, стонать, то наоборот, грубое, рубленое его лицо освещалось доброй улыбкой. Но утром, если Махмуд спрашивал у него, что за сны он видел ночью, тот толком ничего не мог вспомнить.

— Эх, ты! — укорял прораба Ядгаров. — Плачешь — не помнишь, смеешься — тоже не помнишь.

— Плачу, да? — смущенно удивлялся Ахунжаков, потом говорил неуверенно: — Я помню все... только очень смутно. Дом свой видел, детей... Хороший был сон, а вот о чем... не могу вспомнить, детей помню и больше ничего.

— Сны надо запоминать, — встревал в разговор кто-нибудь из ребят. — По снам когда-то судьбу гадали, а ты не помнишь.

Махмуд тоже улыбался, застилая постель, успокаивал:

— Главное — хороший сон, остальное — ерунда, так ведь, бригадир?

Частенько, особенно когда барак погружался в сон и слышалось только тяжелое дыхание очень усталых людей, Ахунжаков предлагал Махмуду припрятанную специально для него сигарету с фильтром и ударялся в воспоминания. Он любил поговорить, и для этого ему нужен был внимательный и терпеливый слушатель, каким был Махмуд. И случалось, что рассказ прораба затягивался едва ли не до самого подъема: уже тонкая полоса предутренней зари разгоняла ночную мглу, уже гасли сторожевые прожекто-

ра и лампы на столбах вдоль заборов, а Ульмас все никак не мог расстаться со своим прошлым. Махмуд понимал его: ведь недаром говорят, что где-то на Западе деловые люди придумали специальных роботов, которые только и могут произносить — «Да, сэр!», «Я с вами полностью согласен, сэр!» «Как я вас понимаю, сэр!». И эти железные истуканы имеют большой спрос, что вполне объяснимо. Человеку нужно выговориться, поделиться, а слушать подчас никто не хочет или не имеет времени, разучились люди слушать друг друга, и вот тут на помощь приходят хотя бы роботы...

Впрочем, это, конечно, не выход. Ведь нужно, чтобы тебя слушали с интересом, сопереживали. А Махмуду все интересно. Вот говорить сам он пока не может, не может и не желает... К тому же, в отличие от Ахунжакова, он еще ведь почти нигде не был, кроме своего города, да и что можно успеть за неполные двадцать лет — ничего.

Ульмасу же было что порассказать — жил на Севере, валил лес, работал на приисках, плавал, ловил рыбу на Сахалине.

Там и познакомился со своей будущей женой.

Махмуд вспомнил рассказ Ахунжакова:

— Иду как-то после работы, злой как черт. Устал, еле ноги волоку, а тут еще руку снова прихватило, артрит, чуть не вою от боли. Мечтаю только об одном — быстрее до кровати добраться. И такая тоска вдруг накатила... Ну, думаю, — хана! Отработался, нужно собирать шмотки, пока не сорвался!

И подумать хорошо, что меня держит?.. Деньги есть, подсобирал кое-что, сезон кончается — еще получу!

Все, хватит. Тридцатый мне уже пошел, пора дом завести, семью. И мать сколько лет одна, никого у нее, кроме меня, нет, пора и ей внуков нянчить. Она мне часто писала: «Сынок, подумай, пора тебе остепениться! Женисься, дети пойдут, пока я еще могу тебе помочь, а если случится что со мной, кто тебе поможет?..» Все это вспомнил и решил: еду домой.

Иду, рассуждаю таким манером, вдруг вижу — баба, лежит на земле, царапается, молотит кулаками и ревом кричит. Хотел пройти мимо, потом остановился, подошел: «В чем дело? — спрашиваю. — Может, помочь чем надо, чего ревешь?»

А она только: «Идите вы все подальше!» Ну, дает, думаю. Повернулся и пошел себе. Иду, а самому будто заноза в душу засела. Что там с ней такое, почему?»

Повернул назад, она лежит как лежала, только плечи дрожат. Еле поднял, на скамеечку посадил. До самого темна с ней провозился, зло 'брало, ругал себя черными словами — утром на работу, а я тут нянчусь с ней! Хотя бы вид она имела, нет же, ни то ни се. Пришли мы ко мне, выпили чуток. Оказывается, хахаль у нее был, жениться обещал. Жили вместе, работали, деньги собирали, и вдруг приходит она — ни его, ни денег. Все забрал и смылся.

До самого утра мы просидели, все она рассказывала о себе, о детдоме, в котором выросла. Утром на работу мне, а я не могу, жалко так стало ее, и вдруг:

— Оставайся со мной.

Сам не знаю, как это у меня выскочило. Она на меня смотрит, я на нее, и тут меня понесло, будто не я это говорил, а кто-то другой:

— Оставайся пока, а потом, после сезона... ко мне поедем, к матери моей.

Он улыбнулся, вспоминая жену.

— И не жалею. Бабой она хорошей оказалась, и красивой тоже. Правду говорят: «Женщина — она как виноградная лоза, хороший уход ей нужен, чтобы расцвела она».

Почные разговоры сблизили Махмуда с прорабом. Он стал ему вроде за старшего брата, всячески поддерживал.

— Сделай из него каменщика, Юра! — сказал он однажды, подводя Махмуда к Ядгарову. — Пусть у парня будет настоящая специальность, это всегда пригодится.

Через месяц Махмуд встал на самостоятельную кладку; правда, пока стена у него постоянно норовила уйти в сторону, и не будь рядом Юрки или Ульмаса, неизвестно, что бы у него вышло, но постепенно он начинал чувствовать себя увереннее, кирпич начинал слушаться, ложиться один к одному ровнее.

Однажды к Махмуду подошел Кура и попросил достать ему хороших сигарет. Махмуд обещал, хотя понятия не имел, как он это сделает. Обратился к Ульмасу.

— Ты его ко мне пошли, если еще раз подойдет, — усмехнулся Ахунжаков, — я ему скажу, где достать.

Махмуд, конечно, ничего не сказал Куре о своем разговоре с прорабом, но в следующий раз Ахунжаков сам остановил Куру:

— Зачем парня тревожишь, а? Добром прошу, оставь его в покое, не ваш он!

Кура не ответил, только полоснул прораба пренебрежительным взглядом и отвернулся, словно того и не было. Но потом чувствовалось в Кура какое-то не свойственное ему напряжение, он все время терял нить разговора, перескакивал с одного на другое, потирая нервно острый подбородок своими толстыми пальцами...

Махмуд запарился, доставая Кура обещанные сигареты. Чтобы не выглядеть трепачом, пришлось отдать за пачку «БТ» круг колбасы из только что присланной посылки.

— Колбасу отдал, говоришь? — смеялся Кура, подмигивая своим дружкам. — Не жалеи! Дружба — это главное!

— Ну, Кура дает! — хохотнул Генка Белый.

Махмуд промолчал, потянулся было к пачке, но Кура будто не заметил его движения, закурил сам и добавил:

— Человека кормит дружба!

Когда же Махмуд снова протянул руку к сигаретам, Кура отстранил от него пачку, укоризненно покачал головой:

— Нехорошо, Студент! Разве можно попрошайничать? Свои надо иметь!

— Шакал!.. Я тебе говорил — это шакал, а ты не верил! — будто отрубил Ядгаров, когда на следующий день Махмуд рассказал ему об этом эпизоде.

— Ведь он со всеми так, — посетовал Махмуд, думая о тех, кто окружал Куру. — И они молчат, терпят.

— Собаки эмира ничем не отличаются от своего хозяина, — усмехнулся Ядгаров.

Махмуд не отреагировал, только подумал: рассказать ему о предложении Куры перейти в хлеборезку или не надо?

«Чего тут думать, — втолковывал Кура, отозвав его в сторону перед вечерней проверкой. — Я уже обговорил все с кем надо, так что готовься принимать хлеборезку. — Он заговорщицки подмигнул. — Работа не пыльная, мечта многих. Белый хлеб, сахар, масло, чай — все под рукой. С миру по нитке — без копейки миллионер, всегда пару пачек чаю можно иметь про запас, чифирить хоть нормально будем!..»

Потом к нему подошел и Славка Толкунов — председатель совета коллектива:

— Значит, согласен идти в хлеборезку? — сказал он таким тоном, точно все уже давно обговорено и нужно только уладить формальности, получить его согласие.

— Нет, — вырвалось у Махмуда.

— Как это «нет»? — удивился Толкунунов. — Ты что, серьезно?

— Я хотел сказать... — замялся Махмуд. — Подумаю. До... ну еще немного, можно?

— Дурак! — пожал плечами Толкунунов и ушел.

— Умаров, тебе письмо, — окликнул Махмуда дежурный по бараку. — Я на тумбочку твою положил.

— Спасибо.

Махмуд увидел конверт сразу, почти одновременно со словами дежурного. Торопливо схватил конверт, глянул на обратный адрес — тоже из колонии, из другой... почерк незнакомый... «Сабуров Е. Г.».

Сабуров, Сабуров, кто бы это такой был? Но тут же Махмуда осенило: «Граф». Вот чего никак не ожидал!..

Он вынул письмо, стал читать: «Здравствуй, Махмуд! Ты, наверное, удивишься когда получишь мое письмо, но я не мог не написать...»

Махмуд и не слышал, как в барак заглянул Ахунжаков и позвал его несколько раз.

— Спишь, что ли? — склонился над ним подошедший Ульмас.

Махмуд невидяще посмотрел на него, стряхнул с себя оцепенение.

— Так... задумался.

— Письмо получил, — заметил пустой конверт Ахунжаков. — От кого?

— От этого... парня одного, — Махмуд запнулся, глянул на испещренный мелким почерком двойной листок, который сжимал в руке. — Ну тот, которого я... ножом.

Ахунжаков замер на секунду:

— Угрожает?

— Нет, что ты! — улыбнулся Махмуд. — Прощения просит.

— Понятно, — кивнул Ахунжаков, вынимая из тумбочки баночку с заваркой.

— Неплохой он все же парень, этот Сабуров, — продолжал тихо Махмуд. — Хотя, конечно, кто его знает? Может, оттого только и написал, что сам сидит, а?

— Бывает и так, — откликнулся Ахунжаков, запирая дверцу и выпрямляясь. — Пойдем чайку на воздухе выпьем... Ядгаров за кипяточком пошел.

Махмуд кивнул, нагнулся к своей тумбочке, заглянул

внутри: на верхней полочке лежали две стопочки писем — от матери и от Малины, внизу — чай, сахар, хлеб и два кружка копченой колбасы. Махмуд несколько секунд раздумывал, положил письмо поверх стопочки, поправил, вздохнул, взял колбасу и хлеб.

— Ничего, Студент, — словно прочитал его мысли Ахунжаков. — От тюрьмы и от сумы, говорят, не отказываются...

Кружка обжигала пальцы. Махмуд поставил ее на землю у своих ног, смотрел на Юру, который маленькими глотками пил чай, на Ахунжакова, в задумчивости помешивавшего ложечкой густую коричневую жижу в своей кружке. Попробовал он один раз глотнуть чифиру — не понравилось, Ахунжаков это понял и не предлагал больше.

— Один — спортсмен, другой — студент, один я просто человек, — смеялся грустно Ахунжаков, заваривая себе покруче.

Махмуд боролся с желанием рассказать о предложении Куры. Одно он четко понимал: отказаться от хлебозрезки — значит, идти на открытый конфликт с Курой и его «семьей».

«Семья»... — усмехнулся он горько. — Уже и к словечкам здешним стал привыкать...»

— Бери колбасу, — подвинул Махмуд нарезанные кусочки поближе к Ядгарову. — Совсем как чужой.

— Брось ты это, — отмахнулся тот. — Тумбочка почти пустая, а он все угощает.

— Бери, тебе говорят! — с притворной обидой сказал Махмуд, взял самый большой кусок, сунул Ядгарову в руку. — Ешь, все равно на год не растянуть. Ешь, ну!

Ахунжаков сидел сгорбившись, не слушал их перебранки, маленькими глотками пил свой чифир, лицо его было хмурым, задумчиво-напряженным.

Ядгаров старался жевать неторопливо, с достоинством, будто нехотя, но все равно было видно, что еда доставляет ему острое удовольствие. Проглотил колбасу, опять заулыбался своей открытой улыбкой.

— Черт! Вот так и теряется индивидуальность.

— Скажешь тоже! — смутился Махмуд, сам не понимая отчего.

— Это не я говорю, — заметил Ядгаров и показал на свой живот. — Это он говорит. И после его слов личность

плавится, так сказать, в огне обстоятельств, и так плавится, слабеет, что в итоге из нее получается разве что ночной горшок.

— Трепач! — буркнул Ахунжаков и вздохнул. — Что мать, так и не пишет?

— И не напишет, она у меня принципиальная, — подчеркнуто равнодушно ответил Ядгаров, но и Ахунжаков, и Махмуд все же уловили боль в голосе товарища, и не ошиблись, его тут же прорвало: — Эх, мама, мама!.. Понимаю ведь, понял уже все, зачем же мучить так меня! — Ядгаров отвернулся, деланно засмеялся. — Ведь все пять лет может ни слова не написать, знаю я ее... Железо, а не мать.

— Сам виноват! — глухо сказал Ахунжаков, тоже глядя в сторону. — Так избить жену, беременную к тому же! Отелло нашелся...

Махмуд незаметно толкнул Ахунжакова: зачем ты так!

— Не распинай, Ульмас! — взмолился вдруг Юрка. — Хоть ты не распинай.

— Ты сам себя распинаешь! — снова отвернулся от него Ульмас, сказал как бы самому себе: — Все мы... виноваты в своей судьбе!..

11

— Надумал или снова будешь волюнку тянуть?

Махмуд полулежал на штабеле досок, наслаждаясь последними минутами обеденного перерыва. Он досадливо поморщился, открыл глаза, посмотрел на Толкунова, за толстыми стеклами очков которого скрывались голубые с легкой поволокой глаза.

Сейчас он будто впервые увидел его по-настоящему. Казалось бы, что общего у Славки могло быть с Курой? И здесь, в колонии, тот смог сохранить в себе что-то такое, неуловимое, говорящее о его интеллигентности, незаурядном внутреннем мире. Говорили, что отец Толкунова — известный физик, а мать заведует кафедрой. Да и сам Толкунов учился в университете, уже на пятом курсе, попал на скамью подсудимых сразу по нескольким статьям — в нетрезвом состоянии сел, не имея прав, на родительскую «Волгу» и сбил человека. В колонии Кура сразу взял его под опеку, баловал, чем мог, а приносили Куре всякой всячины немало. В зоне Славке было особенно тяжело, временами он вдруг взрывался, готов был лезть на колючую проволоку, вот в такие минуты всегда рядом оказывался

Кура со своей компанией, и всегда под руками оказывалась припрятанная пачка черного чая, а то и что покрепче. А когда Толкунова избрали председателем совета коллектива, здесь уж Кура для него стал вообще необходимым.

Заместитель Кндаша лейтенант Ибрагимов больше всего опасался любых «ЧП».

— Дисциплина, — часто и неопределенно повторял он, подняв палец перед строем и на собраниях, — это все, это корень жизни, где дисциплина — там есть все, где нет дисциплины, там нет ничего, там анархия, а в колонии анархии нет и не может быть.

И дисциплина в колонии, действительно, была железная. В отряде же и того суровее, всем здесь заправлял Кура и его подручные, с ними редко кто хотел связываться, и потому на всех собраниях Ибрагимов не забывал похвалить председателя совета коллектива, ставя его в пример. Толкунова действительно уважали в отряде, особенно любили послушать его рассказы о прочитанных книгах, о которых многие даже не слышали, о разных исторических событиях и деятелях, среди которых Славка особенно выделял Юлия Цезаря, Александра Македонского, Тимура, Ивана Грозного и Наполеона...

Махмуд чувствовал неприятный холод в груди. «Что делать? Что делать? А если согласиться? Согласиться, а потом послать всех подальше?»

— Что молчишь? Шестеренки заело? — раздраженно бросил Толкунов, поправляя на переносице очки, но тут же спохватился: — Парень ты честный, вот мы и подумали — лучше уж ты, чем кто другой! Сам понимаешь, хлеб — дело деликатное!

Махмуд молча глядел ему прямо в глаза. Ведь понимает, прекрасно понимает этот голубоглазый, почему Кура настаивает, чтобы именно он, Махмуд, пришел в хлеборезку...

И Толкунов смотрел на Махмуда, внутренне презирая и ненавидя его. «Трус! Такой не пикнет, — думал он. — Сделает все, что ему Кура прикажет. И порядочек будет, дисциплинка...» Ему были глубоко противны все и всё: он ненавидел Куру, Махмуда, этих Белых, Морячков. — подручных Куры, больше всех ненавидел себя и потому еле сдерживался.

— Ты что, издеваешься надо мной?! — вдруг заорал он. — Пойдешь в хлеборезку или нет, ну?

— Не ори на меня! — негромко, но резко ответил ему

Махмуд. — И плевать я хотел на твою хлебрезку, понял! Плевать!..

Толкунов еще несколько секунд ошалело смотрел на него, потом странно скривил губы, пожал плечами и ушел.

«Что-то теперь будет? — Махмуд провел рукой по влажному лбу, усмехнулся горько. — Трусишь! Даже в пот бросило!»

Вечером, после проверки, когда все расходились по баракам, Махмуд вдруг ощутил жесткий удар в затылок, полетел вперед по инерции и упал, обдирая о землю лицо и руки.

— Ты что, Махмуд?

Его окружили несколько человек.

— В чем дело — вопрос? — раздалось из темноты.

— Споткнулся! — Над Махмудом склонился ухмыляющийся Федя Морячок.

— Больно, да? — выглянул из-за спины Генка Белый. — Ай-яй-яй!

Федя Морячок громко втянул в себя воздух у лица Махмуда, отшатнулся с брезгливой гримасой:

— Да ты, брат, пьян!

— Серьезно? — Генка Белый ткнул к Махмуду своим большим носом, хлопнул в ладони. — Братва, точно выпил! И без закуси! Вот ножки и не держат!

— Раскричались! — вперед вышел Кура, протянул Махмуду руку, помогая подняться. — Ну выпил малость человек! С кем не бывает?

Махмуд встал, не сводя изумленного взгляда с Куры. Из рассеченного подбородка кровь струйкой текла на рубашку.

— Ну и гад же, оказывается, ты! — прохрипел он.

— Ты это на кого? — надвинулся на Махмуда Морячок, но Кура остановил его, покачал головой.

— Без шухера! — он обернулся к Махмуду. — А ты грубиян, Студент!

В следующую секунду хлесткий удар в челюсть подбросил Махмуда и швырнул на землю.

Его пинали подручные Куры, но Махмуд почти не ощущал боли...

— Махмуд, что с тобой? Махмуд!

Ахунжаков склонился над кроватью, тряс его за плечи, глаза его лихорадочно блестели. Он выпрямлялся, оглядывая барак, оборачивался на Ядгарова, который тоже стоял рядом и не сводил напряженного взгляда с избитого лица Махмуда.

— Говори, кто тебя избил, ну? — тряс Махмуда Ахунжаков. — Говори.

— Оставь, — сказал Махмуд устало. — Никто меня не избивал! Я сам. Споткнулся и упал. Сам...

Махмуда оставили на день в бараке: он лежал на кровати, перебирал стопку Малининых писем, снова и снова перечитывал отдельные места. Почерк у нее был очень аккуратный, по-детски красивый, каллиграфически ровные буквы лепились одна к другой в строгую линейку.

«...Знаешь, я полюбила гулять одна по ночам... Нет, неправда, я гуляю не одна. Когда выхожу из дому, на улице меня встречаешь ты, и мы идем в парк, на нашу аллею. Кроме нас здесь никого нет, все давно спят, видят сны, и мы говорим, говорим, обнимаемся, целуемся, свободно, потому что нас никто не видит. Поверишь, временами я даже ощущаю тепло твоих губ, твое дыхание. Ты как всегда нежно смеешься, согревая мне руки, и никто на всем свете — только ты, я и еще ночь...»

Махмуд закрыл глаза, перенесся мысленно туда, где осталась Малина, увидел аллею, фонтан, сложенный из колотого камня, — Фархад, разбивающий молотом скалу, из которой бежит тонкая струйка воды. Здесь он всегда ждал Малину.

Вот и она, бежит к нему, радостная, машет издали рукой, что-то кричит.

Он смотрит на нее, медленно идет навстречу... Вот она помнит только хорошее. А ведь он часто обижал ее, обращался, как с куклой, хотя видел, что ей больно, видел и даже наслаждался этим, чувствуя свое превосходство. А в чем оно, это его превосходство, чем он лучше ее?.. А может, она сама виновата, что он так обращался с ней, избаловала его своим вниманием, ловила каждый его жест, старалась угодить, а он...

Виновата!.. Разве можно винить человека, если он любит? Да и мог ли он тогда до конца понять ее? А сейчас разве он уже все понял, понял, что такое для него ее любовь?

Но что-то он наконец понял... очень хочет понять, потому что ему стало бы невозможно без этих писем, которые он держит сейчас в руках, которые ежедневно перечитывает, кажется, знает наизусть, которые достаточно просто перебирать, чтобы почувствовать их тепло, услышать мысленно родной голос, увидеть улыбку...

Малина вдруг замедлила шаги, остановилась, лицо ее изменилось, стало белым, неживым, слепок, а не лицо. Она качала головой, глядя на него, и когда он шагнул к ней, отшатнулась испуганно.

— Малина, что с тобой? Это же я, я! — хотел сказать он, но не смог, горло перехватило.

Она тоже что-то говорила ему, он видел это ясно, потому что губы ее шевелились, шептали что-то.

«Я ничего не слышу!» — хотелось крикнуть ему, но вместо слов из горла вылетало какое-то шипение.

Он стал задыхаться, словно кто-то сжал ему горло.

— Вот мы и встретились! — взглянул ему в лицо Кура, это его толстые пальцы, оказывается, сцепились на горле. Махмуд почувствовал, что теряет сознание. Тут глаза Куры начали расти, превратились в огромные шары, которые, казалось, вот-вот выпрыгнут из орбит и раздавят его, то вдруг начали сужаться, превратились в узкие щели, из которых вырвался яркий и тонкий, как лезвие, луч.

Луч вдруг ожил, скользнул по нему, и Махмуд с ужасом увидел, как у него отвалились сначала руки, потом ноги, потом это все поднялось в воздух, проплыло мимо его лица и исчезло в пасти черной пещеры.

Махмуд закричал от страха, не от боли, именно от страха, потому что он не мог себе представить, как ему теперь жить в таком состоянии, никому не нужным изуродованным обрубком, он хотел умереть, но и этого не мог сделать, лежал на земле, глядя в ненавистное лицо своего врага. А Кура хохотал все громче и громче, один глаз его при этом закрылся, а из другого вдруг повалил густой черный дым, который стелился по земле, забивал нос, горло, раздирал легкие...

Махмуд проснулся от собственного надсадного кашля. Барак трясся от хохота. Поднял голову: у самого лица тлела подушка. Дым тонкой струйкой поднимался вверх и попадал прямо ему в нос.

Махмуд почувствовал, как бешеная злоба начинает закипать в нем, он вскочил на ноги, взгляд замер на тяжелой кочерге возле чугунной печки. Махмуд рванулся было к ней, но тут что-то зашуршало под ногами, отвлекло — письма, на полу в беспорядке лежали Малинины письма. И точно жаром обдало Махмуда, жаром, а потом ледяным холодом.

«...Махмуд, я считаю дни, когда мы снова будем вместе. Дни и минуты. И получается, что нам осталось быть в разлуке 878 дней, или один миллион двести шестьдесят че-

тыре тысячи триста двадцать минут. Боже, как много!.. Иногда мне кажется, что я умру и не дождусь тебя, потом сжимаю кулаки, зубы, успокаиваю себя: «Нет, ты должна вытерпеть! Ведь ему труднее, чем тебе, он-то нюни не распускает! И все проходит. Господи, как я по тебе соскучилась! Как жду тебя!.. Мы все ждем тебя, Махмуд! Мама, я, все!..»

— Эх, вы-ы! — вырвалось у него с болью, он обмяк, опустился на колени, начал подбирать письма.

Кто-то набрал из бочки воды в кружку, плеснул на тлеющую подушку, загасил:

В барак быстро вошел Ахунжаков, направился к кровати Махмуда, взглянул на грязные потеки на подушке, встретился с потерянным взглядом своего младшего товарища, резко обернулся, крикнул с угрозой:

— Кто это сделал?!

Никто не ответил ему, только Морячок ухмыльнулся нагло, демонстративно спокойно пошел к выходу.

— Стой, ты! — схватил его за руку Ахунжаков.

— Ну! — обернулся Морячок. — Имеешь что-то о меня?

Он расправил массивные плечи, несколько раз ударил кулаком в свою левую ладонь.

— Что с вас поимеешь, шакалы! — задыхаясь и еле сдерживаясь, проговорил Ахунжаков. — Но если вы не оставите Умарова в покое, вам всем придется иметь дело со мной! Всем, слышите?! — крикнул он, обращаясь к тем, кто был в бараке.

— Что случилось, Ульмас?

На пороге кошаче-пружинисто застыла фигура Ядгарова.

— А вы меня хорошо знаете! — напряженно звенел высокий голос Ахунжакова. — Я на ветер слов не бросаю, — он глянул на Морячка, дохнул ему прямо в лицо. — Понял, ты-ы!

— Что здесь происходит?

В барак заглянул лейтенант Ибрагимов, глянул на Морячка, на Ахунжакова.

— Да все этот Умаров, — проворчал из своего угла Шальной.

— Подушку куревом сжег, а виноватого на стороне ищет, — указал Морячок на оторопевшего Махмуда.

— Смотри, Умаров! — в голосе лейтенанта прозвучал металл. — Доиграешься у меня.

Он захлопнул за собой дверь.

— Гражданин начальник! — кинулся за ним Ахунжаков. — Гражданин начальник...

Морячок с дружками, перемигнувшись, тоже вышли из барака.

Махмуд бессильно опустил на кровать, отрешенным взглядом глядя куда-то в пространство: «Ох, Маличка! Кто знает, хватит ли у меня сил вынести все это?»

12

Однажды, когда Махмуд, как обычно, вернулся с работы и пришел в барак, чтобы переодеться, привести себя в порядок к вечерней проверке и к ужину, его ждал сюрприз.

После яркого солнца в пустом бараке ничего не было видно, Махмуд двигался, как рысь во время охоты, — осторожно, выбрасывая вперед сначала одну ногу, потом подтягивая вторую, ориентируясь по памяти. Глаза еще не совсем привыкли к полумраку, как вдруг где-то впереди кто-то захихикал.

Махмуд остановился, напряг зрение, вглядываясь в очертания человеческого силуэта.

— Не узнаешь?

Кто-то поднялся с его кровати, но не пошел навстречу, остался стоять.

— Н-нет, — Махмуд мучительно пытался вспомнить, где он слышал этот голос.

— Махмуд, неужели и взаправду не узнал меня, а? «Идет скелет, за ним другой...» — с гнусавым вокально-инструментальным подвыванием запел вдруг незнакомец.

— Владька, ты? — рванулся вперед Махмуд, споткнулся, ударился плечом о спинку кровати и упал бы, наверное, но тут его подхватили длинные руки. — Владька!

— Убьешься, а мне отвечать! — смеялся гость.

Они обнялись и, не ослабляя объятий, стали топтаться и кружить на маленьком пятачке, словно национальные борцы в базарный праздник.

— Махмуд!

— Владька!

— Вот не думал, что встречу с тобой! Не мечтал даже! — Владька сдвинул его изо всей силы, так что у Махмуда затрещали ребра.

— За-души-ишь, дурак! — наконец вырвался он из клешней Владьки Фарманова, плюхнулся на кровать, перевел дыхание.

Они жили по соседству, дома их разделял общий забор. Крупный, почти на голову выше Махмуда, с длинными мускулистыми руками, которыми бы только молотом махать в кузнице, выпирающей боксерской челюстью, толстыми, вечно сухими, шелушащимися губами большого рта, Владька выглядел гораздо старше своих восемнадцати лет и вообще напоминал громилу из старых наивных фильмов. При встречах с человеком его внешности обычно каждый здравомыслящий человек старается быстрее пройти мимо... Но впечатление это быстро пропадало, стоило поговорить с ним минуту, услышать мягкий тембр голоса, поймать стыдливо-робкий взгляд больших серо-зеленых глаз, обрамленных длинными пушистыми ресницами. Глаза эти заставляли забыть безобразно длинные руки, квадратные тяжелые плечи; глядя в них, можно было сразу понять, что человек, обладающий такими глазами, совершенно безобидное существо, что он никому и никогда не сможет сделать больно, потому что он... потому что он — Владька Фарманов.

Махмуд улыбнулся своему бессилию дать характеристику товарищу детства.

Да, но почему он здесь?!

Махмуд смотрел на Владьку, и в голове у него никак не укладывалась мысль: Владька Фарманов, Владька Тихоня, Владька Чистюля, Владька Зануда и еще черт те как ни называли его в детском саду, на улице, а потом в школе, Владька Фарманов, который не пропускал ни одного нового фильма, наперечет знал всех кинозвезд мира, у которого была самая большая среди ребят библиотека, несмотря на очень скромный достаток в семье, этот Владька, зачитавший собрание сочинений Александра Грина до дыр, — вот здесь, в колонии, рядом с ним, и Махмуд смотрит в его лицо, слышит смех, видит эти прозрачно-успокаивающие глаза?

Быть не может, не укладывается в голове! Кого угодно мог бы он встретить здесь, только не Фарманова...

Они проговорили до самой проверки, вернее — говорил Владька, рассказывал об их городе, о матери, друзьях, о том, как попал сюда.

— Такая скука вдруг нашла, хоть вешайся, — говорил Фарманов, развалившись на постели Ахунжакова. — Никого почти на улице не осталось, ты здесь, другие поразъехались, кто учиться, кто в армию... А между нами говоря, сам Ганди сказал: «Человек не может считать себя сколько-нибудь порядочным человеком, не проведи он некоторое

время в тюрьме». «Армия и тюрьма воспитывают в человеке настоящий, мужской характер», — говаривал и дядюшка Хэм.

— Кто, кто? — не понял Махмуд.

— Да Хемингуэй. Застрелился вот только, жаль... — сказал Фарманов, задумавшись на минуту. — А если такие люди не боялись, подумал я, так чем же я хуже?

Махмуд хотел возразить, что великие люди уж, наверное, имели в виду не уголовщину, но Владька убежденно продолжал:

— В армию меня не взяли—плоскостопие! Чушь какая-то: в наше время, в эпоху космических ракет, когда человек научился управлять геной наследственностью, когда черт знает что в мире творится — вдруг решает вопрос о твоей неполноценности какая-то ступня! Даже смешно!

— А-а! — он махнул рукой и вдруг выдал: — Остается одно — тюрьма.

Удивленный Махмуд опять не успел остановить эти странные излияния.

— Тюрьма так тюрьма, только вот какой вопрос — нужно, чтобы все было по-настоящему, без фальши, — обернулся к нему Фарманов. — Ну и начал перебирать варианты: хулиганство — пошло, воровство — низко, ограбить кого-нибудь — это вообще...

Короче, родился у меня специальный план, но тут нужен был напарник, и чтоб внешность имел представительную, интеллигентную. Но чтоб только внешность. А где такого искать? Конечно же, в пивном баре. Целый день там проторчал, а как я к пиву отношусь — ты хорошо знаешь. И чего некоторые находят в этом пойле?

Но, главное, хоть не зря промучился, встретил кого надо: лет сорок пять, лысина — Сократ и только, солидный животик. Представился Иваном Трофимычем, ну мы с ним обо всем быстро договорились.

...В галантерейном магазине было всего несколько человек: мужчина в новеньком темно-коричневом костюме, две пожилые женщины и сонная продавщица с равнодушно-брезгливым выражением лица; болезненно полная, почти квадратная, она тяжело двигалась между прилавком и полками.

— Товарищи, — раздраженно проговорила она. — Выбирайте что надо побыстрее, у меня обед.

Женщины не обратили внимания на ее слова, тихо переговаривались между собой, разглядывали платки на витрине.

— Да я сейчас, — откликнулся мужчина и снова склонился над застекленным прилавком.

Продавщица облокотилась на прилавок, взгляд ее скользнул по женщинам, остановился на мужчине, на его массивных роговых очках, которые поблескивали в лучах солнца. В одной руке он держал большой черный портфель, другой время от времени поправлял очки, которые почему-то все время сползали на нос.

Мужчина чувствовал на себе взгляд продавщицы, нервничал, ставил портфель на пол, но тут же, словно спохватившись, снова брал его, неловко прижимал коленями к стенке прилавка, косился на продавщицу, словно хотел обратиться к ней, но не решался.

— Гражданин, берете вы что-нибудь, мне ведь тоже обедать нужно! — нетерпеливо выговорила продавщица. — И вы, дамочки, пошевеливайтесь! — прошипела она сквозь зубы.

— Еще минуточку, пожалуйста! — мужчина просительно улыбнулся, снял очки, сощурился. — Мне, собственно, спросить хотелось у вас, — начал он робко, но тут со стуком распахнулась дверь, и в магазин вбежал запыхавшийся парень.

— Все, все, все! — всполошилась продавщица, выходя из-за прилавка. — Закрыто на обед, после обеда приходи!

— Только на одну минутку, — отступал парень, пытаясь нырнуть у нее под рукой. — Спросить хочу...

— После обеда, — не слушала его продавщица. — Освободи помещение.

— Да подождите вы! — вкрадчиво сказал парень. — Я вам хочу показать тут кое-что. Может, купить захотите... — он начал разворачивать небольшой сверток.

— Ничего мне не надо, — по инерции махнула рукой продавщица, но замолкла, вытянув шею: — А что у тебя там?

— Детальки кое-какие. К телевизору, приемнику...

— Э-э-э! — обозлилась она. — Что я буду делать с твоими деталями? Не нужно мне ничего, закрываю магазин.

— Извините-ка, девушка, — подошел к ним мужчина, заинтересованно заглянул в сверток, взял одну деталь, поправил очки. Глаза его загорелись: — Ба-а-а!.. Никогда не знаешь, где повезет. Месяц ишу, всю область обегал. — Он обернулся к парню. — Сколько? Говори свою цену, не бойся.

— Мастер мне сказал: «Меньше семи рублей не бери!»

— Согласен, — засмеялся мужчина, хлопнул парня по плечу.

Женщины тоже подошли ближе, стали разглядывать, что там за детали такие, которые нигде нельзя найти. Отметив это, продавщица вдруг засуетилась.

— Сколько у тебя этих штуковин?

— С собой только пять, — будто нехотя отвечал парень. — Дома еще есть. Запечатанная коробка, двадцать штук — комплект.

— Стоп! — остановил его мужчина. — Беру всю коробку. — Он вынул из кармана деньги, отсчитал четыре пятерки. — Вот тебе двадцатка, остальные... — Что же делать? — мужчина взглянул на часы. — Здесь встретимся. Через час, сразу после перерыва, сможешь? Хотя... — он снова глянул на часы, закусил губу. — У меня совещание назначено, может шофера послать? — рассуждал он как бы сам с собой.

— Пусть он у меня оставит, а вы потом заберете, — пришла на помощь продавщица. — Я и себе несколько штук оставлю, на всякий случай. Вдруг пригодится?

Тут одна из женщин тоже сказала просительно:

— Я тоже хотела бы...

Мужчина перебил:

— Э, не-е-ет! Я забираю все. Вот продавщице оставь несколько штук, остальные никому... У меня брат и знакомые просили, это же такой дефицит! Значит, договорились, девушка: вы возьмете все, что он принесет, а я вечером заеду и рассчитаюсь с вами, вот вам десяточка за услугу. — Он взглянул на часы, заторопился. — Ого, подчиненные, наверное, уже собрались! Пора, пора!

Мужчина по-отечески похлопал парня по плечу и быстро пошел к выходу...

Через несколько дней у Ивана Трофимовича в портфеле была кругленькая сумма, вырученная сообщниками за копеечные, залежалые в радиомагазинах детали.

Махмуд слушал Фарманова и не узнавал его! Владыка ли это, который когда-то плакал над соседской дворнягой, когда ее задавила машина; который вообразил себя современным Диогеном и, подражая ему, достал откуда-то старую селечную бочку и сидел в ней целыми днями, пока мать не вытащила его и не разрубила бочку на дрова; который...

— Ты меня не слушаешь, Махмуд?

— Почему же, — поднял глаза Махмуд. — Слушаю... все слушаю, — он помолчал, потом спросил задумчиво: — Ведь ты был другой, Владька? Откуда в тебе это?

— Да брось ты! — насутился Фарманов. — Два года, разве это срок? Я хоть почувствовал в жизни какой-то азарт, понимаешь? Думаешь, мне деньги нужны были? Плевать я хотел на деньги. Главное — какая идея! Но они мне не поверили, все на Трофимыча свалили, что это он меня с пути сбил. И суд тоже так решил, даже слушать не стал. Трофимычу четыре вlepили, а мне — два, я еще испугался, что условно дадут. — Он сплюнул, сказал с вызовом: — Так ему и надо, сам виноват! Если б не он...

— Если бы не ты, он, может быть, сейчас сидел бы у себя дома, усталый, после работы... а рядом играли его дети, он был бы на свободе, не будь тебя, — тихо заговорил Махмуд. — Почему же ты его винишь, а не себя?

— Во-первых, я никого не виню, — задрал подбородок Владька. — Это, как тебе известно, не в моих правилах. А во-вторых... — Он подмигнул Махмуду: — Пока в изоляторе сидел, у меня такой планчик созрел — пальчики оближешь! Под кодовым названием: «Звонка в милицию не будет!» Хочешь, расскажу?

— Нет, — встрепенулся Махмуд. — Не хочу даже слушать!

— Чего ты испугался? — удивился Фарманов. — Если мы с тобой провернем его...

— Да не хочу я ничего проворачивать, Владька! — вскричал Махмуд. — Тебе что, мало двух лет, ты теперь прописаться в колонии хочешь? Прошу... не лезь ты ко мне со своими планами! Понял? Жизнь — не приключенческие книжки и не игра. Мне бы этот срок без «ЧП» выдержать!

— Махмуд, ты что? — всполошился Владька. — Я же пошутил, я ничего такого и не хотел! — Лицо его вдруг стало таким виноватым, что Махмуд рассмеялся.

Легко, будто погладил, коснулся его руки:

— Прости, нервы стали куда не годные.

— Я понимаю, — помрачнел Владька.

— Пока не понимаешь, мальчишка ты еще совсем... Скажи мне лучше, неужели тебе было не жаль этих людей, которые верили вам, отдавали деньги? Где же твоя совесть?

— При чем здесь совесть? Там же сплошь спекулянты работают!

— Нельзя всех под одну гребенку.

— Нужно! — вскинулся Владька. — Я так считаю.

— Ну, если ты так считаешь! — усмехнулся Махмуд.

— Да, считаю! И еще считаю, что пока до них доберутся, я сам их накажу...

Он замолчал, насупился.

За сюрпризом с Владькой последовал вскоре еще один, озадачивший Махмуда. Как-то вечером его вызвали к майору. Зачем он им понадобился? Может, Кура с дружкойми, со Славкой этим наклепали что? Но оказалось, что дело совсем в другом.

Кидаш и Ибрагимов сидели друг против друга за большим письменным столом, и Махмуду показалось, что они только что спорили между собой и недоспорили.

— Что-то стенгазета наша в последнее время хромает... — начал майор. — А вы, Умаров, кажется, студент?

«Ну вот, — не без злорадства подумал Махмуд, — и начальству «умные» потребовались». Он не выдержал и спросил с горькой иронией:

— Что, про дисциплину писать?

— Именно! — подхватил Ибрагимов. — Вот напишете заметку и сами подтянетесь, осознаете.

Майор недовольно покосился на него и снова обратился к Махмуду с неожиданной на его грубоватом лице располагающей и тонкой улыбкой:

— Свободу творчества не ограничиваем.

— А про что писать? Какая уж здесь свобода, не то заведение, — хмуро бросил Махмуд. — И вообще, о чем толковать с новичками, какая воспитательная работа, когда Кура с Толкуновым всей «воспитательной работой» управляют.

— Ну, почему же... — пожал плечами майор. — Разве уж так у нас с вами дела плохи? Вот хотя бы ваша бригада, трудится вполне прилично. И не одна она. В клубе недостатки есть, не спорю, но ведь что-то делается. И лучше будет, если сами побольше активности проявите. Так, Умаров?.. И о недостатках можете писать, естественно. В общем, подумайте, никто вас не торопит.

— Да уж, тут торопиться некуда, время есть, — раздраженно бормотал Махмуд под нос, возвращаясь в барак. Но чем-то встреча с майором его задела, запомнилась.

Неожиданно для себя Махмуд открыл, что часто разговаривает сам с собой. Сознание его как бы раздваивалось, плоть как будто существовала сама по себе: тело продолжало свою механическую деятельность — двигалось, делало физическую работу — месило раствор, штукатурило стену, клало кирпичи, поглощало пищу, сидело на лекциях, отдыхало по ночам, а сознание жило своей жизнью, вело свой счет времени.

Вот и сейчас Махмуд был далеко отсюда, стоял у главного входа филфака и ждал Малину. Он знал, что она вот-вот должна появиться, и она действительно появилась, как только он подумал об этом.

— Ты давно меня ждешь?

— Только пришел.

— Ты вышла одна, где же остальные?

— У нас общенинститутское собрание, — сказала Малина, в свою очередь удивляясь его вопросу. — Я сбежала, потому что ты меня ждал.

«Но ты ведь не знала, что я тебя жду!» — хотелось сказать ему, но промолчал.

Они шли мимо центрального фонтана «Букет роз». Фонтан, как обычно, не работал, но чем-то был мил горожанам. В зеленой заплесневелой воде плавали обрывки газет, окурки, спичечные коробки. Дно устилала черные прошлогодние листья, изредка поблескивали медью и серебром мелкие монеты.

— Ты помнишь, на этом месте стояла эстрада? — спросила вдруг Малина.

— И каждое воскресенье крутили кино, — улыбнулся он.

— Дядя Миша играл на баяне, и вокруг него было всегда много детей.

— Потому что парк был детский. А там, на том пятачке, была карусель, помнишь?

— Она почти не работала.

— Работала, только надо было крутить ее вручную. Сколько раз мне приходилось крутить с пацанами...

— А почему мы не знали друг друга? Даже не виделись!

— Может, и виделись, только не обращали внимания. Что мы тогда понимали? — Махмуд улыбнулся. — Драчуном я был, такие с девчонками не водились.

— А тебе ничего не будет, если узнают, что ты без разрешения приходишь ко мне... ну, оттуда?

— Ничего! — он обнял Малину за плечи. — Они же ничего не знают...

— Хорошо как!

— Что «хорошо»?

— Что нам никто не сможет помешать встречаться каждый день, так?

— Так.

Он поцеловал ее в щеку, легко, едва касаясь губами нежной кожи.

— Ты знаешь, я теперь лишь понимаю, что такое по-настоящему — свобода. Я бы, наверное, по-настоящему убежал, если бы не смог видеть тебя, если бы ты вдруг отвернулась от меня, забыла.

— Я бы тоже убежала к тебе.

— Глупая, тебе же не надо никуда убегать! Ты только жди меня, каждый день — и я всегда буду рядом.

— Я жду.

— Вот и хорошо, потому мы и вместе. Пошли поедим мороженого.

— Здесь нет мороженого.

— Ах, да! Я совсем забыл, что давно уже не детский парк, где было самое вкусное мороженое... Как хорошо, что мы вспомнили детство. Как хорошо, что есть ты, что можно убежать к тебе. Это дает мне силы жить там иначе бы я, наверное, убежал бы по-настоящему, хотя это и ужасно глупо. Те, кто бежит, просто перестают верить во все это...

— Послушай, браток, закурить бы, а? Угости табачком?

Махмуд открыл глаза: возле Ядгарова стоял Кура, за ним Шальной и Морячок.

— Не жмись, хозяин! — дурачась, просипел Шальной. Ядгаров вытащил из-под подушки мешочек с махоркой, молча протянул Кура, не вставая с койки.

— Мерси, Юрок! — шутовски поклонился Кура.

— Слушай, пожрать не найдется?.. Что молчишь, жалко поделиться с братом своим?

— Ты мне не брат! — глухо отозвался Ядгаров. — Нет у меня ничего.

— Как это — нет? Мамаша твоя — начальник большой, говорят.

— Отстань-ка ты от меня! Отстань, слышишь? — сказал Ядгаров и отвернулся.

— Какой некультурный, — Кура обернулся к друзьям. — С ним по-хорошему, а он морду воротит. Презирает простого труженика, встать не может...

Дружки захихикали.

— Проучить его надо, — встрял Шальной. — Чтобы уважал общество.

— Мысль верная, а? Как думаешь, Морячок? — подмигнул Кура.

Морячок вышел вперед, склонился над Ядгаровым.

— Эй, с тобой говорят!

— Ну, а тебе чего от меня надо! — усмехнулся Ядгаров. — Драться хочешь? Так прямо и скажи!

— А хотя бы так! Видали мы таких боксеров...

— Ну зачем так сразу и драться! — Кура укоризненно покачал головой. — Надо по-хорошему, а, Юрок? Ну, улыбнись же мне, брат по несчастью!

Ядгаров искоса смотрел на Куру, дыхание у него было прерывистое.

— Улыбнись же, тебя просят! — толкнул его в бок Морячок.

— Руки-и-и! — рывкнул вдруг Юрка, вскакивая с кровати. Тело его, не потерявшее и здесь упругости и силы, собралось в боевую стойку.

Махмуд сидел на корточках перед тумбочкой, бесцельно копался в ней. «Не вмешивайся! Ты один, а их много, ты всегда будешь неправ: тебе нужно лишь выдержать, выйти побыстрее из колонии! Остальное тебя не касается».

Кровь пульсировала в висках. Он подумал, что это из-за неудобного положения головы, но поднять ее не было сил. Голос Куры, приторно-сладкий, фальшивый и в то же время спокойно-наглый, полный какой-то звериной радости от сознания своей силы, власти, тяжелыми, удушающими волнами накатывался на Махмуда.

— А если не уберу руки? — издевался Морячок. — Что тогда будет?

— Уйди от греха! — голос Ядгарова дрожал.

Он медленно пятился от наступающего Морячка.

— Куда же ты? — Морячок протянул руку, стараясь коснуться его лица растопыренной пятерней.

— Ну, гад! — крикнул Ядгаров и тут же нанес почти неуловимый взглядом прямой удар в челюсть.

Морячок рухнул как подкошенный. В ту же секунду на Ядгарова ринулась вся компания во главе с Курой.

— Сто-о-о-ой! — на их пути внезапно вырос Ахунжаков. — Стойте!

Он отбросил в сторону Шального, перехватил руку Куры.

— Не лезь, Ульмас! — скривил губы Кура. — Не суйся не в свое дело.

Махмуд подошел к ним, встал рядом. Кура скользнул по нему тяжелым взглядом:

— А тебе чего надо, Студент? Или жить надоело?

Махмуд не двинулся. Кура отвел взгляд, уперся глазами в Ахунжакова.

— Драться будем, дядя?

— Я не дерусь! — дернулась бровь у Ахунжакова. — Я убиваю. Вы меня знаете, салаги.

— Уходи, Кура, — к ним подошел Владька Фарманов и встал рядом с Махмудом. — Тебе же хуже будет, случись что — срок добавят, добром это не кончится.

Кура угрюмо пожевал губами, глухо буркнул:

— Ну, ладно... Мы еще посмотрим...

Он пошел к выходу, за ним двинулись дружки. Последним плелся Морячок, которого поддерживал Шальной. На пороге Морячок обернулся:

— Должок за мной, не забудь, сука!

— По-ш-шол! — гаркнул Ахунжаков.

Когда за ним закрылась дверь, он вздохнул, сказал с упреком, обращаясь в пространство:

— Эх, люди, люди! Чего вам не хватает? Почему так ненавидим другого, ведь один раз живем! Э-э-эх!

Ядгаров поправил свою постель.

— Сволочи! — вдруг сказал он, резко выпрямляясь и обращаясь ко всем, кто оставался в бараке. — Гады вы!

— Ну, дает! — отозвались голоса. — Полегче, парены!

— Он правду сказал, — поддержал Ахунжаков. — Хвосты поджали.

— Нет, неправда это, — неожиданно для себя возбужденно заговорил Махмуд. — Ты, Юрка, сам по себе, ты один правильный. А ведь вокруг тоже люди, их уважать надо.

— Не понял! — сдвинул брови Ядгаров. — Кого здесь уважать?

— Вот и Кура так думает, чем же ты лучше? Они же стадо. Ты что же, надеялся, что за тебя вступятся те, кого ты только что оскорбил?

Махмуда будто прорвало. Сейчас он обвинял Ядгарова, обвинял всех, кто был в бараке, наблюдал в сторонке

гнусную картину, которая повторялась изо дня в день, обвинял себя. Он хуже всех, ведь он любит Юрку, Ахунжакова, почему же Ульмас вступился, а он, Махмуд, молчал, ждал, чтобы сначала это сделал кто-то другой? Он говорил гневно, горько, а на душе почему-то становилось легче. Может, потому, что его слушали и слышали..

14

Они снова были вместе в безлюдном парке, снова одни, сидели в беседке, и никто не мешал им. Но странное было у него ощущение—будто парк заполнен людьми, он даже различал обрывки фраз, слышал девичий смех. А они с Малиной словно оказались вдруг в ином измерении, пространство сместилось и отрезало их от действительности, спрятало на время. И потому он слышит звуки, даже шаги, будто кто-то ходит рядом, совсем близко, такое ощущение, что этот кто-то может ненароком наступить ему на ноги, и он даже с опаской поджимал их.

Где-то рядом играл оркестр, плавная тихая мелодия, обволакивала, усыпляла, умиротворяла. И понемногу Махмуд освобождался от усталости, что накопилась за день.

— Я недавно вспомнил, как впервые увидел тебя, — сказал он. Мягкие ее волосы щекотали ему шею, он коснулся губами пушистой прядки, ощутил нежный аромат ее кожи.

— Это было так давно, — засмеялась она. — Тысячу лет назад.

— А кажется, будто вчера... Ты шла по улице и остановилась выпить газированной воды.

— В тот день была ужасная жара, и мне так хотелось снять туфли.

— Я сказал ребятам: «Вот это да!»

— А я увидела, как незнакомый парень бежит ко мне, смотрела и не могла отвести взгляда.

— Ты так смотрела, что я споткнулся и чуть было не растянулся на асфальте. И ехидно назвала меня «дедушкой».

— Потому что ты споткнулся. Знаешь, ты мне тогда ужасно не понравился, я сразу поняла, что ты хочешь познакомиться. А я не люблю нахалов.

— Нахалов... Ты так презрительно смотрела на меня, что все нормальные слова вылетели у меня из головы, представляю, что я нес!

— А когда ты назначил мне свидание, я сказала себе:
«Ни за что!»

— А я знал, что ты не придешь, и потому искал тебя. Каждый свободный вечер бродил по городу, знал, что в конце концов обязательно встретимся.

Она тоненько рассмеялась...

— Махмуд, совсем из головы вылетело, — позвал Ахунжаков. — Тебе письмо.

На конверте почерк Малины:

«Махмуд, милый мой, вот и я!

Сегодня была у твоей матери, дома все хорошо, ты не бойся. И еще... пришла я к вам и вдруг вижу — этот Женя Сабуров в огороде копается. Я остановилась, чуть не заплакала, смотрю на него и слова не могу сказать...

Я, наверное, ужасно на него смотрела. Так он и ушел, растерянный, жалкий. Мама твоя потом говорила мне: зря я его так! Понимаю, что зря, понимаю и ничего не могу с собой поделать... У него, оказывается, кончился срок, и вот он пришел к вам домой...»

Махмуд отложил письмо, на минуту прикрыл глаза. Потом перевернул листок:

«Я много передумала за это время. К сожалению, наверное, всегда так: только издали видишь все так, как есть на самом деле, многое открывается совсем по-новому. Наверное, и у тебя сейчас так же. Но для меня остается главное — мое отношение к тебе, к нам... И этот Женя тоже заставил меня многое понять. Знаешь, у тебя, наверное, не было настоящих друзей. Ты прости, что так резко, но, наверное, сам виноват: и ты не был никому настоящим другом, даже мне... Махмуд, дорогой, я понимаю, что там, где ты сейчас, — не лучшее место для размышлений. А может быть, наоборот. То, что с тобой, со всеми нами случилось, наверное, не пройдет бесследно... Я где-то читала, что человеку, если он только человек, все, что бы с ним ни случилось, в итоге на пользу. Пойми, я думаю не о себе, о тебе. Мне и так хватало твоей любви, как бы ни было трудно, а вот тебе — давала ли она все то, что может дать любовь? До свидания, милый, еще раз прости твою Малину. Мне, наверное, нужно просто поддерживать тебя как-то, а не читать мораль. Больше не буду...»

— Махмуд, ты прости, что отвлекаю.

Ахунжаков присел на край скамейки, свернул самокрутку.

— Закуришь?

— Не хочется что-то.

— Понимаю, — Ульмас затаился, закашлялся глухо, с надрывом. — Табак горький попался.

— Бросать надо курить, — сказал Махмуд, чтобы что-то сказать.

— Не могу, — серьезно откликнулся Ахунжаков. — Как-то отвлекает, и вроде легче становится. — Он помолчал, потом глянул на конверт.

— От кого письмо?.. От...

Махмуд кивнул.

— Хорошая, видно, девчонка.

— Хорошая.

— Когда моя на суд пришла, я ее не узнал, — тихо сказал Ахунжаков. — Старухой совсем стала. — Он снова обжег окурком пальцы, швырнул, растер подошвой. — Несладко ей сейчас одной с пацанами.

Подошел Владька Фарманов, сел рядом.

— Ядгарову письмо пришло.

— Да ну? — недоверчиво сказа* Ахунжаков.

— От кого? — встрепенулся Махмуд.

— Не знаю. Он там... в барак ушел.

Ульмас поднялся.

— Пошли посмотрим!

— Неудобно как-то... — замылся Махмуд. — Потом спросим.

— Ничего, — возразил Ахунжаков. — А вдруг мать написала!

Ядгаров лежал ничком на кровати, уткнувшись лицом в подушку, — поза необычная для негнибаемого Юрки.

— Юр! Ты что? — осторожно дотронулся до него Махмуд. — Юрка!

Ядгаров не отвечал.

— Случилось что-нибудь, а? — спросил Ахунжаков.

Ядгаров вздохнул глубоко, сел, вытер лицо полотенцем, осветился слабой, растерянной улыбкой:

— Случилось. Мать написала, — показал он смятый листок, который сжимал в кулаке. — В больнице полгода лежала, потому и не писала. Не хотела меня расстраивать. Сейчас в порядке, и вот...

Глаза его снова наполнились слезами, он отвернулся, будто забыв о них.

— Страшно стало, вдруг с ней что-нибудь... и я больше никогда бы ее не увидел! — с тоской и болью выговорил он. — Испугался...

Махмуду тоже стало жутко от этой простой, казалось бы, мысли. Случись что с матерью, он же никогда бы ее

больше не увидел, он здесь и должен отбыть свой срок, отбыть наказание...

Ядгаров понял его состояние, улыбнулся ободряюще:

— Все в порядке, Махмуд.

— Все в порядке, ребята! — подхватил Ахунжаков и обнял их за плечи. — Я же говорил, все будет хорошо!

Махмуд уже настолько освоил кладку стен, что кирпич ложился автоматически; работа нелегкая, но она теперь почти не занимала сознания. Поэтому он теперь предпочитал избегать перекуров, когда занят разговорами, а голова пуста...

— Ты знаешь, Ядгарову пришло письмо от матери.

— Знаю, — таинственно улыбнулась Малина.

— Откуда? Ведь я тебе об этом не писал?

— Глупый, — засмеялась она. — Но ты ведь писал, что писем ему нет... Женщина и так чувствует, сердцем. А мать... как бы ни был виноват сын, она всегда останется с ним.

— Скажи, ты мне веришь? Веришь, что я еще докажу? У меня есть еще время доказать...

— Видишь, ты сам не знаешь, что ты хочешь доказать и кому, — мягко укоряет Малина.

— Я знаю, — говорит он, вспыхивая, потому что она действительно права. — Мне тут Ульмас, прораб наш, рассказал об одном парне... Странно, когда об этом на лекциях или беседах воспитатели говорят, не очень верится, а вот когда товарищи... Ну, в общем, парень этот все прошел, казалось, пропадет, а он нашел силы, школу вечернюю потом окончил, в институт пошел. Теперь он довольно крупный ученый, в знаменитом Академгородке, в Новосибирске работает, лауреат даже. Ну, конечно, не обязательно всем быть лауреатами, верно? Я тут начал пробовать кое-что... Смешно, мне воспитатель толковал про заметки в стенгазету, ну, стал пробовать, получилось совсем другое. То есть, я не знаю, получилось ли, но другое...

В общем, в газету отдавать боюсь, засмеют. Есть гениальная идея, как любит говорить чудака Владька. Я тебе о его фокусах писал. Все, пока больше ничего не скажу, чтоб не сглазить, ладно?

— Ладно, — соглашается Малина. — Я рада, что ты хоть как-то уже умеешь отвлечься от однообразных мрачных мыслей. Нельзя жить по инерции, милый, нигде нель-

зя. Тебя и туда привела эта инерция, ты просто остано-
вился. А теперь вот, кажется, сдвинулся с места... И ни-
чего не надо доказывать мне, я тебя и так люблю. Дока-
жи себе.

Деревянные подмости, перемазанные желтой жирной
глиной, все в засохших комьях раствора, внезапно качну-
лись под ногами. Слегка поплыло в глазах. Махмуд разо-
гнулся, свободной рукой вытер взмокший лоб. Приближа-
лось время обеда, но все словно забыли о еде. Ватники
потемнели от влаги, но никто не жаловался, работали как
всегда, хотя мелкий дождь, зарядивший с самого утра, сы-
пал беспрерывно, тонкие струйки воды медленно текли по
влажным стенам, накапливались в оконных проемах, отку-
да потом стекали широкими мутными полосами.

— Кирпич!— крикнул сверху Ядгаров.

— Кирпич!— донеслось с другого конца.

— Раствор!— подхватил Махмуд.

Сейчас появятся Владька с напарником. Махмуд поде-
лился с ними ядгаровской «рационализацией», не скрыл и
имени автора, и Владька с тех пор тоже привязался к Юр-
ке. Да и сам Юрка, после того памятного письма, как-то
немного оттаял. А может, стычка с Курой подействовала.
Она не могла не произойти, и когда произошла, будто раз-
рядилось что-то, как после грозы, дышать стало легче. Хо-
тя ясно, что на этом дело не кончится.

А вот и Владькина долговязая фигура, согнутая под
тяжестью носилок, показалась над уровнем кладки.

— Давай, давай!— поторопил Махмуд, поигрывая
мастерком. И вдруг в глазах поплыло сильнее, острая
боль резанула где-то за диафрагмой. Махмуд выронил
мастерок, скрючился.

— Чего сачкуешь?— хмыкнул Шальной, он был на-
парником Фарманова.— Мы тут вкалываем, понимаешь...

— Заткнись,— оборвал его Фарманов, оставляя но-
сильки.— Что с тобой, Махмуд!

— Н-не пойму, больно...— Махмуд с трудом разогнул-
ся, поднял было мастерок, но боль не оставляла.

— Вали живей за прорабом,— приказал Владька
Шальному.

— Еще чего! Вы дружки, сами и вали!

— Ну!— рявкнул Владька. Он поддерживал Махмуда
под локоть.

Шальной с грохотом скатился по трапу.

Через минуту появился Ахунжаков, озабоченный, с огрызком карандаша за ухом, замазанный глиной.

— Не буду я с ним таскать! — вился сзади Шальной. — Пускай сам бегаёт.

— Кончай болтать, — оборвал его Ахунжаков. — Работать надо, давайте, Владька.

— Ты иди, иди, — улыбался через силу Махмуд. — Не беспокойся.

— Пошли, что ли! — Фарманов подхватил носилки, побежал по трапу вниз.

— А Владька даёт ему жару, — довольно сказал прораб, глядя в спину Шальному. — Ты пока посиди в сторонке, а завтра с утра к доктору пойдёшь. Ничего страшного, гастрит или язва начинается, это, брат, здесь бывает.

— Может, не надо, а? — пробовал возражать Махмуд. — Я потерплю, может, пройдёт?

— Все, кончен разговор.

Т

15

Врач подтвердил «диагноз» прораба — острый гастрит. Прописал лекарства, диету, «возможную в данных условиях», — добавил он. Помогло. Махмуд снова вернулся на стройку. Как-то зимним вечером, когда Махмуд вернулся с работы, дежурный передал ему два конверта. Одно письмо было от матери — быстро пробежал листок, все он уже знал из писем Малины, порадовало только, что мать не падает духом, ждёт... Почерк на втором конверте был не знаком, но только глянул на обратный адрес — кровь бросилась в лицо.

«Все-таки ответил!.. Он все-таки ответил, не поленился!» Махмуд не сразу вскрыл конверт и читал сначала, так волнуясь, что схватывал лишь отдельные фразы.

«...Я, ты знаешь, механик, не литератор, потому, наверное, объективно судить не могу. Глаз у тебя вроде приметливый и душа есть, а вот культуры не достаёт. Больше читай, учись писать, учись жить и познавать жизнь... Ты сообщил, что недоучился в педагогическом. Может, есть смысл окончить?.. Знаешь, после всех своих мытарств и отсидок мне захотелось самому стать воспитателем в колонии, да вот точные науки перетянули... Подумай, может ты сумеешь стать наставником другим заблудшим. Благородное дело, и материал человеческий для писания у тебя будет ох какой богатый. Главное же, хочу сказать напоследок, — не озлобление, а зрелость пусть даст тебе за-

ключение... Будь мужественным, жизнь всегда и всюду — не прогулка... Привет Ульмасу, верю, что это его последняя ошибка, так ему и передай». «Перечитаю как следует потом, — решил Махмуд и бережно уложил письмо на самый верх заметно выросшей заветной стопки.

— Малина, я тебе давно хотел сказать...

— Я все знаю, — глаза ее лучились. — Ты получил письмо от Андрея Петровича...

— Я и забыл, что от тебя ничего нельзя скрыть.

— Нельзя, — охотно подтвердила она.

— Ну да, эта ваша женская интуиция...

— На сердце потеплело от этих слов, а что ответишь... Не только. Потому что я в тебе, потому что я — это ты, потому что мы вместе.

— Ну вот, я тебе о нем писал, он тоже сидел в молодости и...

— Я помню. И ты послал ему свои рассказы.

— Да. — Махмуд смутился. — То есть нет... это не совсем рассказы, так, наброски... Он прочитал и ответил.

— Тебе нужно больше читать, Махмуд.

— И он это говорит.

— Читать и учиться, обязательно учиться, тогда ты победишь. Ты же способный. Я-то знаю.

— Спасибо тебе, Малина.

— За что меня благодарить?

— За все! — он погладил ее по волосам, которые вдруг рассыпались под его руками, закрыли ей плечи. Она засмеялась. — Спасибо, что ты со мной, что ты есть!..

— Ты все же перешел на новую работу?

— Да... в хлеборезку, хотя не соглашался. Врач посоветовал.

— Врач? А что с тобой?

— Да пустяки. Гастрит. Уже прошло.

— Эта у тебя нервное.

— Наверное... Режу хлеб на порции — и не по себе. Стыдно: ребята там делают настоящую работу, а я в тепле сижу. Руки сами тянутся отрезать побольше Юрке, Ульмасу, Владьке, припрятать для них... Приходится бороться с собой.

— Это тоже твоя победа.

— Думаешь? Может, ты и права... Недавно зашел Кура, попросил хлеба и заварки. Хлеб я ему дал, свой паек,

а заварку нет. Сказал, что не хочу грабить ребят. Он ничего не сказал, только уставился мне в глаза — и веришь, я выдержал, не испугался. Впервые не испугался...

И он ушел. Он ушел, а я готов был на потолке чечетку танцевать, так мне стало легко, так хорошо и вольно, будто родился заново.

Потом Славка Толкунов зашел, ничего не просил, просто сидел, думал о чем-то. Только уходя сказал, не глядя на меня:

— Ты смотри... осторожнее будь. Кура не любит, когда ему отказывают.

И все, больше ничего не сказал.

«ЧП» действительно произошло. Кура со всей компанией избили Владьку Фарманова. Они, как всегда, издевались над кем-то из соседнего барака, Фарманов вступился и попал в лазарет. А когда через пару дней вернулся в отряд, его вызвали на беседу. Ни майор, ни лейтенант Ибрагимов, ни начальник оперчасти ничего не добились, Фарманов твердил одно — упал с лесов. Начальство отступило.

— Ну что, теперь полный порядок, и дальше терпеть будем? А Кура нас по одному в свою веру приводить будет? — горячился Ядгаров. Вокруг собрались ребята, молчали, думали.

— Чего ж, по-твоему, стучать надо было, — сердился Владька. — Еще иди докажи....

— Пусть Умаров идет к майору, — предложил кто-то. — Он в редколлегии, на хорошем счету у майора...

— Значит, я должен идти к Кидашу! — возмутился Махмуд. — Я пойду, а вы в стороне?..

— Так он тебе лучше поверит, чем нам, — поддержали «оратора».

— Пусть Ахунжаков скажет, — бросил кто-то из глубины барака. — Давай, бригадир!

— Ребята правы, — неожиданно поддержал идею Ахунжаков.

— А если лейтенант узнает? — возразил Ядгаров. — Неужели майор поверит Махмуду, а не своему заместителю? Ибрагимов-то всегда на стороне Толкунова и Куры.

Стало тихо.

— Если и в этот раз сойдет Куре, нам хана, — сокрушенно сказал тот, который предлагал послать Махмуда к майору.

— А если Кура пронюхает, что Умаров у майора на randevу был, тогда Махмуду житья не будет. Вот и выби-

рай тут.— Фарманов посмотрел на Ахунжакова.— Ну, что молчишь?

— Я думаю, — ответил Ахунжаков. Он вздохнул, оглядел всех, заговорил спокойно: — Все будет нормально...— Он обернулся к Махмуду.— Иди, Умаров!.. Мы поддержим, моя голова с тобой.

— И моя, — улыбнулся Ядгаров.

→ О моей и говорить нечего, — заключил Владька.

— А мы что?—раздался чей-то голос, который тут же потонул в выкриках остальных.

Махмуд потоптался возле кабинета и, решившись наконец, потянул ручку.

— Разрешите, гражданин майор?

— А, Умаров! Входи.

Махмуд шагнул в кабинет и замер на пороге — у окна сидел лейтенант Ибрагимов. А почему бы ему и не сидеть — он здесь по службе. Все так, но как говорить при нем?

— Ну?

— Здравствуйте! — Махмуд покраснел.

— Здравствуйте, — улыбнулся майор, снял очки, положил их на папку.— Слушаю тебя.

— Я вот зашел к вам...— мялся Махмуд, боясь встретиться с напряженно-вопросительным взглядом лейтенанта.

— В чем дело? Говори, Умаров. Вот, присаживайся, — майор двинул свободным стулом.

— Может, я пойду, товарищ майор, — начал подниматься Ибрагимов.

— Нет, нет, — еще больше смешался Махмуд.— Вы не подумайте, что я из-за вас... — Он замолчал, собираясь с мыслями. И вдруг ему стала совершенно отчетливо ясна вся нелепость его прихода. Не разберутся, не поддержат? Нет, теперь он так не думал. Но почему должно разбираться начальство? Ведь это они, сами, терпели таких, как Кура, ведь по сути они сообщники! И как он до сих пор этого не понимал? Раз позволили хозяйничать Куре, значит, сами потворствовали заведенным этой кучкой порядкам. Именно кучкой. Ведь их больше, намного больше, чем этих! Вот уж действительно, как малыши, ябедничать пришел. Позор!

Махмуд поднял голову и встретился взглядом с майором. И прочитал в его глазах все.

Правильно! — словно говорили эти глаза, искрящиеся мудрой, доброй усмешкой. — Вот сейчас я слышу голос взрослого человека. Я могу помочь устранить эту компанию, но зачем это делать мне? Неужели вы думаете, что я ничего не вижу? Что за многие годы службы даром ем свой нелегкий хлеб? Нет, Умаров, майор Кидаш многое может, но он не всесилен. Сила у вас, у коллектива, у всех вместе и у каждого в отдельности. И в этой силе спасение не только от Куры, но и самих себя; в ней и сегодняшний ваш трудный день здесь, и ваше будущее. Не робей, Умаров! — говорили эти глаза. — Не такие еще вопросы тебе решать в жизни, и никаких майоров рядом не будет, придется решать самому...

— Мы хотим провести общее собрание колонии. Я пришел спросить, согласны ли вы? — сказал Махмуд и поймал одобрительную улыбку майора.

Ибрагимов взглянул на Кидаша, пожал плечами.

— Никто вам это не может запретить, — сказал майор. — Назначайте день.

— Спасибо вам. Мне можно идти?

— Иди, — легкая улыбка снова скользнула по обветренным губам майора. — И чтобы все было в порядке.

— Все будет, как надо! — засмеялся Махмуд...

— У майора был?

Кура встретил Махмуда у хлебозрезки. Махмуд усмехнулся, молча прошел мимо.

— Стой! — преградил ему дорогу Кура. Глаза его на мгновение покрылись какой-то пленкой, потом угрожающе сузились: — Отвечай, когда тебя спрашивают!

— Ты очень этого хочешь? — сказал Махмуд.

— Что ты с ним возишься, Кура! — дохнул Махмуду в затылок Морячок. — Казнить и точка.

— Успеем, — усмехнулся Кура. — Это мы всегда успеем, а, Студент?.. Ты ведь знал, на что идешь, так?

— Знал, — ответил Махмуд. Нет, он не испугался, даже не чувствовал никакого волнения. Наоборот, пожалуй, удивился бы, не встретить его сейчас Кура, насторожился бы. Теперь же пришло неожиданное успокоение, ощущение своей правоты и силы. Кура был не один, значит, не так уж уверенно он себя чувствует. Кура боится — это уже кое-что!..

— Я тебя предупреждал, Махмуд! — раздался голос Толкунова.

Махмуд резко обернулся.

— Значит, я неправильно понял предупреждение... Ду-

мал, ты по-дружески... Не ожидал тебя здесь увидеть, Слава!

— А зря! — усмехнулся тот. — Потому что... я не могу быть с предателем, с Иудой!

— Дай я с ним поговорю! — замахнулся Морячок, но Кура перехватил его руку.

— Не торопись, еще я не поговорил с ним. Скажи, за чем ты ходил к майору, и мы тебя не тронем.

— Надо было, вот и пошел! — разжал сведенные зубы Махмуд. — Или у тебя на каждый шаг разрешения просить?

— Пойдем отсюда, толком поговорим, — сказал Кура и добавил насмешливо: — Или боншься, герой?

— Не боюсь я ничего, — ответил Махмуд, — пошли.

В бараке было еще пусто. Кура вошел первым, косо глянул на дневального:

— Дуй отсюда!

Дневальный выскользнул из барака, захлопнул за собой дверь.

— Ну, и что дальше? — спросил Махмуд, ощущая легкую дрожь. В ту же секунду сильный толчок в спину бросил его на стол, но он тут же выпрямился, обернулся, опираясь о стол руками.

— Настучал? — надвинулся на него Шальной. Лицо его перекосилось, губы дергались.

— Падаль мусорная! — истерически крикнул Морячок. — Стукач!

Кура, улыбаясь, наблюдал за Махмудом.

— Не молчи, оправдывайся...

— И не думал я стучать, — сказал Махмуд.

И тут же, ненавидя себя за накотивший страх, за то, что стал оправдываться, стараясь перебороть себя, закричал надрывно:

— Мое дело! Надо было, и пошел! Что надо было, то и сказал! Все сказал!

Он прижался к столу, чувствовал, что еще секунда — и они кинутся на него, ожидая лишь, как волчья стая, прыжка своего вожака. «Идиот! — клял он себя. — Тоже герой выискался! Надо же было лезть в эту ловушку! Поговорить можно было бы и там, во дворе! Так тебе и надо! Так ты и...»

Кто-то сильно рванул дверь. Табуретка, которая держала ее, с грохотом отлетела, дверь распахнулась.

Первым влетел в барак Юрка Ядгаров, следом — Ахунжаков, Владька Фарманов, другие ребята.

— Просим уважаемое собрание простить нас за втор-

жение! — Ядгаров отшвырнул плечом Шальной. — Хотите узнать, какая повестка дня?

— Вот, братки! — заговорил Шальной, кинув затравленный взгляд на своего жоака. — Разбираемся... Он ходил к майору, настучал на всех. Кура его засек..

— Разбираетесь, значит? — спросил Ахунжаков.

— Век воли не видать, бугор! — заторопился Шальной. — Сам видишь, и Толкунов здесь, председатель совета. Кура предложил сначала между собой разобраться, а потом и другим сказать.

— Что ж, тогда продолжим, — сказал Ядгаров. — Давайте, нам тоже интересно, о чем речь.

Кура подтолкнул вперед Славку.

— Пожалуйста, — сказал Толкунов. — Но прежде чем продолжить, мне хотелось бы предупредить всех... Знаете, что он настучал майору и теперь у нас должен быть особый обыск? Кура говорит...

— Перероят каждую шмотку, каждую дырочку! — визгливо крикнул Шальной, перебивая его. — За каждую малость теперь не оберешься!

После крика наступила звенящая злая тишина.

«Почему? Почему все молчат? Сами же посылали... Значит, и они — стая, а он...»

— Чего же вы смотрите? — Шальной шагнул к Махмуду. — Бить его! Темную! Чтобы знал, как ходить к майору! Со всех не спросят!

— Бей! — завопил Морячок. Ахунжакова и Юрку оттеснили, Владька стоял с разинутым ртом, не понимая, что происходит.

Махмуд не шелохнулся. Он даже не попытался закрыться, смотрел перед собой невидящими глазами и будто не слышал угроз, не видел размахивающихся кулаков. На него вдруг напала страшная апатия ко всему на свете, ему теперь было все равно...

— Погодите!.. — Славка вдруг встал рядом, заглянул ему в лицо. — Что это мы... — Его как будто разбудили среди ночи. — Ничего не понимаю... — Славка даже потряс головой, — Махмуд, может, мы чего-то не поняли? Объясни, наконец, зачем ты ходил к майору?

— Нечего ему говорить, — недовольно перебил Кура. — Все и так ясно.

— Все и так ясно, — глухо повторил Махмуд. — Ничего я вам не скажу.

— Видали — сам подтверждает! — торжествующе подхватил Кура. — Ну, Студент, сейчас я до тебя наконец до-

берусь.— Кура схватил его за руку, стал с силой выворачивать ее за спину.

— Уйди, сволочь! — Ядгаров дернул Куру за плечо и, когда тот обернулся, ударил его заученным ударом снизу вверх.

Кура, даже не ойкнув, рухнул на пол.

В ту же секунду в руке Морячка сверкнуло отточенное лезвие. Сверкнуло и погасло, а сам Морячок забарахтался в обезьяньих лапах Фарманова.

— Я... я ничего! Братцы, я ничего не хотел! — залепетал Шальной, медленно отступая к дверям.

— Бей их! — раздался чей-то крик. Но тут очнулся Махмуд.

— Стойте! Нельзя же подводить майора. Он же нам верит.— Стойте! Давайте разберемся что к чему...

17

— Детки, детки, ко мне! — звал голос невидимого дяди Миши. Потом на детской площадке послышался топот маленьких ног, заиграл баян.

— Ну, кто у нас самый смелый?.. Вот хороший мальчик! Что же ты хочешь нам исполнить?.. Очень хорошо! Как тебя зовут? Махмуд. Очень хорошо, а фамилия? Умаров. Прекрасно! Внимание — Махмуд Умаров споеет нам песню... Так какую песню ты хочешь спеть, Махмуд? Он споеет нам песню о «Юном барабанщике»...

Заиграл баян, и ломкий, неуверенный голос запел:

Средь нас был юный барабанщик,
В атаках он шел впереди
С веселым другом барабаном,
С огнем большевистским в груди...

— А мне хочется покататься на карусели,— сказала Малина.

— Пожалуйста,— улыбнулся Махмуд, прислушиваясь к песне.

Они подошли к карусели. Старые деревянные кони раскачивались и тихо скрипели. Малина села на коня, карусель медленно завертелась.

— Совсем как раньше,—засмеялась Малина.—Скрипит.

— А ты больше ничего не слышишь?—спросил ее Махмуд, прислушиваясь к звукам на площадке.

— Нет...

Дядя Миша перестал играть. Раздались хлопки.

— Спасибо, Махмуд,— сказал дядя Миша.— А вот тебе награда — карандаш, красный. Ты любишь рисовать?.. Очень хорошо. Кто еще хочет получить приз?

Баян дяди Миши заиграл плясовую, «Яблочко»...

— У нас было собрание. Теперь я член совета коллектива. Куре и его дружкам конец. Их еще и наказали официально...

— Ты жалеешь их.

— Нет, что ты! Заслужили. Просто... Вот Толкунова мне немного жаль. Есть в нем что-то такое... Ахунжакова избрали председателем нашего совета.

— Вот видишь, вы победили.

— Победили! — усмехнулся он.— Если бы не Кидаш..

— Все равно бы победили,— улыбнулась Малина.— Ты сам знаешь, это и твоя победа.

— Да, так... И все же трудно было бы.

Махмуд решил вернуться на стройку. Раз член совета — нечего в хлебозерке ошиваться. Да и легче на воле, среди ребят, время незаметно идет. Как и в самом начале, снова встал к носилкам.

— Ты что, прирос к ним? — смеялся Ядгаров.

Он только улыбался в ответ.

— Здравее буду. Не всем же зодчими, как ты, быть! Вечерами, возвращаясь в колонию, жадно смотрел почту. Теперь письма стали важной частью его жизни, не то что прежде, до случившегося с ним... Они как бы и сами оживали перед ним: вот мама, Малина, Андрей Петрович. И эти свидания с дорогими или ставшими близкими людьми были, пожалуй, не менее нужны, чем их добрые слова, советы, наставления...

Вот и сегодня его ждало письмо от Андрея Петровича:

Махмуд невольно улыбнулся, беря конверт: он получал весточки из Новосибирска гораздо чаще, чем ожидал. Постепенно и сам стал писать туда все чаще и откровенней.

«...Немного задержался с письмом, но ты, я думаю, поймешь. Дела, дела... Времени в обрез, его всегда не хватает.

Ты удивляешься, как я достиг своего положения. Надеюсь, имеешь в виду не научную карьеру? Не в ней, конечно, дело. А как человеком стал? Ну, во-первых, хорошие люди на пути встретились. А во-вторых, и это главное, сам понял — дальше совсем пропаду... Так вот, в итоге

все очень просто. «По щучьему велению» да скатерти-самобранки только в сказках, в жизни само расстилаться перед тобой никто и ничто не будет. Нужно бороться, и прежде всего с самим собой.

Упал — докажи, что это случайность, победил — не знавайся, впереди обязательно новые трудности. Хорошо, что в своей судьбе ты винишь только себя, это уже победа, первая твоя победа над собой. А это не так легко, как кажется на первый взгляд.

Хорошо и то, что ты начал верить в себя... Что касается литературных опытов, по-моему, есть некоторый рост. Твои исторические рассказы мне даже понравились, правда, это пока лишь стилизация на восточный манер, но все же неплохо, очень неплохо...

...Мне кажется, ты должен сейчас поставить перед собой четкую, конкретную цель и начать добиваться ее немедленно, не откладывая. Ведь сколько есть еще мечтателей в кавычках, то есть пассивных наблюдателей. Нет, в жизни должно участвовать, если, конечно, ты несешь в нее не зло, а добро, активное добро... Я вот мыслю, что тебе стоит попытаться поступить в Литературный институт имени Горького в Москве. А что? Попробуй. Не выйдет — не отчаивайся, у тебя еще вся жизнь впереди...»

Махмуд невольно улыбнулся — о существовании литературного института он впервые узнал из писем Андрея Петровича, а ведь и сам думал, что, наверное, должен быть такой. Но поступать туда?.. Он ведь не знает, совсем не знает, как все сложится дальше. Улыбка ушла с губ, они сжались, сомкнулись жестко. Как и чем его еще встретят на воле? Говорят же, сытый голодному хлеб нарезает не сеша...

В нем с каждой минутой, часом, днем, месяцем зреет цепкое, жадное и упрямое стремление — доказать, что он встанет, выпрямится, победит, что все будет по-прежнему. Но ведь по-прежнему все быть не может! Он стал другим, совсем другим...

И конечно же, судимость можно снять, можно даже постараться забыть о колонии, о страшных минутах обид и одиночества. Но как забыть о человеке, которого ты едва не убил, которого мог сделать калекой на всю жизнь, ведь его судьба невольно вплелась в твою судьбу, и все пережитое тобой невидимой, но стальной нитью вплелось в сознание, в душу, которую не переделаешь, с которой не сотрешь запись, как с магнитофонной ленты, как бы ни хотел!..

Шли месяцы, а Махмуд все метался в лабиринте сомнений. Одно он только знал — с опозданием, но пришло наконец к нему время, когда человек должен осмыслить себя, свое место в мире.

То, что бездумно, беззаботно воспринималось как само собой разумеющееся, приходило к нему теперь, терзая своей незавершенностью — что же он за человек, Махмуд Умаров? На что действительно способен?

И освобождение, которое прежде виделось ему как конечная и главная цель, как смысл существования, предстало как начало чего-то нового, неизведанного...

Странно, но стены колонии словно расширили перед ним мир, и предстояло заново его осмыслить.

Внешне его жизнь как бы выпрямилась, стала более спокойной, ровной. Еще ближе стали ему Ахунжаков, Фарманов и Ядгаров, но даже им он ничего не говорил о том, что жило у него внутри. Вечерами он обычно уходил в прорабскую Ахунжакова, запирался там или, сидя в бараке, склонялся над мелко, экономно исписанными листами общей тетради с таким видом, который должен был отпугивать желающих полюбопытствовать, чем он там занимается.

И ребята поняли его состояние, ни о чем не расспрашивали, старались не мешать, только иногда Ядгаров задевал его, подшучивал:

— Что, «Записки из подполья» создаешь? — посмеивался он и с хохотом еле успевал увернуться от ботинка, которым запускал в него Махмуд... Махмуд понимал Юрку, как и тот понимал, что злость Махмуда не настоящая, напускная, оба приняли игру и продолжали ее.

А Махмуд записывал все: свои мысленные встречи с Малиной, письма, которые не отправлял ей, пытался как-то отвечать на вопросы, которые его мучили. И в этих записях своих он находил отдушину, собеседника и слушателя... «Сегодня видел кошмарный сон, — записывал он сейчас. — Проснулся весь в холодном поту. Иду по городу, совершенно свободно. Знаю, что срок мой еще не вышел, но иду, словно отпустили меня, и точно знаю, что это так и есть. Освободили, а поверить все равно не могу. Только вчера находился в колонии, и вдруг на свободе. Сон, наверное? Дергаю себя за уши — нет, боль чувствую. Иду по городу, захожу в магазины...

И вдруг я оказался у ворот колонии. Мне открывают,

Вхожу, надеваю робу, иду по зоне, а вокруг ни одного знакомого лица, все новенькие. Вдруг смотрю — Ахунжаков, подходит ко мне, садимся с ним на скамейку возле столовой. Он смотрит на меня, как на чумного: «Почему ты здесь? Ведь тебя освободили».

— Не знаю, — говорю, — и сам ничего понять не могу.

— За что на этот раз? Сколько дали? — снова спрашивает он.

И снова я ничего не могу ему ответить, твержу только:

— Не знаю, не могу понять, как попал сюда.

И тут до меня дошел весь ужас случившегося: меня отпустили, я был свободен, и сам, сам вернулся назад. А ведь суда никакого не было, у меня нет определенного срока, в колонии нет моих документов, и теперь меня никто назад не выпустит, потому что освобождения ждать мне неоткуда!..

Бросился к воротам.

— Ничего не знаю, — говорит часовой. Пришел—сиди.

• Придет бумага — выпустим.

— Но бумага никогда не придет, потому что никакого суда не было, я сам пришел сюда...

— Ничего не знаю, — твердит часовой...

Тут я проснулся, лежу с открытыми глазами. Ульмас похрапывает рядом, а я никак не пойму, что это было — сон или действительность. Не выдержал, разбудил Ульмаса: «Скажи, освобождали меня или нет?» Тот вытаращил глаза: «Ты что, помешался совсем?! Какое освобождение, спи! Придет время — силой выгонят, захочешь остаться — все равно назад отправят, никому ты здесь не нужен!»

Он снова уснул, а я так и промучился до самого утра...»

— Что ты все кропаешь? Если, конечно, не секрет. Я не любопытен, но все же...

К Махмуду подошел Славка Толкунов, сел напротив, снял очки, стал протирать стекла мятым платком.

Махмуд хотел послать его подальше, но, остановленный просительной-виноватой улыбкой, не ответил: с удивлением обнаружил, что под толстыми стеклами очков скрывались удивительно мягкие беззащитно-красивые глаза, обрамленные длинными, почти девичьими ресницами.

Махмуд нетерпеливо пощелкал языком:

— Ты любознательный парень, я гляжу, — сказал он, не скрывая иронии.

Толкунов как будто не расслышал.

— Извини, давно хотелось поговорить с тобой...— он помолчал, как бы собираясь с мыслями.— Ты, я слышал, пишешь... Рассказы, стихи...

— Не пишу я никаких стихов,— оборвал его Махмуд.

— Я сейчас уйду, ты не беспокойся. Не подумай, что я тебе подковырнуть хочу, совсем нет...

Я столько нагрешил, что в преисподней
Мои грехи весь ад заполонят.
Не легче ли простить меня, всевышний,
Чем новый для других готовить ад?

— Что это ты сейчас читал? -- не удержался Махмуд.—
Здорово!

Толкунов будто не слышал вопроса, глядел куда-то в пустоту.

Ко мне нагрянула извне беда:
Она ушла. Вся в пелене. Беда!
Но берегись изведать кто другой,
Какая с ней бывала мне беда.
Бывало, радость, скорбь — наперебой.
Злорадствуй, горе! Смейся! Не беда.
Что твой совет — изгладит образ твой?
Меж нас стена, и в той стене беда.
Но беспокойство лучше, чем покой,
Не знать беды — поистине беда!
О Навои, отрадно быть собой,
Но быть с собой наедине — беда!

— Так это ты Навои читал?

Толкунов улыбнулся вместо подтверждения.

— С детства люблю Навои, да и вообще восточную поэзию, особенно газели, рубаи. Ведь какая могучая должна быть культура, чтобы в четырех строчках сказать то, что, казалось бы, невозможно передать в целой поэме.

— А мне... стыдно даже признаться, но не знаю ни одного стихотворения наизусть,— отвел глаза Махмуд.— Со школы у меня это осталось, учительница у нас была в интернате...

Кто в детстве не получит воспитания,
Не будет счастья в жизни знать потом;
Сгибай сырую палочку как хочешь —
Сухую выпрямишь одним огнем.

— Ну, были у нас и хорошие учителя. Я сам, знаешь, шалопаи был порядочный... А это тоже Навои?

— Нет, это уже Саади,— ответил Толкунов. Он вдруг зачем-то оглянулся и вынул из кармана небольшую фотокарточку.

— Вот...

Широколицая, с угрюмоватым взглядом раскосых темных глаз—девушку на фотографии нельзя было назвать красавицей.

Махмуд некоторое время с любопытством разглядывал ее лицо, недоумевая — кто это? — жена, сестра, просто девушка, с которой Толкунов встречался на воле?

Разочарованно пожал плечами: ничего особенного.

Он собирался возвратить карточку, но вдруг, осененный какой-то догадкой, отдернул руку с карточкой, снова взглянул на нее, что-то в лице девушки показалось ему неуловимо знакомым. Где он мог видеть ее, где?

Толкунов со странной улыбкой наблюдал за реакцией Махмуда, но молчал.

Лицо на снимке было не такое уж юное, две глубокие морщинки разрезали широкий открытый лоб. И чем больше Махмуд вглядывался в нее, тем больше ощущал какое-то скрытое, мягкое обаяние, которое излучали глаза и лицо. Теперь он не сказал бы, что она смотрит угрюмо. Наоборот, казалось, она вот-вот улыбнется — душевно и осмысленно.

— Кто это? — глянул он на Толкунова. — Жена?

— Жена! — усмехнулся Толкунов, разглядывая снимок, будто впервые. — Все не так просто...

Это вырвалось у него с такой болью, с такой недосказанностью, что Махмуд будто впервые увидел Славку, открыл в нем что-то такое, укрытое от других.

Когда, порвав с людьми, я вырвался из пут,

Я рад был, что меня простор и воля ждут.

Но полюбив тебя, я снова влез в хомут;

Так зверь — рванет аркан, и — шею стянет жгут!

— Что это с тобой? — поразился Махмуд. — И кто она тебе, если не жена?

— Ни за что не угадаешь. Ни за что! — Толкунов усмехнулся: — Достоевщина, брат! Я и сам не ожидал, что со мной может быть такое... Сестра Куры это.

— Кто, кто?! — не поверил своим ушам Махмуд.

— Курочкина Любовь Михайловна, — отчеканил Тол-

кунов, пряча фотокарточку.—Раньше она ему писала, а он даже ручку ленился в руки взять. Вот я за него и отписывался... А она ему такие письма, такие письма... я читал и... плакал!

— Почему же ты за него должен?..

— Потом я написал от себя,—не слышал его Славка.— Думал, пошлет она меня подальше, а написал, терять нечего. И вдруг — письмо!..—Он снова вынул снимок, с минуту разглядывал его, сдул невидимую пылинку:—Ты только приглядишься хорошо, настоящая Настасья Филипповна! Я когда ее увидел впервые, так и обмер.

— Она одна живет?

— Почему одна!—не понял Толкунов.—Сын у нее... в первый класс пошел в этом году.

— Я не о том,—поморщился Махмуд.—Она что... разошлась с мужем?

— Какой там муж! —вдруг обозлясь, вскричал Толкунов.—Таких мужей я бы топил! От алиментов даже сбегал... Ничего, дай только выйти... пацана мы вырастим, будет он у меня вундеркиндом.

— Ты серьезно? — поразился услышанному Махмуд совсем по-детски.

— По-твоему, я не могу жениться? —голос Толкунова обиженно дрогнул.

— Я же не это имел в виду, Слава...

— И знаешь, что меня больше всего подкупило,— доверительно заговорил Толкунов.—Я же не писал ей, за что попал, а она поверила! «Вы,—говорит,—Слава, человек, я верю, что вы своего добьетесь!» И я добьюсь,—его глаза загорелись.—Веришь, Махмуд? Выйду, закончу университет... я сделаю все, чтобы она поняла, что не ошиблась во мне... А что она медсестра... Да, с родителями моими не легко будет, знаю... Но я уже все решил.

Он замолчал. Стало тихо, было слышно только, как скрипит дверь на несмазанных петлях.

Замерзшие лужицы звонко лопались под ногами. Махмуд улыбнулся, глубоко вдыхая терпкие запахи талой воды, испарений оживающей земли. Чувствовал, как в легкие врывается весенняя свежесть, о пьяняет, вызывает чувство непонятной радости, обновления...

По его календарю он уже здесь пятьсот три дня, осталось столько же и еще девяносто два дня. Махмуд вздох-

пул, закрыл глаза, подставляя лицо теплым ласкающим лучам.

— Эй, простудишься, смотри! — крикнул Ульмас.

Махмуд лениво обернулся. Юрка Ядгаров, раздетый до пояса, опираясь на стойку турника, подставил солнцу смуглую худую спину.

— Солнце, воздух и вода — наши лучшие друзья! — засмеялся Ядгаров.

Ахунжаков прищурился, подняв лицо к небу, и сам последовал его примеру, принялся снимать телогрейку, робу. Тело его, казалось, само, помимо разума и воли, торопилось скинуть с себя все лишнее, открыться солнцу, по которому так истосковалось.

— Давай, давай! — кричали ребята, наблюдавшие за прорабом. — Быстрее, а то солнце сядет.

— Э-э! — улыбался Ахунжаков. — От строителя солнце не уйдет! Они всегда вместе.

В этот день работалось всем особенно легко.

— Раство-о-ор! — кричали сверху.

И Махмуд летел по трапу на крик, вываливал содержимое носилок в корыто.

— Кирпич!

— Раствор!

— Раствор!

— Ну и ну! — вытер пот со лба Фарманов. — Они нас точно сегодня загоняют.

— Ничего, — смеялся Махмуд. — Мы с тобой живучие.

— Устали? — подошел к ним Ахунжаков.

— А ты как думал? — сеточка тонких морщинок легла вокруг Владькиных всегда мечтательных глаз. — Перекурить некогда.

— Кури! — вытащил из кармана пачку «Дымка» Ахунжаков и протянул сначала Махмуду.

— Не хочу! — покачал тот головой, потянулся сладко. — Хорошо как!

Он отошел к единственной уцелевшей на стройплощадке чинаре, прислонился к ней плечом. Отстранился, посмотрел вверх, на голые еще ветки, прижался ухом к стволу.

— Что там слышно? — засмеялся Ахунжаков.

— Тс-с-с! — приложил к губам палец Махмуд.

Ему казалось, что он действительно слышит, как стру-

ятся внутри дерева соки, устремляясь вверх, к бесчисленным почкам, вот-вот готовым развернуться. Вот и бледные ростки травы напряглись, готовые снова и снова начинать подвиг — пробиваться к солнцу острыми зелеными иглами.

Махмуд стоял у чинары, и что-то поднималось в нем, радостно теснило грудь. Он, городской житель, вдруг ощутил всю мощь природы, жадность земли, впитывающей в себя влагу талого снега, чтобы пробудить к жизни мириады растений, дать им яркую неповторимую красоту цветения, дать жизнь.

Махмуд увидел себя в своем дворике, там, где разрослись заброшенные кусты роз, за которыми когда-то так любила ухаживать его мама, а виноградник совсем одичал и оплел террасу так, что его темно-синие кисти иногда заглядывают в комнату, где прохладно, в самую жару...

— Махмуд, эй, Махмуд!

Он вздрогнул.

— Спишь стоя! — смеялся Ахунжаков. — Носилки к земле присохнут. Кончай перекур!

Махмуд очнулся, медленно пошел к носилкам.

— Жить! Жить! — кричала в кустах какая-то пичуга. — Живить!

Он глянул в ту сторону и увидел, как напружиненную стену коричневых прутьев взяла в плен проволока, как впилась острые железные колючки в тела веток.

Подошел, начал с трудом распутывать проволоку и улыбнулся, видя, как распрямляются облегченно прутья.

— Зачем ты? — недовольно заметил Фарманов. — Теперь мешать будут.

— Ничего, — ответил Махмуд, берясь за носилки. — Переживем как-нибудь.

— Станный ты все-таки человек, — пробурчал Фарманов, нагибаясь к своему концу носилок.

Махмуд не отозвался. Он почему-то вдруг впервые подумал о том, что ведь и сам мог оказаться на месте этого Сабурова, и его могли ударить ножом с отчаянья... Он представлял себе картину: вот они, Махмуд с друзьями, идут по парку после очередной попойки. Их много, они громко, нелепо громко смеются, задирают прохожих, и все уступают им дорогу, а они чувствуют свою силу, все больше наглеют...

Разве не бывало этого?

Бывало, и не раз. Конечно, грабить они никого не гра-

били, но если бы вдруг нашелся в компании такой «шутник», разве кто-нибудь остановил бы его?

Что следствие, суд, колония! Он сам, сам судил себя, судил по справедливости, и приговор обжалованию не подлежал. Правильно, правильно то, что с ним произошло!

20

А дни шли за днями, складывались в недели. Прошла весна, и ночи теперь казались особенно короткими и желанными — таким напряженным был каждый трудовой день.

Но все же Махмуду хотелось как-нибудь встать пораньше, чтобы встретить рассвет, потому что так давно он не видел его, и как бы рано ни объявляли подъем, солнце теперь всегда опережало их и, быстро поднимаясь над горизонтом, палило беспощадно...

И вот однажды он проснулся, когда нежно-розовая полоса едва тронула край неба и кое-где еще мерцали тусклым светом одинокие звезды.

Махмуд, стараясь не разбудить никого, вышел из барака.

Рассветный ветерок, который возникает только перед самым уходом ночи и появлением дня как след могучего этого превращения, был свежим и ласковым. Розы перед библиотекой еще были сжаты в бутоны, и только крайняя слегка отогнула лепестки, готовясь при первых лучах солнца раскрыться.

Махмуд скользнул взглядом по колючим кустам роз, по густой зелени ромашек, хны; скоро, очень скоро клумба станет обычной — пестрой, пышноцветной, капельки росы высохнут, словно и не они блестят сейчас, играя всеми красками радуги на упругих лепестках и листьях.

Он потянулся до хруста; еще и еще хотелось вдыхать в себя слабый, едва уловимый запах цветов, закрыв глаза, отдаваться ощущению красоты мира...

Но глаза его, против желания, видели вокруг клумбы вытопанную площадку, высокую стену, сторожевые вышки на углах; и он почувствовал, что задыхается, как будто стена выросла и наклонилась перед ним, остановив приток воздуха...

Он резко повернулся и ушел в барак, и до самого подъема лежал с широко раскрытыми, невидяще уставленными в серый потолок глазами.

— Умаров! Махмуд! — остановил дежурный у самого входа в зону, отвел в сторону, — Тебя тут майор Кидаш искал.

— Зачем?

— Не знаю, — пожал тот плечами, оглянулся, заговорил тише: — За тобой больше ничего нет, подумай?

Махмуд медленно покачал головой. Волнение дежурного передалось и ему, он махнул рукой и быстро пошел по направлению к канцелярии.

И тут его окликнул майор Кидаш через распахнутое окно своего кабинета.

— Зайдите ко мне, Умаров!

— ...Значит, та-а-ак!

Майор снял очки, сложил, повертел в руках, посмотрел на Махмуда. И только сейчас Махмуд заметил, какие усталые глаза у майора, опухшие, с красными прожилками. Они смотрели на него испытующе, немного вопросительно и вместе с тем как будто доброжелательно.

Махмуд облегченно вздохнул, начав успокаиваться, но, не выдержав взгляда воспитателя, стал зачем-то разглядывать грязные, растоптанные рабочие ботинки, выглядывающие из-под черных брюк.

— Соскучился по дому?—спросил майор, пряча улыбку.

— Еще бы!— выдохнул Махмуд, быстро глянув на него.

— Ничего! — голос майора подобрел. — Думаю, скоро ты увидишь своих.

— Как это?.. — Махмуд замер, вглядываясь напряженно в бесстрастное лицо Кидаша: «Что за шутки? Нельзя же так! Глупо! Бесчеловечно!» — хотелось крикнуть ему.

— Значит, так, — не спеша повторил майор, словно не замечая состояния парня. — Решили представить тебя к досрочному освобождению. За отличное поведение, отличную работу.

— Это правда? — прошептал Махмуд, бессознательно шагнул к столу майора. — Вы правду говорите? Меня... освободят?

— Как суд посмотрит! — сказал майор. И вдруг не выдержал, лукаво улыбнулся: — Хотя как он может посмотреть, если мы представляем, а?

— Спасибо! — выдохнул Махмуд, не замечая слез, которые навернулись на глаза. — Спасибо вам большое!

— Мне за что спасибо? — искренне удивился майор. — Ты сам заслужил себе досрочное освобождение...

Он снова надел очки, переложил какие-то бумаги. Опять поднял голову.

— Зайди в канцелярию, — голос его зазвучал официально. — Там тебе объяснят что к чему... И готовься, на этой неделе обсудим твою кандидатуру на совете воспитателей, потом... Короче, готовься!..

— Э-ге-ге-ге-эй! — влетел в барак Владька Фарманов.

— С ума сошел, что ли? — остановил его Ахунжаков.

— Махмуда выпускают! — выпалил Фарманов. — На «УДО» его представил Кидаш...

— Выпускают тебя, слышал?

Махмуд шатнулся от крепкого тычка в плечо. Перед ним стоял Кура.

— Пока ничего не известно.

— Брось ломаться! — досадливо поморщился Кура. — Если представили к «УДО», значит, дело в шляпе... Повезло тебе крупно.

— Повезло, — Махмуд повернулся, чтобы уйти.

Но Кура поймал его за плечо, рывком повернул к себе:

— Загордился, смотрю!

— Чего тебе надо от меня? — Махмуд сбросил руку с плеча.

Кура усмехнулся зло ему в лицо:

— Знаешь, ведь еще могут переиграть все!.. Не понимаешь меня?

Махмуд почувствовал, как похолодело в груди.

— Представь, что сейчас произойдет «ЧП», мы с тобой подеремся!.. Как думаешь, отпустят тебя тогда?

Махмуд молча смотрел ему в глаза. Кура вдруг улыбнулся, скомандовал:

— Кругом!

Махмуд не шелохнулся.

— Дурак же ты! — в сердцах бросил он. — Сам себя, как скорпион, за хвост от злости все кусаешь.

— Ты так думаешь? — спросил Кура. — Лучше дай-ка закурить.

— Нет у меня, а если бы и были...

— То не дал бы, так?

— Так, — отрезал Махмуд.

— Зря ты все усложняешь, Махмуд, — заговорил

вдруг миролюбиво Кура. — Приеду к тебе после колонии, примешь?

Махмуд промолчал, не улавливая, издевается Кура или говорит искренне.

— Чего ты от меня хочешь? — тихо спросил он.

— Ничего, — снова наглая улыбка появилась на лице Куры. — Просто хотел сказать тебе одну истину: «Кто поел раз из деревянной миски — обязательно попробует еще!»

— Ты чего там застрял?

Махмуд облегченно перевел дыхание, обернулся. К нему торопливо шли Ахунжаков и Юра Ядгаров.

— Ну пока! — поспешно сказал Кура. — Встретимся еще!

— Опять цепляется? — Ядгаров угрожающе смотрел в спину удаляющегося Куры.

— Да ну его! — отмахнулся Махмуд.

Они пошли к бараку, молчаливые, задумчивые. Только Фарманов притворно хныкал, дурачился всю дорожку:

— Бросаешь нас! Как же теперь нам жить, на кого ты нас по-ки-да-ешь, отец родной?!!

Махмуд видел, что Владька смеется, но глаза у него остаются грустными, потерянными...

Время быстро летело в хлопотах: заседание совета коллектива, потом совет воспитателей, открытое собрание колонии... И вот последний день, вернее, вечер.

Махмуд медленно укладывал вещи. Собственно, укладывать было нечего: несколько исписанных тетрадей, пара чистого белья, полотенце, мыло и зубная щетка.

— А это от меня! — пробился к Махмуду Славка Толкунов. В руках у него был широкий модный кожаный ремень. — Пусть хоть ремень мой на свободе побудет, — улыбнулся Славка. Уходя, добавил серьезно: — Ты не держи на меня зла, ладно? — и снова с улыбкой закончил: — «Человек одинок и незащищен, он живет во власти ничто. Что ему остается, кроме отчаяния и смирения?»

— Бороться, — вдруг вырвалось у Махмуда. — И доказать, что он настоящий человек.

Толкунов грустно усмехнулся:

— Смотри, ты и с самим Хайдеггером спорить можешь!

— Сдался он нам, какой-то Хайдеггер, — сказал Ядгаров. — Мы по другой статье.

Толкунов глянул на него с грустно-насмешливой искор-

кой в глазах и медленно пошел прочь. Но тут его снова остановил голос Махмуда:

— Ты бы лучше прочитал нам что-нибудь, Слава... из Навон.

— Не хочу я ничего читать, — бросил Толкунов хмуро, но тут его окружили остальные ребята.

— Нельзя же так, Славка.

— Именинник просит, а его слово — закон.

— Прочитай, что тебе стоит!

Толкунов остановился, задумался, устремив взгляд куда-то в пространство, и вдруг вскинул голову:

Раскайся, справедливость прояви,
Себя для жизни вечной оживи!
Твое насилие, низость и разврат
Земле и небу вечному претят!
Раскайся же отныне навсегда!
Трудись! Страшись грядущего суда!

— Ну и ну! — покачал головой Ахунжаков.

— Тебе бы, Славка, артистом быть, — обнял его за плечи Ядгаров.

Долго еще в бараке не смолкали разговоры. Махмуд лежал под тонким одеялом, представляя себя там, на воле, идущим по знакомым, родным улицам...

Хорошо, что он не сообщил домой о своем освобождении. Так лучше и для него, и для них...

— Ульмас, разбуди меня завтра пораньше.

— Зачем? — зевая, отозвался Ахунжаков. — Выспись перед дорогой.

— Надо! Разбуди, пожалуйста, — попросил Махмуд, улыбаясь своим мыслям.

Опять ему хотелось встретить рассвет. Первый свободный рассвет! Свободный и тот, который он здесь встретил однажды, — должны же они как-то различаться...

ИСФАНДИЯР

СУДЬЯ

Эхо шагов гулко отдавалось в полутемном коридоре городского суда. Осужденный — пожилой мужчина с седой головой, усталыми, измученными глазами — тяжело шаркал стоптанными штиблетами. Его сопровождали два конвоира в милицейской форме.

Впереди щелкнул дверной замок. Осужденный вскинул голову, встретился глазами с Сайдаматовой, которая в этот момент выходила из своего кабинета, дернулся всем телом, побледнел. Остановился, будто споткнулся о что-то. Секунду смотрел ей в глаза:

— Какая вы жестокая, Фатима Кадыровна! — с болью выдавил он.

Сайдаматова холодно смотрела на него.

— Не разговаривать! — приказал конвоир и, виновато глянул на судью, добавил: — Идите!

Осужденный мотнул головой, сделал несколько мелких шагов, но снова обернулся и бросил:

— Нет, женщина! Не будет вам счастья в жизни! — и с надрывом, как бы ставя точку, крикнул: — Не будет!

Густо, дымно цвели урюковые сады, будто задавшись целью закрыть раскидистыми кронами небо. Темнели вдаль силуэты окружавших долину гор. Земля, размякшая под теплыми солнечными лучами, исходила сладковатым запахом прелых прошлогодних листьев, парами талого снега.

И женщина, молодая, сильная словно проснулась вдруг, шагнула из дома в сад, посмотрела на голубое, медленно уходящее в высь небо, на цветущий урюк над головой, вздохнула глубоко и засмеялась — легко, счастливо. Ей было хорошо. Просто хорошо, и все. Этого не объяснить, когда хорошо, когда радуешься молодости и жизни, которая впереди кажется такой же ясной, как бездонное небо над головой, как мягкая и ласковая земля.

Потом она долго ходила босыми ногами по только-только проросшей траве. Где-то вдалеке шипел репродуктор, весело щебетали пичужки, стаями перелетая с ветки на ветку. Ближе к вечеру, прижавшись щекой к заскорузлomu стволу могучей урючины, она смотрела из сгущавше-

гося сумрака на освещенное окно под приземистой саманной крышей.

И он, почувствовав ее взгляд, повернул лицо к окну. Глаза его напряженно всматривались в глубину сада.

— Фатима...

— Фатима Кадыровна, пора.

Сайдаматова улыбнулась, оперлась руками о стол, как бы приходя в себя. Тряхнула головой, удивляясь своим воспоминаниям, ощущениям от видений, которые промелькнули сейчас в сознании. Что-то последнее время она слишком часто стала возвращаться к своему прошлому... Первые признаки приближающейся старости?

Не старость, конечно, но... годы есть годы.

— Встать, суд идет, — громко объявила секретарь суда.

Сайдаматова подождала, пока станет тихо:

— Именем Узбекской Советской Социалистической Республики.

Часы показывали половину седьмого, когда Сайдаматова вышла из здания суда. Она торопилась. Более часа назад знакомая по телефону сообщила, что в универмаг завезли импортные сапоги. Как ей объяснили, сапоги были именно такие, какие она давно хотела купить дочери — на платформе и не очень дорогие.

Ей повезло. По столпотворению возле обувного отдела она поняла, что сапоги еще есть. Заняла очередь.

— Граждане, можете не стоять! — крикнула через десять минут продавщица с длинными наклеенными ресницами и пушистыми огненно-рыжими волосами.

Толпа заволновалась.

— Почему?!

— Безобразие, я тут целый час торчу, — кинулась к прилавку невысокая миниатюрная женщина с вызывающе накрашенными губами.

— Не кричите, — невозмутимо ответила продавщица. — Я же не виновата, что сапоги кончились.

К этим протестам присоединились еще несколько недовольных покупателей. Сайдаматова уныло оглядела стеллажи с обувью и, потоптавшись, медленно двинулась к выходу, не замечая, что за ней пылливо наблюдает пожилой мужчина в белоснежной марлевке. Увидев, что она

пошла к выходу, он властным жестом подозвал одну из продавщиц и что-то сказал ей, кивнув на Сайдаматову.

— Простите, Фатима Кадыровна, — догнала девушка Сайдаматову. — Здравствуйте.

— Здравствуйте, — удивленно вскинула брови Сайдаматова.

— Вы за сапогами?

— За сапогами, — еще больше удивилась Фатима Кадыровна.

— Прошу вас, — пригласила ее продавщица и быстро пошла к прилавку.

Сайдаматова неуверенно двинулась за ней.

— Вам какой размер?

Фатима Кадыровна с трудом переборолла неловкость.

— Тридцать шестой.

Продавщица порылась под прилавком и протянула ей коробку.

— Подождите! — вырвала коробку из рук Сайдаматовой женщина с вызывающе накрашенными губами. — Я уже целый час стою за этими сапогами.

— Что вы себе позволяете! — закричала на нее продавщица. — Эта гражданка за деньгами ходила. Просила оставить ей одну пару.

— А я полдня простояла! — зло сверкнула глазами женщина, не выпуская из рук коробки.

— Пожалуйста, если вам так нужно, — смутилась Сайдаматова, — возьмите сапоги себе.

Она быстро повернулась и пошла к выходу.

— Гражданка!

— Фатима Кадыровна!

— Подождите же, — кинулась за ней продавщица, но Сайдаматова уже вышла из универмага.

Она торопливо шла к автобусной остановке, ругая себя, сама не зная за что. Действительно, почему ей так всегда не везет? Другие покупают вещи без всякой толкотни в очередях, без просьб, ругани. Сайдаматова подумала о своей знакомой — Валентине. Вот кто умеет и красиво одеваться, и выбирать, и доставать что нужно. Даже не доставать, не то. Вещи будто сами искали Валентину, старались попасться ей на глаза. Все проходят мимо, не видят, а она только глянет — вот что мне надо! И точно, единственная стоящая вещь в магазине лежала на виду, и никто ее не видел, а Валентина увидела.

Сайдаматова грустно улыбнулась. Надо же, у нее из рук выхватили сапоги, и она безропотно их уступила!

Но откуда ее знает эта продавщица? Лицо ее, как Фатима Кадыровна ни пыталась вспомнить, не было знакомо. Может, свидетелем проходила по какому-нибудь делу?

Подошел автобус. Сайдаматова с трудом протиснулась к кабине водителя.

— Следующая остановка — театр, — прохрипел над головой динамик.

Двери закрылись.

Сайдаматова вспомнила о звонке школьного врача, покачала головой. Нет, на этой неделе нужно обязательно выбрать время и зайти в школу. Она на миг увидела перед собой лицо дочери и почувствовала, как в груди разлилась теплота. Флора все больше и больше напоминает деда. Те же широкие густые брови, прямой, резко очерченный нос, упрямые тонкие губы.

Мать Сайдаматова вспоминала очень редко. Даже можно сказать — совсем не вспоминала. Не понимала, почему так, ведь мать всегда ближе, не понимала и стыдилась своего равнодушия к матери, но изменить что-либо было уже поздно. И всегда, с того страшного дня, когда осталась вдруг одна, восьмилетней девочкой попала в детский дом; когда ей становилось особенно одиноко и нужно было выплакаться, твердя одеревеневшими, непослушными губами имя самого близкого, единственно дорогого человека, она звала только его — «папа! где же ты, папочка!»

Рядом кто-то громко засмеялся.

— Молодые люди, можно потише? Вы ведь не на базаре.

Краем глаза Сайдаматова увидела двух парней, которые, полуразвалясь, сидели возле окна.

— Слушай, мамаша, мы же тебе не мешаем! — ответил один из парней, с длинными спутавшимися волосами.

Девушка, сделавшая им замечание, густо покраснела и отвернулась.

— Ну, нашел «мамашу»! — засмеялся второй.

— Ребята, освободили б место бабуле, — обратился к ним пожилой мужчина с орденской планкой на пиджаке. — Молодые, можете и постоять.

Остряк демонстративно оглядел его с ног до головы:

— Ты, что ли, бабуля?

Сайдаматова обернулась и пристально посмотрела на зарвавшегося острослова.

— Я не бабуля, но...

— Ну и заткнись тогда, пока я из тебя дедули не сделал, — процедил парень угрожающе.

— Я же ничего... — сжался мужчина, — беспомощно оглянувшись. — Я просто...

— Вот и молчи просто, — отрезал второй.

Сайдаматова повернулась к стоящей рядом девушке:

— Разрешите пройти.

Ей дали проход. Острослов обернулся на ее голос, встретился с ней глазами, побледнел. Вскочил с кресла, дернул товарища:

— Пошли.

— Куда?

— Кому говорю, ну!

— Куда же ты торопишься, Орлов? — усмехнулась Сайдаматова.

Но тот уже был в середине автобуса и быстро пробиравшись к задней двери, таща за собой ничего не понимающего товарища.

— Знаешь егс, дочка? — усаживаясь к окну, спросила старушка Сайдаматову.

— Пришлось когда-то познакомиться.

— Развелось хулиганья, — сказал сердито мужчина с орденской планкой, — не продохнуть от них.

2

— Папа, гаишник!

— Вижу.

Валиев, не сбавляя газа, мчался вперед. Только уголки губ его чуть опустились книзу в снисходительной улыбке.

Автоинспектор с погонями лейтенанта поднял жезл и шагнул на дорогу наперерез серым «Жигулям»:

— Ну, вот! — сокрушенно вздохнул Мурат.

Валиев усмехнулся, искоса глянув на сына, и направил машину прямо на инспектора.

— Папа! — дернулся было Мурат.

Инспектор резко отпрыгнул в сторону, и вдруг, узнав Валиева, засмеялся и погрозил вслед удаляющейся машине. Мурат повернул голову, но видя, что лейтенант и не думает их преследовать, успокоился.

— Знакомый?

— Когда имеешь машину, — ответил Валиев, глянув на сына, — у тебя все в ГАИ должны быть знакомыми.

Стрелка спидометра качалась между цифрами 80 и 100. Мурат поднял глаза, стал смотреть вперед.

— Значит, в Москву хочешь съездить?

Мурат не ответил, пожал плечами.

— Поедешь.

— Когда? — В голосе Мурата прозвучало недоверие.

— После экзаменов, конечно.

Мурат вздохнул, покачал головой.

— Мать не отпустит.

— Отпустит. — Валиев сказал это не слишком уверенно и, поймав себя на этом, нахмурился, повторил твердо: — Отпустит.

На края глаз набежали тонкие морщинки. Он представил себе на миг лицо Фатимы, но тут же поспешно отогнал от себя видение, скрипнул зубами. Сколько лет прошло, а до сих пор не может спокойно думать о своей бывшей жене. Ведь баба же, баба! Все, казалось бы, для нее делал: хотела учиться — училась, университет окончила, ела, пила, чего другие не видели, одевалась так, как другие только мечтали. Живи и радуйся жизни! И сам он мужчина видный, не урод какой-нибудь...

Валиев глянул на притихшего Мурата, словно тот мог подслушать его мысли.

— Ты чего приуныл! — хлопнул он сына по плечу, прижал к себе. — У меня тоже права есть. Как-никак я отец. По всем юридическим законам имею на вас права.

— Все равно мама вряд ли разрешит поехать в Москву. Скажет, денег нет.

— При чем здесь деньги! — повысил голос Валиев. — Если я говорю — поезжай, значит, за все отвечаю. О деньгах не беспокойся — и матери так скажи: мол, папа все расходы берет на себя.

Мурат кивнул.

— Ладно, ничего не говори, — глянул на него Валиев. — Я сам с ней поговорю.

Он включил приемник, покрутил ручку настройки, на доли секунды опустил глаза.

— Осторожно, папа!

Валиев резко крутанул руль и, сбросив газ, нажал на тормоза. Машину кинуло в сторону, взвизгнули тормоза, и прямо из-под колес выскочила огромная лохматая собака. Чиркнув бампером бетонный столб, машина остановилась. Мурат выскочил первым, провел рукой по свежей вмятине, посмотрел на отца.

— Что здесь у нас произошло? — подошел Валиев. Засмеялся. — Ничего страшного, малыш. Работы цена — бутылка «Наполеона» и только.

Он оглянулся на собаку, которая остановилась в сто-

роне и не сводила к Валиева настороженно-немигающих глаз. Мурат тоже посмотрел на собаку, потом на отца.

— Понимает, что из-за нее.

— Иди сюда!— Валиев похлопал себя по бедру. Свистнул: — Фьють! Фьють!

Собака шевельнула хвостом.

— Дворянка беспородная?— сказал Мурат.

— Беспородная?— Валиев многозначительно помолчал.— Киргизская, чистокровная. Еще ее называют степной. Один на один с волком выходит.

— А подойти боится.

— Это мы посмотрим.

Валиев еще раз позвал ее. Собака завилыла хвостом, медленно приблизилась к машине. Мурат с удивлением смотрел на отца, который уверенно подошел к собаке, почесал у нее за ушами, потом провел несколько раз ладонью по пятнистой спине.

— Слов нет!— засмеялся Мурат.

Валиев открыл заднюю дверцу машины, кивнул собаке:

— Лезь.

Та сделала шаг, нерешительно глянула на Мурата, по-детски скосила голову набок.

— Вперед!— приказал Валиев.

Собака вильнула хвостом, неторопливо, с достоинством влезла на сиденье.

— Зачем он тебе, папа?— спросил Мурат отца, когда машина понеслась дальше.

— Хороший пес всегда пригодится,— ответил Валиев, подмигнув сыну.— Лучше придумай ему имя, чем спрашивать зачем да почему.

Мурат подумал, почесал затылок, разглядывая собаку, которая по-хозяйски вытянулась на заднем сиденье.

— Арктур подойдет?

— Как?

— Арктур. Есть такая звезда в созвездии Гончих псов.

— Нет,— покачал головой Валиев.— Давай что-нибудь попроще. Думай лучше — у тебя голова молодая.

Мурат кивнул.

— Тогда... Наруш.

— А это какая звезда?

— Это не звезда,— засмеялся Мурат.— Нарушитель. Сокращенно — Наруш. Звучит?

— Фатимахон, бог свидетель, чем угодно могу поклясться, Джафар не такой,— повторяла ежеминутно Алимова, женщина лет пятидесяти, с широким одутловатым лицом, синими мешками под глазами.— Он не преступник.

Сайдаматова слушала, кивала.

— Если ваш сын не виноват, суд во всем разберется, Кумрихон-апа,— успокаивала она Алимову.

— Мама!— в комнату заглянула Флора, капризно сложила губки.— Скоро вы еще тут?

— Флора!— строго сдвинула на переносице брови Сайдаматова и укоризненно покачала головой.— Нельзя вмешиваться в разговор старших, дочка.

Флора тихонько приоткрыла дверь, заглянула в комнату брата.

— Чего тебе?— обернулся Мурат.

— Ничего.

Флора вошла, села в кресло. Мурат некоторое время выжидающе смотрел на сестру.

— Кто там?— он показал глазами на дверь.

— Кумрихон-ая.

— За сынка пришла просить.

Мурат усмехнулся, захлопнул книгу, которую читал до прихода сестры. Флора пожала плечами:

— Она мать. А почему ты так говоришь?

— А как я должен говорить?— обзлился Мурат.

— Ведь Джафар был твоим другом.

— Другом он мне никогда не был, ясно тебе?— резко оборвал сестру Мурат.

— Но ведь он приходил к тебе.

— Мало ли кто ко мне приходил,— отрезал Мурат.— И вообще — это не твоего ума дело. Дуй отсюда!

Флора демонстративно уселась в кресле поудобнее, всем своим видом показывая, что никуда не уйдет, и прямо посмотрела в глаза брату.

— Я тебе сказал!— угрожающе поднялся Мурат.

— Мама!— закричала Флора.

Мурат ошарашенно замер на месте, посмотрел на дверь. На пороге застыла мать.

— Мурат!— Голос Сайдаматовой будто ударил сына.— Что ты себе позволяешь?

— А чего она?

— Что случилось, Флора?

— Ничего, мама,— она поднялась и пошла к двери.— Просто Мурат не любит, когда ему говорят правду в глаза.

Сайдаматова покачала головой, пропуская мимо дочь.

— Она ушла?

— Ушла, ушла,— успокоила дочь Сайдаматова, прикрывая за собой дверь.— Мурат, не уходи никуда. Ужинать скоро будем.

— Не уйду,— буркнул Мурат, хмуро глядя на дверь.

4

Пулатов попросился, положил трубку, почесал переносицу, обдумывая что-то, подмигнул Валиеву:

— Все в порядке, дорогой.

Помощник преданно смотрел на своего шефа, терпеливо ожидая, когда, наконец, тот снова вспомнит о нем.

— Так на чем ты остановился?— взглянул на него Пулатов.

Помощник угодливо захихикал, подобрался весь:

— А он и говорит мужу: прости, браток, с тобой ведь тоже может случиться такое. Только я разделся — стук в дверь. Муж ее пришел, понимаешь? Вот я на твой балкон и спрыгнул.

— Как же так? У них же последний этаж,— хохотнул Пулатов.

— В том-то и дело,— повизгивал помощник,— когда он ушел, муж сразу об этом и вспомнил.

Громкий хохот заглушил его слова. В кабинет заглянул Чарьев — товаровед.

— Входи,— разрешил Пулатов. Вытер выступившие от смеха слезы, махнул рукой.

— Здравствуйте,— поклонился Чарьев сидящим, прижимая руку к груди.— Рахмат-ака, товар привезли. Что делать?

— Что делать?— презрительно хмыкнул Пулатов.— Принимать, конечно.— И обернувшись к сидящим, добавил:— Вот люди, все приказания ждут. Никакой инициативы.

— Там, где товар и деньги,— вкрадчиво произнес помощник,— инициатива не нужна, я так думаю. А, Усманжон-ака?

— Сначала хозяин, потом инициатива,— кивнул степенно Валиев.

Чарыев неслышно отступил к двери.

— Постой,— остановил его Пулатов.

Чарыев замер на месте.

— Мне тут позвонили,— Пулатов взял в руки пиалу с остывшим чаем, сделал глоток, поставил пиалу на место, — дело твоего дружка... этого... Алимова...

— Какой он мне дружок, Рахматжон-ака!— запротестовал было Чарыев, но осекся, видя, как дернулась бровь у шефа.— Мальчишка...

— Дело его передали в суд,— не повышая голоса, закончил Пулатов.— Все. Иди работай.

Чарыев ушел. Пулатов с минуту задумчиво сидел, вертя в руках коробок спичек, поднял голову:

— Значит, говоришь, последний этаж?

— Он только потом об этом вспомнил,— хихикнул помощник.

— Ну, надо посмотреть, что там за товары пришли,— поднялся Пулатов.

За ним встал и Валиев. Помощник подбежал к двери, открыл ее.

— Заходи, когда будет время,— пожал руку Усманжону Пулатов.

«Жигули» свернули с проезжей части, осторожно проехали по бетонному мостику и, качнувшись, затормозили перед железными воротами, выкрашенными бронзой.

Валиев вышел из машины. Открыв калитку, сбросил задвижку и распахнул ворота. Просторный двор, сплошь выложенный бетонными плитками, вдоль забора — виноградные лозы, посередине — глубокий бассейн, деревянная супа, над которой раскинула тяжелые ветви орешина.

Валиев закрыл ворота, вынул из кармана конфету и кинул собаке.

— Это тебе.

Наруш понюхал конфету, вильнул хвостом, но не приронулся. Потом повернулся и пошел к будке справа от ворот.

Валиев усмехнулся.

— Смотри-ка, не хочешь?

В доме было прохладно. Ровно гудел кондиционер. Валиев скинул рубашку, достал из холодильника бутылку минеральной воды, выпил.

Зазвонил телефон.

Нехотя подошел, снял трубку:

— Слушаю.

— Усманжон?

— Я.

— Набиев говорит.

— Рад тебя слышать, Талибжан.

— Ты сегодня газеты читал?

— Не-ет,— неуверенно ответил Валиев, метнув взгляд на стопку газет, только что вынутую из ящика для писем и, конечно же, даже не рассортированную.— А в чем дело?

— Статья там...

— Какая статья?

— Ты возьми, возьми газету в руки.

Валиев кинулся к газетам, принес всю стопку к телефону.

— Ты меня слышишь? Алло! Усманжон! Алло!

— Подожди!

Валиев лихорадочно начал листать газеты.

— Что ты смотришь? Что смотришь, тебя спрашиваю!— кричал на другом конце Набиев.

— «Коммуна»?

— Какая «Коммуна»? Смотри столичную — «Совет Узбекистони». Нашел?

Валиев не ответил, быстро отыскал, что нужно. Глаза его лихорадочно, кусками, глотали текст.

Статья была большая, заняла почти всю четвертую страницу и называлась броско: «Сильный человек». Да. Автор не пожалел ни красок, ни фактов, чтобы очернить, да что там очернить, просто уничтожить человека, о котором писал.

— Прочитал?

— Н-да,— пожевал губами Валиев.— Что же теперь будет?

— Не хотел бы я оказаться в шкуре Рустамова,— после нескольких секунд молчания ответил Набиев.

— Я тоже.

— По-моему, — снова заговорил Набиев,— время сушить сухари.

— Плохо ты знаешь его,— усмехнулся Валиев, хотя в голосе не было уверенности. — Выплывет.

— Не знаю, не знаю,— вздохнул на другом конце провода Набиев.— Мне кажется, это только начало. Такие статьи просто так не появляются. Чтобы поднять руку на Рустамова... Один его тесть там, в Ташкенте...

— Все ясно,— перебил Валиев.— Я тебе еще позволю. До встречи.

Он положил трубку, некоторое время задумчиво смотрел в пространство, не зная, что делать. Звонить, искать, ехать куда-то?.. Статья уже вышла, поезд, как говорится, ушел и на полной скорости несется куда-то. Вот вопрос — куда?

Мысль работала с лихорадочной быстротой, строя гипотезы, отвергая одно, отыскивая забытое, пробуя состыковать то, что раньше и в голову не приходило.

Рустамов, председатель треста общепита, — глыба, сдвинуть которую, казалось, не под силу ни одному смертному. Особенно после того, как он породнился с самим Ариповым. Нет, конечно, все это пустяки. Рустамов есть Рустамов, он выплывет. Вот только как вышла эта проклятая статья, ведь должен был Рустамов знать, что против него готовится!

Валиев выключил кондиционер, погасил свет и вышел из дому.

5

Старший советник юстиции Рахимов говорил долго и обстоятельно. Он подробно перечислил количество детей подсудимого Турсунова, зачитал характеристики с последнего места работы, отзывы соседей и товарищей. Казалось временами, он забывал, что является обвинителем.

— Наказание — это не только кара за совершенное преступление, — звенел его голос, обращенный скорее к залу, чем к суду.

«Любит, наверное, смотреть индийские фильмы», — подумала Сайдаматова. Она старалась не смотреть на Рахимова, картинно размахивающего руками, выверенно играющего голосом. Зал был переполнен родственниками, друзьями и знакомыми подсудимого. В большинстве это были пожилые, солидные люди, которые теперь старались держаться как можно незаметнее, прятали глаза, когда встречались с ее взглядом.

Сайдаматова незаметно глянула на часы, вздохнула. Снова не успеваешь в школу к Флоре. Стыдно, уже несколько раз договаривалась с врачом о встрече, и все не получается.

— Наказание имеет целью исправление и перевоспитание осужденных в духе честного отношения к труду. Но, в то же время, наказание не имеет целью причинить излишние физические страдания, — патетически говорил обвинитель. Сделав многозначительную паузу, Рахимов за-

кончил:— Я считаю, что преступление Турсунова подпадает под статью 118, и требую для обвиняемого трех лет лишения свободы в исправительно-трудовой колонии общего режима. Все, я закончил.

Он сел и стал складывать в папку бумаги.

Подсудимый откинулся на спинку стула, смахнул со лба капельки пота. Кажется, пока все хорошо. Он взглянул на адвоката, перевел взгляд в зал.

Защитник Лисицын считался лучшим адвокатом города. И Турсунов очень надеялся на его опыт и мастерство.

— Товарищи судьи!— откашлялся Лисицын, когда Сайдаматова предоставила ему слово.— Внимание, с которым я изучал малейшие подробности этого трудного дела, полное беспристрастие, о котором не забывал ни минуты в интересах раскрытия истины, дают мне право надеяться...

Сайдаматова смотрела в окно. Негромкий, вкрадчивый голос Лисицына навевал сон. Почему-то вспомнилось первое дело. Она, молодой следователь, приехала в районный городок сразу после окончания университета. На второй день службы начальник отделения вызвал ее к себе и вручил папку:

— Принимай, Фатимахон, дело о наезде. Месяц бьемся с ним, пора передавать материалы в суд. Ознакомься, сделай, что надо, и отсылай. Работы много, так что действуй.

Она внимательно просмотрела дело, и многое в нем показалось ей нелепым. Пришлось вновь вызывать свидетелей, опрашивать их, чтобы выяснить все подробности. Ходила в больницу к потерпевшему. Еще раз вместе с экспертом проанализировала заключение экспертизы. Заключение дополнилось отдельными деталями, почему-то не учтенными экспертом раньше, но очень важными. И Сайдаматова пришла к выводу, что водитель невиновен.

Тогда она обратилась к прокурору, потратила полдня, чтобы доказать невиновность водителя, сама напечатала постановление об изменении меры пресечения, на котором прокурор после некоторого колебания поставил подпись, и поехала в следственный изолятор. Но когда она сообщила подследственному, что приехала освободить его, и заглянула ему в глаза, то увидела в них только боль и ненависть.

— Вы думаете, я вам спасибо скажу?!— закричал он ей в лицо.— Не дождетесь!— и повторил со слезами на глазах:— Не дождетесь!

Он ушел, а она, ошеломленная, стояла у ворот и с горечью думала о людской неблагодарности.

И только много лет спустя, вспомнив однажды того человека и его слова, Сайдаматова поймала себя на мысли, что зря она тогда обиделась. Человек просидел в изоляторе полтора месяца, просидел невинно, и в том, что она обнаружила нарушение законности и освободила его из-под стражи, не героизм, а долг, каждодневная ее работа...

— Прошу всех встать. Суд идет!

Сайдаматова выждала, пока установится тишина.

— Именем Узбекской Советской Социалистической Республики...

Она успела отметить про себя ободряющий взгляд Лисицына, его кивок Турсунову, побелевшие пальцы подсудимого.

— Турсунов Салим Саитович приговаривается к пяти годам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии усиленного режима...

6

Прокурор и заседатель в перерыве между заседаниями суда играли в шахматы.

— Шах, уважаемый Салиджан Рахимович,— сказал заседатель, двигая вперед офицера. Он поднял голову и увидел направленный на прокурора напряженный взгляд Сайдаматовой.

Рахимов задумчиво жевал губу, не замечая этого взгляда.

— Салиджан Рахимович,— не выдержала Сайдаматова.

Прокурор удивленно вскинул голову:

— Слушаю вас, Фатимахон.

— Я понимаю Лисицына, он защитник, — она пристально смотрела ему в глаза.— Но ваше обвинение Турсунову...

— Оно вам показалось слишком суровым?

Рахимов пробовал шутить, но Сайдаматова не отреагировала.

— Когда я слушала ваше обвинение, я все время спрашивала себя: кто вы? Обвинитель или адвокат?

— Не понял вас!..

В голосе прокурора звякнул металл.

— Вам было жаль Турсунова?

— Я никого не жалею, уважаемая Фатима Кадырова, — задвигал желваками прокурор. — Три года тоже не курорт.

— Он злостный расхититель, который давно должен был сидеть за решеткой, — жестко сказала Сайдамадова. — Человек, который наживается за счет других, из года в год обворовывает государство...

— У вас стали сдавать нервы, Фатимахон, — прервал ее Рахимов. На лице его застыла холодная улыбка. — Вы стали слишком жестоки, а это непозволительно человеку, которому доверили весы правосудия... — И, неожиданно изменив выражение лица, добавил саркастически: — Впрочем, вы тогда с моей «либеральностью» не посчитались...

— Кому, ты говоришь, попало дело?

Пулатов перехватил телефонную трубку левой рукой, правой вытащил из заднего кармана брюк платок, вытер шею, лоб.

— Сайдамадовой... Вы ее знаете, Рахмат-ака? — кричал на противоположном конце в трубку Чарыев.

— Не суетись.

— Что вы сказали, Рахмат-ака?

— Возьми себя в руки, говорю, — повысил голос Пулатов. — Она будет делать свое дело, понял? Все.

Он бросил трубку, вздохнул, пожевал губами.

— А начнет сомневаться...

Снял трубку, начал набирать номер.

— Да.

— Усманжон?

— Слушаю, Рахмат-ака. Здравствуйте.

— Привет, — скривился Пулатов. — Дело у меня к тебе срочное. Загляни вечером ко мне.

— Договорились, — отозвался Валиев после паузы. — Я тоже хотел вас увидеть. Кое-что о делах Рустамова узнал.

— Не до него сейчас. Жду.

7

— Джафар, хватит думать, — позвал Алимова Рябов, разбитной малый, попавшийся за драку. — Лучше «козла» забьем.

— Оставь его,— смешал костяшки Рашид.— Человек мучается.

— Мучайся не мучайся — все равно дело хана,— философски заключил третий. Он сидел, терпеливо дожидаясь, когда Рашид кончит мешать и можно будет взять костяшки.

— Да,— вздохнул Рябов.— Убийство — это тебе не драка. Мне самое большое — три года, а за убийство...

— Не каркай, Рябой,— оборвал его Рашид.— Бери кости.

Рябов сделал ход, посмотрел на Рашида.

— Грубый ты человек, Рашид,— заключил он через некоторое время. — А все почему?..

— Почему?— подняли головы игроки.

— Потому что сильный,— объяснил Рябов. — Не пойму только...

Он сделал ход и молча наблюдал за игрой.

— Чего не поймешь?— не выдержал Рашид.

— Ты татарин?

— Ну.

— Высшее образование имеешь?

— Не темни,— сверкнул глазами Рашид.

— Как же случилось, что ты, представитель народа, который слывет честным, трудолюбивым, таким вот,— Рябов сжал кулак и потряс им над столом,— как же ты, сильный человек, с высшим образованием, попал в тюрьму к хулиганам и убийцам? Можешь это объяснить?

— Рыба!— с грохотом опустил руку с костяшкой Рашид.— Считаю очки, трепло.

В этот момент щелкнул замок и на пороге возник дежурный контролер.

— Рыбачите, шурики?— Старшина оглядел камеру.— Кто дежурный?

— Я здесь, начальник!— взял под козырек Рябов.

— Почему лежат в неположенное время?

— Джафар,— обернулся к Алимову Рябов.

Джафар вздохнул, сел на кровати.

— Вот так-то,— хмыкнул старшина, кивнул Рябову.—

Кто тут Алимов?

— Он и есть,— указал на него Рябов.— Освобождение?

— Пошли,— махнул ключами старшина, не удостоив Рябова ответом. И добавил, видя нерешительность Алимова:

— Следовательно тебе свидание разрешил...

Джафар слушал мать, которая торопливо пересказывала ему домашние новости. Стоило ей замолчать, как в комнате для свиданий возникла тягостная тишина, нарушить которую у него не было ни сил, ни желания. И что он мог рассказать матери? Какие новости могут быть в его положении?

И мать, понимая его состояние, боялась замолчать.

— Я выкупила твои книги в магазине,— говорила она, заглядывая в глаза сыну.

Джафар кивнул и снова ничего не сказал в ответ.

— Большие такие. Продащица посмотрела по карточке и дала их мне, говорит — почему до сих пор не выкупили, нельзя так.

— Бидstrup, наверное,— глянул на мать Джафар.

— Картинки там,— закивала мать.

Джафар ничего не ответил ей. Бидструпа он давно выкупил, кроме последнего тома, и подарил товарищу (он усмехнулся — «товарищу Лиде». Что она сейчас о нем думает, «товарищ Лида»?)). Видимо, в карточке забыли отметить, и вот мать снова приобрела эти уже выкупленные однажды тома.

— Дело уже передали в суд.

— Я догадался.

Контролер взглянул на часы:

— Время. Свидание окончено.

Джафар встал, растерянно улыбнулся матери.

— Ты держись, мама.

— Сынок!

Мать прижала платок к потрескавшимся губам. Джафар направился к двери, неожиданно вернулся, обнял мать.

— Держись, мама,— повторил он, чувствуя, как к горлу подкатил твердый комок, и быстро вышел из комнаты.

8

Лисицын насупившись сидел перед председателем городского суда.

— Нельзя же так, Рустам Халилович,— поминутно шелкал он суставами пальцев.— Если бы я плохо знал Сайдаматову, я бы прямо сказал, что она использует свое положение для сведения счетов.

— С кем? С вами?— улыбнулся Халилов, могучий мужчина лет пятидесяти, с густой, совершенно седой шевелюрой.

— Вам смешно, Рустам Халилович, а мне какво?— горячился Лисицын.

— Сайдаматова — кристально честный человек.

— Я и не опровергаю это,— закивал Лисицын.— О ней можно книгу писать.

— Вот именно,— согласился председатель.

— Но она, кроме того, еще и судья. А на этом месте еще и сердце нужно.

— Тут я с вами согласен,— вздохнул Халилов.— Фатимахон слишком иногда круто берет.

— Иногда! — вскричал Лисицын. Вскочил, нервно забежал по кабинету.— Иногда! Если бы так, иногда!

Халилов вызвал секретаршу.

— Пригласите ко мне Сайдаматову.

Лисицын замер, присел на стул:

— Мне уйти?

— Можете остаться,— разрешил Халилов, налил в палю чай и протянул адвокату.

— Вызывали, Рустам Халилович?— в кабинет вошла Сайдаматова.

— Если тебя не вызвать, сама не придешь,— поднялся ей навстречу Халилов.

Он пожал ей руку, усадил рядом с собой на диван.

Лисицын холодно кивнул Сайдаматовой. Та ответила, обернувшись к председателю.

— У меня к вам дело,— сказала она.— Я по поводу Алимова.

— Ну вот, сразу о деле,— развел руками Халилов. Он взял из ее рук папку, положил рядом, на свободный стул.— Лучше расскажи о себе: как дома, как дети. Мурат, наверное, уже в женихах ходит? Давно его не видел, и Флору тоже. В каком она классе?

— В девятый перешла,— улыбнулась Сайдаматова.

— Скажите, Фатима Кадыровна,— вдруг не выдержал Лисицын, заговорил дрожащим голосом.— Вы что-то имеете против меня?

— О чем вы?— удивилась Сайдаматова.

— Третий раз вы меня «наказываете»? За что? Что я вам сделал?

— О чем вы, Лев Давыдович?— еще больше изумилась Сайдаматова, перевела взгляд на Халилова.

— Лев Давыдович!— укоризненно покачал головой председатель суда.

Но Лисицын уже не мог больше сдерживать себя.

— Вы уже успели забыть!— он хлопнул себе по коле-

ну.— Мое последнее дело. Турсунова! Ведь даже прокурор просил для него три года. Три года!

— Ах, вот в чем дело!

— Вот именно,— кипятился Лисицын.— Или я чего-то недопонял? Вам не понравилась его физиономия, как он держал себя на суде? Понимаю, случается такое, умные люди называют это социальной несовместимостью. Есть нечто подобное...

— Вот что,— поднялся Халилов.— Вы, Лев Давыдович, можете быть свободны, а мы тут сами поговорим.

Лисицын резко встал, обиженно дернул головой:

— И все-таки я...

— Я думаю, так будет лучше,— протянул ему руку Халилов. Проводил до двери.

9

— Значит, на оперативную работу потянуло?

— Устала я, Рустам Халилович,— вздохнула Сайдаматова.

— Думаешь, там легче? Отдохнуть сможешь?

— Нелегко,— улыбнулась Сайдаматова.— Просто я чувствую...

— Что ты чувствуешь?

— Нужно менять работу. Что-то изменилось вокруг. Может быть, правы люди: ожесточилась я.

— Понимаешь ведь,— обрадовался Халилов,— значит, можешь взять себя в руки. Ты судья, в твоих руках судьбы человеческие.

— И все же я прошу вас,— встала Сайдаматова, как бы ставя точку в разговоре.— Не отпускайте — сама уйду.

Халилов резко вскинул голову, посмотрел ей в глаза. Она твердо выдержала взгляд, кивнула:

— Вы должны меня понять, Рустам Халилович.

— Ладно, иди, — махнул он рукой. — Я подумаю.

Сайдаматова пошла к двери, вдруг обернулась:

— А дело Алимова все же отсылаем на следствие.

Халилов несколько секунд непонимающе смотрел на нее, махнул рукой:

— Делай как знаешь.

Он устало сел на свое место, склонился над бумагами. Сайдаматова тихонько закрыла за собой дверь.

Часы, которые Сайдаматова сняла и положила сбоку, едва слышно тикали, показывая начало девятого вечера. В комнате уже начинало темнеть, но она не замечала этого, все читала и перечитывала объяснения, заключение экспертизы, протоколы допроса обвиняемого Алимова, свидетелей — товарищей по работе, тех, кто был у него в гостях в тот злополучный вечер, когда был убит Газиев.

Перед ее мысленным взором вставало спокойное, чуть нервное лицо Алимова. Он несколько раз приходил к Мурату и сразу показался ей умным, вдумчивым парнем. Помнится, она даже сказала как-то Мурату, что такие, как Джафар, бывают верными в дружбе. Почему она так тогда решила?

Сейчас, как ни пыталась вспомнить, Сайдаматова не могла указать истинную причину своих слов. Может, взгляд его ей понравился, или то, как он держал себя с окружающими? Не то, не то. И все же... Было в Алимове что-то настоящее. Такой человек не может убить!

Но почему она так уверена в этом?

А если бы Джафар не приходил к ее сыну, если бы она раньше никогда не видела этого парня, значит, спокойно приняла дело к производству? Приняла и осудила?

Что же так ее тревожит?

Сайдаматова посмотрела на часы. Давно пора было уходить, но она снова углубилась в чтение протокола допроса Алимова. «...Я ничего не помню. Не помню, как все произошло,— бежали неровные буквы по линейкам.— Мы сидели за столом, потом я очнулся, никого нет. Я встал и увидел убитого Тимура...»

«...Прошу во всем винить только меня. Я виноват. Я убил Газиева, ударил его ножом, но, честное слово, не помню, как это произошло. Ничего не помню...»

«...Мне стало плохо, и я решила уйти домой,— писала в объяснении Курочкина Лидия Петровна.— Джафар сильно опьянел и не мог меня проводить, и со мной пошел Чарьев...»

«...Сначала Джафар немного приревновал Лиду к Тимуру, но потом они успокоились, стали пить за дружбу. Джафар попросил меня проводить Лиду до дома, и я ушел. Не знаю, что потом между ними произошло, потому что, проводив Лиду, я пошел к себе...» — это Чарьев.

Как же они могли оставить их вдвоем, если между ними была ссора, почему ушли?— снова и снова спраши-

вала себя Сайдаматова, чувствуя, что здесь что-то не так. Объяснения, признания, написанные собственноручно, заключение экспертизы — все есть.

Нет лишь уверенности, что трагедия произошла именно так, как подана в деле. Нет уверенности — и Сайдаматова не могла избавиться от сомнений. И снова ей вспомнился отец, далекое детство, белая пыльная дорога перед домом, низенький глиняный забор, ветхая деревянная калитка с цепочкой вместо замка. Отец тоже не был уверен, что человек, которого он знал давно, который приходил в его дом, ел с ним из одного лягана, этот человек — преступник. Не поверил и прямо спросил его, забыв об осторожности. Забыл и поплатился за свою доверчивость. Поплатился не только своей, но и жизнью жены.

Сайдаматова с необыкновенной ясностью вспомнила тот страшный день, когда мать и отца везли на телеге к кладбищу, как за телегой беспорядочной толпой шли милиционеры, соседи, знакомые. На белесоватой, выжженной безжалостным солнцем земле резко выделялись свежие могильные холмики. Капитан, друг отца дядя Талиб, обнял ее за плечи, прижал к себе.

— Товарищ Сайдаматов был настоящим чекистом, с чистой совестью и большим сердцем. Это был честный и бесстрашный человек, фронтовик, кавалер многих орденов и медалей,—говорил громко капитан.— Но для него, как и для всех нас, его соратников, не кончилась война. И пусть наши враги запомнят, пусть слышат: пока мы живы, пока бьются наши сердца — не будет покоя бандитам, спекулянтам и всякой другой нечисти!.. Я хочу пообещать тебе, дорогой друг,—обратился капитан к холмику,— что дочь твоя Фатима не останется одна. Я обещаю тебе: она станет учиться и вырастет таким же прекрасным и честным человеком, каким был ты, Кадыржан.— Он поднимает руку с наганом, оглядывает застывший строй милиционеров: — Пли!..

10

Флора огляделась по сторонам, на цыпочках приблизилась к окну и заглянула вовнутрь, где беседовали мать и школьный врач.

Сайдаматова сидела спиной к окну и обернулась, когда врач погрозил Флоре пальцем.

— Заждалась вас дочка.

Сайдаматова поднялась.

— Никогда Флора не жаловалась на боли, даже и не знаю, что думать.

— Страшного пока ничего нет,— успокоил ее доктор, провожая до дверей.— Пускай врачи ее обследуют, я могу ошибаться.

— Я отвезу ее в Ташкент.

— Зачем же сразу в Ташкент?— мягко улыбнулся доктор.— Пусть ее обследуют в областной больнице, а потом посмотрим. У нас неплохие врачи.

Сайдаматова пожала врачу руку и вышла. Он подошел к окну и видел, как к Сайдаматовой подбежала Флора, помахала ему рукой и, заглядывая в глаза матери, что-то начала спрашивать.

— Чего ты врешь, чего врешь-то!— кричал на женщину Трохин, тщедушный, средних лет, с редкими седыми волосами на макушке.

Сайдаматова постучала карандашом по столу.

— Трохин, ведите себя, как подобает в суде.

— Пусть не вешает лапшу...— он запнулся,— то есть не обманывает пусть.

— Я лапша, да?!— взъерилась женщина. — Я обманываю? Бесстыжие твои глаза, Трошка!

— Не было там двух килограммов, — обратился Трохин к Сайдаматовой.— Одни кости. Совести у человека нет,— он покачал головой.— Зачем людям голову морочить, Роза-апа?

— Не было, говоришь, да? — упирая руки в бока, обнажила в агрессивной улыбке ровный ряд золотых зубов женщина.— Нет, ты в глаза мои смотри,— дернула она Трохина за рукав, когда тот отвернулся.— Картошки тоже не было, да? Морковка, лук, чеснок, болгарский перец...

— Огурцы, помидоры, дыни, болгарские яблоки,— начал перечислять Трохин.

В зале засмеялись:

— Арбузы забыл!

— Виноград!

— Вот видишь,— обрадовался Трохин.— Даже люди над тобой смеются.

— Прекратите, Трохин!— повысила голос Сайдаматова.

Трохин замолчал, сел на стул, положил руки на колени, всем своим видом изображая покорность и смирение.

— Вопрос Трохину.

— Слушаю вас,— вскочил со стула Трохин.

— Второго мая сего года вы проникли в квартиру гражданки Хайруллаевой и унесли из кухни Казан с шурпой.

— Только-только кипеть начала,— подсказала Хайруллаева, обращаясь к залу.— Сегодня шурпа, завтра еще что-то, потом грабительством станет.

— Казан с кипящей шурпой,— повторила Сайдаматова. Пряча улыбку, спросила как можно строже: — Было это?

— Что?

— Повторить вопрос?

— Нет, не надо,— встрепенулся Трохин.— Я все понял.— Он виновато оглянулся на зал.

— Отвечайте, Трохин.

— Так я, понимаю... выпивши был. Честное слово,— заторопился он,— врет она все. Не было там двух килограммов мяса. Одни кости, поверьте.

— Нет, вы только послушайте его!— вскричала Хайруллаева.

— Чтобы ты два килограмма за один раз?.. Кому ты сказки рассказываешь!— прервал ее Трохин. — Такой скряги, как ты...

— Трохин!

— Я же ее, товарищ судья, много лет знаю.

— Отвечайте по существу вопроса, — остановила его Сайдаматова.— Было или не было?

— Было, — едва слышно сдался Трохин.

— А если и было!— раздался голос из зала. — Неужели из-за казана шурпы человека в тюрьму? Стыдно, женщина.

— Хочешь шурпу, иди на базар или в столовую, — отпарировала Хайруллаева. — Я тоже человек, у меня семья.

— Как же вы дошли до такого состояния, гражданин Трохин?— укоряюще заговорил председатель, пенсионер с несколькими рядами орденских планок на полувоенном кителе.— Взрослый человек, один сын в армии, другой школу кончает. Стыдно! Какой вы им пример показываете!

— Вот и я о том же,— обрадовалась Хайруллаева.— Написать сыну в армию, пусть узнает.

— Ты говори, да не заговаривайся! — испугался Трохин.— Товарищи судьи, простите меня.

Он замолчал. Обвел умоляющим взглядом присутствующих в зале, опустил глаза

— Простите, я больше не буду,— закончил он шепотом.

— Простите его, что же вы!— раздался из зала старушечий голос.

— Обещай, Трошка,— грозно заглянула ему в лицо Хайруллаева,— что не будешь больше ругаться со мной. Воровать не будешь, обещаю.

— Обещаю, обещаю,— обрадовался Трохин, с надеждой глядя на судей.

11

— Я же говорил,— захлебывался Чарьев.— Рахмат-ака, она вернула дело на следствие.

— Ну и что?— Пулатов полуразвалился сидел в кресле.— Что из того, чего ты боишься?

— Боюсь,— признался Чарьев, отводя бегающий взгляд.

— Ты же не виноват.

Чарьев встрепенулся, но его остановил жесткий взгляд Пулатова.

— Не виноват.

— Ну и не дрыгай ногами,— Пулатов изобразил на лице нечто похожее на улыбку.— Убийца сидит, во всем признался. Подумаешь, вернули на следствие. Ну, вызовут тебя, эту девушку... Кстати, как она там?

— Хорошо,— с готовностью ответил Чарьев.— В кино с ней ходил, туфли импортные достал.

— Вот, вот,— кивнул Пулатов.— Не обижай ее. Поддержи.

Он постучал пальцем по столу.

— Из комбината звонили?

— Все в порядке, Рахмат-ака.

Чарьев засуетился, торопливо вынул из кармана толстый бумажник.

— Оставь,— махнул Пулатов.— Домой принесешь.

— Сделаю,— кивнул Чарьев.— Две тысячи отдал экспедитору, Адхаму-ака.

— Поменял?

— Спрашиваете, Рахмат-ака,— поднялся Чарьев.— Одни сотни. Горяченькие, только из банка.

Возле прилавка остановился черноволосый парень кавказского типа, перегнулся через прилавок, подмигнул продавщице с тяжелым браслетом на левой руке. Брас-

лет был золотой, в виде змеи, кусающей себя за хвост. Парень взял продавщицу за руку, повернул, разглядывая браслет, улыбнулся:

— С покупкой новой, Любочка.

— Спасибо,— хотела вырвать руку продавщица, но тот цепко сжал пальцы.

— Хорошая работа.

— Отпусти, ну!

— Друг здесь?— разжал пальцы брюнет.

— Алик!— вместо ответа позвала девушка.

— Да,— отозвался через секунду Чарыев, выглянув из дверей внутреннего помещения.

— Тебя тут спрашивают.

— Привет,— расцвел Чарыев.

Они кренко пожали друг другу руки.

— Входи, гостем будешь.

— В другой раз, Адылжан,— подмигнул ему гость, выразительно глядя в глаза.

— Что-нибудь интересное?

— Лакированные, по сорок пять.

— Сколько?— оглянулся на Любу Чарыев, но она была далеко и не слышала их разговора. А может быть, и слышала, но сделала вид, что не слышит.

Чарыев удовлетворенно хмыкнул, хотя ее он не опасался. Но порядок есть порядок: она не должна знать, чего не полагается.

— Сколько привез?

— Тысячу пар.

— Давай.

— Только моя доля вперед,— остановил его брюнет.

— Жора, дорогой!— укоризненно глянул на него Чарыев.

— Я свое слово сказал,— выставил ладонь Жора.— Я маленький человек. Вы там разберетесь среди своих, а мне... Короче — понял меня?

— Ладно,— махнул рукой Чарыев.— Подъезжай с заднего хода, договоримся.

Брюнет вышел.

— Любочка, я к Рустаму-ака, а потом товар принимать. Если спросит кто, скажешь.

— Конечно,— кивнула продавщица, поправляя браслет.

Валиев смотрел, как двое подсобных рабочих упackages стереопроектор, колонки. Рядом стоял заведующий секцией, отдавал короткие приказания:

— Прокладку положите. Не видите? Прокладка там нужна. Ну работники,— он взглянул на Валиева.— Пусть погружают?

— Конечно,— кивнул Валиев.— Такси у входа.

— Давай,— скомандовал завсекцией.

Рабочие понесли ящики к выходу.

— Пластинки не забыл?— обратился к заведующему Валиев.

— Как можно,— улыбнулся тот, показал на один из ящиков.— Полный комплект: «Бони М», Руссос, Смоки. Все, как вы просили, Усманжон-ака.

— Где у тебя телефон?

— Пожалуйста.

Заведующий провел Валиева в свой маленький кабинет, где у него стоял новенький югославский аппарат.

— Звоните сколько угодно.

Валиев начал набирать номер. Послышались гудки, потом на другом конце сняли трубку.

— Алло!

— Алло, Флора. Здравствуй, это папа звонит.

— Здравствуйте, папа,— после паузы отозвалась Флора.

— Мурат дома? Он мне нужен на минуту. Позови брата, дочка.

Снова пауза.

— Папа, а почему вы всегда только Мурата спрашиваете?

— Я?.. Алло, Флора! Подожди.

Валиев, растерявшись, оглянулся на заведующего секцией. Почувствовав его состояние, заведующий вышел из кабинета.

— Флора.

— Я вас слушаю, папа.

— Ты понимаешь...

Действительно, почему он всегда говорит только с Муратом, почему?.. Нет, это чушь какая-то! Ведь он не раз спрашивал у сына, как там сестра, не нуждается ли в чем-нибудь.

— Я все понимаю,— нарушила затянувшуюся паузу Флора.— Сейчас я позову вам Мурата.

— Алло, подожди, Флора! Алло...

Но на другом конце уже не ответили, и он слышал, как Флора крикнула брата, позвала его к телефону.

— Алло, папа, здравствуй.

— Здравствуй, Мурат.

Валиев слышал прерывистое дыхание сына.

- Бежал, что ли?
 - Да так. Я во дворе был.
 - Как дела?
 - Все нормально,— бодро отозвался Мурат.— Спихнул сессию.
 - И как?
 - Одна тройка,— запнулся Мурат.— По английскому.
 - Что же это ты?
 - Да не получается у меня с иностраным,— начал оправдываться Мурат. — Запас словарный у меня маленький.
 - Пополнить нужно, сынок.
 - Сам понимаю,— вздохнул Мурат на другом конце провода. — Теперь уж мать меня в Москву точно непустит.
 - Посмотрим еще,— засмеялся Валиев.— Надеюсь, тройку ты в следующем году исправишь. Обещаешь?
 - Постараюсь, папа.
 - Тогда вот что, выйди на улицу. Там к дому сейчас такси подойдет. Я послал тебе кое-что. Понял меня?
 - Понял, папа! Пойти?
 - Давай, я еще позвоню потом.
- В трубке раздались короткие гудки. Валиев подождал секунду, улыбнулся, положил трубку на место.
- Сколько ей сейчас?— вслух спросил себя он.— Забыл! Фу ты! Отец называется!
 - Он быстро вышел из кабинета.

12

В приемной первого секретаря горкома партии сидели несколько человек.

— У Сафарова кто-то есть?— подошел к секретарше полный, страдающий отдышкой мужчина.

— Он занят, Ибрагим Гафурович.

Мужчина вздохнул, посмотрел на дверь, сел на свободный стул.

— Значит, договорились?

Сафаров проводил Сайдаматову до двери, пожал тонкие пальцы.

— Не думайте превратно, Ганиджан-ака, я очень рада этому назначению.

— Рада не рада, а помочь надо,— сказал Сафаров, глядя ей в глаза.— Сколько сейчас твоему Мурату стукнуло? Лет шестнадцать, наверное?

Сайдаматова улыбнулась, покачала головой.

— Или больше?— удивился Сафаров.

— Больше, на второй курс перешел уже.

— Ты смотри!— воскликнул Сафаров.— Второй курс... Жених совсем, а я и не заметил.

— Я пойду, Ганиджан-ака. У вас в приемной уже заждались, наверное.

Она открыла дверь. Сафаров вышел за ней в приемную.

— Трудно будет — приходи без всяких. Помни всегда, за тобой партия. Ты комиссар, полпред наш, а комиссар всегда там, где трудно.

Когда Сайдаматова переходила улицу, за спиной она услышала визг тормозов легковой автомашины.

— Фатима!

Она оглянулась. Из-за приспущенного стекла «Жигулей» на нее смотрел Валиев.

— Здравствуй.— Он открыл дверцу и подошел к ней, протянул руку.

— Здравствуй. — Она будто не заметила его руки.

Валиев покраснел, опустил руку, нервно сжимая и разжимая пальцы.

— У Сафарова была?— он мотнул головой на здание горкома партии.

— У Сафарова.— Сайдаматова помолчала, потом спросила:— Тебе что-нибудь нужно от меня?

— Ничего.

— Тогда я пойду, прости. Мне некогда.

— Стой, Фатима. Я подвезу.

Сайдаматова пожала плечами, пошла к машине.

— Куда тебе?

Валиев включил зажигание, и через минуту они уже мчались по широкой тенистой улице.

— К горотделу милиции.

Сайдаматова опустила стекло, подставила лицо упругому теплomu потоку.

— Я совсем забыл,— повернул голову Валиев.— Тебя можно поздравить с возвращением на старую работу?

Сайдаматова поймала его скрытую ухмылку, сдвинула брови.

— Спасибо.

— Это благодарность за твою честную службу?

— Я сама подала заявление о переводе.

— Понятно,— кивнул Валиев.— Знаешь, ведь эта улица когда-то называлась Дворянской. При Скобелеве.

— Знаю. Это ты мне уже говорил. Двадцать лет назад.

— Неужели? — Валиев смущенно засмеялся, коротко глянул на Сайдаматову: — Запомнила же.

— Я многое запомнила,— спокойно ответила Сайдаматова.

— Ах, Фатима,— покачал он головой.— Ты все такая же.

Сайдаматова не ответила, смотрела вперед на несущиеся мимо вековые чинары, изредка встречающиеся акации. Автоматически отметила, что в городе почти совсем не осталось акаций. А ведь лет двадцать пять—тридцать назад нельзя было представить себе весну без нежных цветов этих красивых деревьев, без душистого аромата, который заполнял тенистые ровные улицы. Вспомнила недовольные возражения некоторых чиновников, которые воспротивились против новых насаждений акаций:

— Красота красотой, а от мошкеры в мае спасения не будет.

И многие согласились с этими доводами, а в результате исчез тот неповторимый, изначальный вид старых улиц, их весенняя нарядность. Даже тополя перестали сажать, потому что они якобы недолговечны. И как объяснить этим людям, поклонникам деревьев-долгожителей, что красоту нельзя мерить полезностью или бесполезностью, что те, кто строил город, засаживая улицы акациями и тополями, тоже думали о чем-то. А может, тот кто засадил парк диковинными деревьями, которые раньше не росли в этих местах, был просто поэтом?

Сайдаматова вздохнула. Как не хватает поэзии в сегодняшних деловых людях, в тех, кто занимается градостроительством, озеленением...

— В тебе много жестокости, а нужно быть добрее к людям, к их слабостям,— говорил Валиев, останавливая машину напротив старенького здания горотдела милиции. — Тогда ты могла бы избежать многих неприятностей.

Сайдаматова удивленно взглянула на своего бывшего мужа. Молча открыла дверцу.

— Фатима, я хотел попросить тебя...

— Ну вот, — она снисходительно улыбнулась, взглянула в глаза Валиеву. — Я же говорила, что ты без причины не появляешься.

— Ничего ты не поняла! — в сердцах вздохнул Валиев. — Тоже мне — Шерлок Холмс.

Он замолчал.

— Я слушаю, — спокойно сказала Сайдаматова. — Или... могу быть свободной?

— Отпусти Мурата в Москву.

— Как это? — не поняла она.

— Парень мечтает в столице побывать, в театры походить. Сессию он сдал нормально, неужели нельзя приятное ему сделать?

— Нет! — Сайдаматова вылезла из машины, захлопнула дверь. — Спасибо, что довез.

— Фатима...

— До свидания.

Она ушла, а Валиев смотрел ей вслед: как она переходит улицу, как поднимается на крыльцо, открывает дверь...

Он ее ненавидел в эту минуту. Почему в эту? Он всегда ее ненавидел. И всегда любил. Любил смотреть, когда она шла ему навстречу. Вот она от киоска, где покупала газеты, переходит улицу. Он отходит в тень, за будку телефона-автомата, чтобы она не сразу увидела его. Она не предполагает встретить его сейчас, потому что несколько дней назад он уехал в Ташкент и должен приехать только завтра. Но он приехал, сделал быстро все дела и приехал, потому что знал: она его ждет.

Он смотрит, как она медленно идет по улице, останавливается, чтобы пропустить какую-то машину. Глаза ее рассеянно блуждают по сторонам. Ему кажется, что она увидела его. Он чувствует, как в груди разливается что-то горячее, подается вперед, но она так же равнодушно отводит взгляд.

— Фатима.

Она резко оборачивается на зов. Удивление сменяется такой безудержной радостью, что он не выдерживает, смеется, идет к ней навстречу. И она словно бы расцветает, протягивает к нему руки...

— Усманжон, привет.

К открытому окошку склоняется знакомый лейтенант.

- Привет,— изображает улыбку Валиев.
- Подбросишь до театра?
- Садись.

13

Полковник и не пытался скрыть своей радости. Он ходил по кабинету, потирал довольно руки, говорил, глядя на Сайдаматову:

- Я рад, Фатимахон, очень рад вашему возвращению!
- Я тоже рада.

— Теперь мы с вами такие дела завернем...— Полковник провел ладонью по горлу.— Вот так вы мне нужны были. Когда сказали — честное слово, боялся поверить. Сглазить боялся: вдруг раздумают.

— Не раздумали, как видите,— улыбнулась и Сайдаматова.

— А помните, как мы с вами когда-то работали?

— Только тогда вы были много моложе. И капитаном.

— А вы остались такой же молодой. И красивой.

— Спасибо за комплимент, но я...

— Я никогда не говорю комплименты,— запротестовал полковник.— И вы это хорошо знаете.

— Знаю.

— Чуть не забыл,— коснулся лба полковник.— Разрешите поздравить, Фатимахон, вам присвоено звание майора.

— Все это суета.— Сайдаматова встала.— Разрешите идти?

— Одну минуту. Обратили внимание на перестройку?

— Обратила. Теннисный стол поставили в коридоре.

— Теннисный стол? — полковник нахмурился.

— Я что-то не так сказала?

— Нет, нет. Все правильно. Дельное замечание.

— Я и не думала делать замечание,— запротестовала Сайдаматова. Но полковник уже нажал на кнопку. Дверь открылась, и на пороге возникла секретарша с блокнотом в руке.

— Я приказал убрать теннисный стол во двор, почему до сих пор приказ не выполнен? — И, когда за секретаршей закрылась дверь, недовольно поморщился.

— Разрешите идти? — еще раз спросила Сайдаматова.

— Да, пожалуйста,— кивнул полковник. Но, когда

она подошла к двери, снова окликнул ее:— Фатима Кадьровна, подождите.

Сайдаматова вопросительно посмотрела на полковника. Тот смущенно сказал:

— Ради бога, не думайте, что это я специально, но... так получилось. Людей мало. Кто в отпуске, кто сразу после университета...

Сайдаматова молча ждала.

— Короче, будете работать со следователем прокуратуры над делом Алимова. Некому больше, а у вас опыт...

14

Душный спертый воздух в камере не давал уснуть. Джафар лежал на спине, заложив руки за голову, и смотрел в желтый, обкуренный махорочным дымом потолок.

За столом стучали костяшками доминошники. Водяной — нестоимый выдумщик и рассказчик — как всегда, рассказывал что-то интересное. Попал он в камеру всего три дня назад, но сразу стал своим, будто жил в ней по меньшей мере полгода. Даже хмурый Рашид позволял ему подшучивать над собой.

— Читал я в какой-то книге, что в Рио-де-Жанейро полиция выдрессировала удава. Представляете, — лукаво говорил он, — заходишь на допрос, а тебя встречает удав, и сидит он не где-нибудь, а в кресле следователя.

— Опять врешь? — не выдерживал Рябов.

С приходом Водяного он оказался как бы в тени и потому старался всячески опровергнуть рассказы новичка.

Водяной будто и не слышал.

— Понятно, все раскалываются, — продолжал он.

— Что же, — коварно улыбнулся Рябов, чувствуя, что пришел час его торжества, — полицейские его и говорить научили?

— Кого? — не понял Водяной.

— Удава твоего.

Водяной несколько секунд удивленно смотрел на Рябова, пожал плечами.

— Дурак ты, Рябов, или только притворяешься?

— Что ты сказал? — вскочил Рябов. Губа его задергалась, глаза налились кровью. — Да я тебя...

— А если я тебе сейчас в торец, а? — спокойно отрезвил его Рашид. — Чего к человеку цепляешься? Трогает эя тебя?

Рябов буркнул себе под нос что-то грубое, сел.

— Встать! — неожиданно рявкнул Рашид.

Джафар чуть повернул голову и посмотрел на Рябова, который вскочил и замер, вытянувшись перед Рашидом. Тот тяжело и прерывисто дышал, уставившись на Рябова налившимися кровью глазами.

Все молчали. Первым заговорил перепуганный Рябов:

— Ты что, Рашид, шуток не понимаешь? Я же просто так, пошутил. Брось ты злиться...

— Садись, — наконец разрешил Рашид. — И чтобы без выступлений. Не мешай, когда человек говорит, понял?

— Понял, Рашид, — быстро согласился Рябов, боясь даже посмотреть в сторону Водяного. — Я все понял, чей ход? Мой, да?

— Убери руки, — снова повысил голос Рашид. — Ходи, Водяной, твоя очередь.

Джафар улыбнулся, скользнув взглядом по лицу Рашида. Он уже успел изучить нрав этого парня, который, несмотря на свой огромный рост и свирепый вид, обладал удивительно мягким характером. Видно, здорово его Рябов допек, если Рашид сорвался.

Характер мягкий, а вот ведь здесь Рашид почему-то. Значит, натворил что-то неположенное. Если верить ему, то влип он совершенно случайно, можно сказать — ни за что. Шел по улице, к нему пристали. Вернее, пристали к девушке, которая шла впереди него. Рашид заступился, врезал кому-то. Девушка убежала, а у того, кому он врезал, оказалась сломана челюсть. И вот он здесь.

Джафар вздохнул, поймав себя на мысли, что и верит и не верит в рассказ Рашида. В тюрьме мало кто говорит правду. Нет, не то он хотел сказать. Говорят правду, говорят, только не всю. Правда как бы приобретает ту окраску, которая выгодна для рассказчика. Всегда выходит, что грех есть за каждым, но по-настоящему виноваты те, кто остался там, за зарешеченным окошком, на воле. Вот и у него, Джафара, тоже так. Чует, что не убивал, но теперь, конечно, вся вина падает на него, потому что он в следственном изоляторе, потому что там, на воле, легче подтасовать факты и выставить виновным именно его.

Странно, время здесь как будто останавливается, стираются границы между часами, минутами. Открыл глаза — утро, закрыл, снова открыл — ночь. Никогда раньше не думал, что может молчать так долго. В детстве, играя с товарищами в молчанку, больше минуты не выдерживал,

хоть пробовал даже завязывать себе рот. А тут даже слово произнести сил нет — пустота внутри и какое-то отупение. Только почему-то вспоминаешь дом, ходишь мысленно по улицам. Лица вспоминаешь товарищей, себя рядом с ними, слышишь свой голос, только слов не разоб- рать. Хотя, что разбирать, слова ведь в нем самом, он прекрасно принимает, что говорит его душа...

Джафар почувствовал, что ему не хватает воздуха, повернулся на бок, лицом к стене.

Скорей бы суд, что ли. Сколько же можно тянуть, хоть разбежись — и головой об стену... Он представил себе эту картину, представил последствия и поежился от холодного озноба. Даже почувствовал боль в верхней части черепа.

Странно, и жить как будто не хочется, и умереть страшно. Почему человек постоянно как бы раздваивается, почему ему так трудно выбрать что-то одно? Выбрать и... сделать. Всего три месяца, как он попал сюда, в эту камеру, а кажется, прошел по меньшей мере год. За эти месяцы полкамеры сменилось, кого увели на суд, а после суда они попадают в другие камеры, к осужденным, кого просто перевели в другое место. После них пришли другие. И так три месяца. Три месяца! А что еще впереди...

Джафар закусил подушку, чтобы не застонать. Вспомнились слова Водяного: «Чего боишься, парень? В колонии тоже жить можно, только не раскисай».

«Тебе-то что, обворовал квартиру. За это года два, от силы три получишь, а я... десять лет, понимаешь? Десять!»

«Обворовал, это ты точно, — засмеялся тогда Водяной. — Только ты упускаешь один важный факт, что ходка у меня эта не первая, а по новым законам — это уже рецидив. И мне теперь светит минимум шесть лет. Да ты не хандри, отбудем по три-четыре года, и выпустят».

«Как выпустят?!»

«Условно. На стройку куда-нибудь, или еще что. Работы на наш век хватит, а это тебе не колония. Девочки, вино — короче, почти воля. Единственно неприятная вещь — комендант, ну да с этим мириться можно. Особенно, если мужик нормальный попадется...»

Громкий лязг открываемого запора заставил Джафара поднять голову.

— Алимов, без вещей.

— Джафар, — окликнул его Водяной. Стукнул костяшками. — Проехал.

Джафар вышел в коридор, подождал, пока контролер закроет дверь. Прошли по коридору. Яркий свет ослепил

глаза. Джафар зажмурился, задержался на несколько секунд, потом медленно двинулся вперед.

Солнце. Как много на улице солнца. И почему он раньше не замечал этого? Он жадно втянул в себя горячий воздух, подставил ласковым лучам истосковавшееся по ним лицо. О боже! Как бы он хотел сейчас вырваться отсюда! На день, на час, на одну минуту. Просто едохнуть воздух за этими каменными стенами. Или взвиться вверх, в небо! На несколько секунд, мгновений! А потом можно и вниз. Хоть камнем...

— Зря вы это затеяли. Ни к чему.

Джафар отвел взгляд, вынул из кармана полупустую пачку «Дымка», закурил, глубоко затянулся.

Сайдаматова терпеливо ждала, давая ему возможность высказаться.

— Ведь передали уже однажды в суд, я подписал все бумаги,— говорил Джафар, не глядя на Сайдаматову.— Признался во всем. Зачем тянуть, мучить и себя, и меня?

— Положим, следователь лучше знает, когда и что делать,— сказала Сайдаматова, листая записную книжку.

— Но я тоже живой человек! — зло проговорил Джафар.— Сколько же можно таскать по допросам.

— Вы так торопитесь быстрее попасть в колонию?

— Куда угодно,— выдохнул Джафар, ломая сигарету.— В колонию, под расстрел, куда угодно, только побыстрее.

— Что же делать,— задумчиво сказала Сайдаматова, поправляя чистые листы бумаги перед собой.— Мы не можем спешить, работа такая.

15

— Женщина, передайте, пожалуйста, билет.

Сайдаматова невидяще смотрела в окно, держась рукой за поручень автобуса.

— Женщина, я вас прошу!

— Простите,— виновато взглянула Сайдаматова на пожилого мужчину, взяла у стоящего впереди пассажира билет и передала.

— Здесь автобус,— ворчал мужчина.— Мечтать дома нужно.

— Ну чего к человеку пристал, старый? — одернула

его женщина.— Подали билет, так он еще и возмущается. Не нравится, в такси садись.

— А вы мне не указывайте,— начал возмущаться мужчина. — На чем хочу, на том и езжу, имею право...

Автобус затормозил, водитель объявил остановку. Сознание Сайдаматовой автоматически это отметило, и она вышла из автобуса.

«...Ничего я не помню,— все слышится ей надрывный голос Алимова.— Я уже столько раз отвечал на эти вопросы, что, кажется, с ума сойду, если так пойдет и дальше. Ну что вам еще надо подписать? Давайте, где ваши бумаги?.. Я убил Тимура! Его нет, нет его! Судите меня... При чем здесь Чарьев? Его вообще не было, когда это случилось!»

«Как же вы можете утверждать, что его не было, если не помните, как произошло убийство?»

Лицо Джафара дергается в мучительных конвульсиях. Он пробует что-то ответить, но Сайдамадова не дает ему сосредоточиться.

«Если бы Чарьев поссорился с Тимуром, вы бы оставили их вдвоем и ушли?»

«При чем здесь это?»

«Вы не ответили на мой вопрос».

«Конечно, не оставил бы».

«А Чарьев спокойно ушел, хотя между вами было нечто похожее на ссору?»

«Но... он пошел проводить Лиду...»

«Вы помните, как ушла Лида?»

«Ну, как вам сказать... наверное, помню».

«Почему — наверное? Она ушла первой? Она попрощалась с вами?»

«Прощалась? При чем здесь, попрощалась или нет! Зачем вы меня мучаете?»

«Что вы помнили, когда пришли в себя?»

«Ничего я не помню. Все. Судите меня! Я не хочу, я ничего не хочу вспоминать!»

16

Сайдамадова открыла дверь. Из комнаты Мурата доносилась громкая музыка. Она прошла к себе, вернулась, открыла дверь в комнату сына. Он не слышал ее, сидел перед проигрывателем, раскачиваясь из стороны в сторону в такт музыке.

— Мурат, сделай потише.

Только когда она несколько раз повторила это, он, наконец, обернулся, улыбнулся. Быстро убавил звук.

— Я не слышал, как ты пришла,— он поднялся и подошел к матери.— Хорошая музыка?

— Ты был в больнице у сестры? — глаза ее бессознательно отметили дорожную аппаратуру, которой раньше не было.

— Был. Доктор просил тебя зайти к нему.

— Хорошо, — кивнула Сайдаматова, повернулась, чтобы уйти, но вдруг резко обратилась к сыну: — Откуда у тебя это?

— Что? — Мурат посмотрел туда, куда смотрела она. Засмеялся.— Ты об аппаратуре?

Сайдаматова ждала.

— Папа подарил.

— Подарил? — удивилась она.— В честь чего он вдруг сделал такой подарок?

— Не знаю,— пожал плечами Мурат.— А разве обязательно нужно дарить в честь чего-то? Он мой отец, потому и дарит. Разве он не имеет на это права, мама?

Сайдаматова несколько секунд смотрела в глаза сыну.

— Имеет,— она устало вздохнула.— На все он имеет права, только вот...

— Что, мама?

— Ничего, сынок. Не поймешь ты все равно.

Она повернулась и ушла. Мурат подошел к проигрывателю, посмотрел на дверь.

— Не поймешь! Много тут надо понимать!..

Он снова включил проигрыватель на полную громкость.

Закутавшись в большой пуховый платок, Сайдаматова сидела на диване. Из-за плотно прикрытой двери едва слышно доносилась музыка.

Ах, Мурат, Мурат!

Что же происходит с ним и с ней? За последний год он как-то вдруг очень изменился, исчезла мягкая податливость в глазах. А может, повзрослел? Девятнадцать лет, а она по-прежнему обращается с ним так, как будто он маленький, и, кажется, сама не замечает, что ломает его, пытается подчинить.

«Кому-то надо уступать,— вспомнила она слова Усманжона, когда они только-только поженились.— И это, видимо, придется делать мне».

«Почему?» — искренне удивилась она.

«Потому что ты не из тех, кто уступает», — серьезно ответил он.

«Почему же ты женился на мне?» — засмеялась она.

«Потому что люблю, — сказал он грустно. — Ведь мы с тобой одно целое. Но это я, твой муж, а ведь тебя окружают люди, которых ты, не замечая, можешь когда-нибудь обидеть...»

«Ты мой муж, мой единственный, неповторимый!» — прижалась к нему она, не пытаясь ничего дальше выяснить. Прижалась и тут же забыла о разговоре.

Думала, что забыла. Оказывается — нет, даже время бессильно перед человеческой памятью. «Останешься одна...» Неужели он был прав, и ей суждено когда-нибудь остаться совсем одной? Даже дети, родные дети покинут ее?

Нет, жизнь не может так сурово поступить с ней. Не может.

И снова память перебросила ее через годы в прошлое, в тот день, когда она впервые увидела Усманжона. Открытое комсомольское собрание университета шло уже более двух часов, но никто этого не замечал. Секретарь комитета комсомола стучал по столу, призывая собравшихся к порядку. Напрасно — никто не обращал на него внимания. Каждый старался крикнуть что-то с места, доказать свое.

Секретарь склонился к одному из членов президиума, что-то сказал ему. Тот оглядел зал и кивнул.

— Кто это? — спросила Фатима подружку, которая здесь всех знала.

— Этот? — поймала та взгляд Фатимы, обращенный к президиуму. — Понравился?.. Валиев Усманжон, Учится на технологическом, за ним столько девчат убиваются, — она засмеялась. — Вот и ты попалась!

— Нужен он мне! — отозвалась Фатима, хотя почувствовала, как сильно забилося сердце.

— Слово предоставляется члену комитета комсомола университета Усманжону Валиеву, — объявил секретарь.

Стало тихо. Валиева знали хорошо, часто видели на городских и областных соревнованиях по боксу. Его уважали — и за силу, которой он никогда не кичился, и за мягкий характер.

— Вы слышали отца девушки, — заговорил Валиев. —

Посмотрите на него еще раз. Вот он, перед вами, ему стыдно поднять глаза и посмотреть в зал, где сидят по-други и друзья его дочери. Стыдно за нее, за ту, которой он дал жизнь, стыдно за себя. И я понимаю его. Он столько лет растил ее, привел в университет, надеялся, что придет день, когда она станет самостоятельной и сможет в какой-то мере отплатить за все хорошее своим родителям. Я спрашивал отца, она старшая в семье, первая в их роду, кто смог поступить в университет. Он болел вместе с ней, когда она сдавала экзамены, радовался удачам дочери, отрывал от себя кусок, чтобы она могла спокойно учиться, не думая ни о чем. Она была примером для своих сестреноч, которых после нее еще семеро.

— Ближе к делу!

— Чего ты тянешь?!

— Не мешайте человеку говорить,— зашикали на тех, кто торопил его своими выкриками. — Давай, Усманжон! Не обращай внимания!

— А теперь посмотрите на него,— он обернулся и ткнул пальцем на парня, который сидел слева от президнума, в углу сцены, на которой стояли столы.— Встань, Ачилов! Пусть на тебя посмотрят товарищи.

Парень встал, беспомощно шевеля губами, как будто собирался что-то сказать в свое оправдание, снова опустил голову.

— Он опозорил отца, его седины, разбил сердце старого человека!

— А что теперь будет с ней?! — раздался девичий голос из зала.

— Выгнать из университета, и дело с концом! — крикнул кто-то.

— Кого выгнать?!

— За что?!

— Ачилова выгнать! Чтобы думал в другой раз!

— И он не только опозорил семью девушки, ее опозорил,— говорил Валиев.— Он опозорил университет, всех преподавателей, которые учили его, комсомольскую организацию, в которой стоял на учете. Он нас всех опозорил.

— Что ты предлагаешь, Усманжон?

— Что я предлагаю?

Он оглядел зал, напряженные лица товарищей следили за ним.

— Будь моя воля, я бы...— он сжал пальцы в кулак.

В зале раздался смех.

— Плохо было бы Ачилову!

— Голову ему бы свернул, поступи он так с моей сестренкой! — выдохнул наконец Валиев.

— А что он сам на это скажет?!

— Да, пусть ответит, как докатился до этого!

— Скажи, Ачилов,— обратился к парню секретарь комитета комсомола,— как ты, комсомолец, без пяти минут преподаватель литературы, мог пойти на подобный поступок? Где ты научился такому?

Ачилов униженно молчал.

Валиев тем временем вернулся на свое место.

— Учитель! Чему он детей будет учить? — поднял голову отец девушки.— Воровать девушек?

— Как ты мог увести ее без разрешения родителей?— продолжал изумляться секретарь.— Неужели ты не понимал, что за это судить можно?

— Так ведь я ее люблю.

— Любишь — тогда женись,— не выдержал Валиев.

Секретарь поднял руку, призывая к вниманию, взял со стола листок с решением бюро комитета комсомола.

— Бюро комитета комсомола университета выносит на утверждение открытого комсомольского собрания следующее предложение: за недостойное поведение, за похищение Каримовой Мухаббат без разрешения родителей...

— Где это видано, чтобы спрашивать у родителей, можно украсть дочь или нет? — засмеялись в зале.

— За прогул занятий без уважительной причины, за нежелание объяснить свой недостойный комсомолец поступок Ачилова Раима, студента третьего курса филологического факультета, исключить из комсомола и поставить перед ректоратом вопрос об отчислении его из университета без права восстановления в будущем.

— Правильно!

— Слишком строго!

— Итак, ставлю на голосование. Кто за то, чтобы...

— Прошу слова,— вдруг крикнула Сайдаматова, перебивая секретаря.

— Кто хочет слова? — секретарь встретился с ней взглядом, оглянулся на президиум.— Может быть, хватит, товарищи? Который час сидим.

— Я хочу сказать,— упрямо возразила Фатима и пошла вперед.— Почему это хватит?

Она быстро взбежала на сцену, на ходу поправляя легкое ситцевое платье, остановилась, посмотрела в зал.

— Что здесь происходит, товарищи комсомольцы?!

— Представься сперва, — остановил ее секретарь. — Фамилия, имя. Какой факультет, курс.

— Сайдаматова моя фамилия, — прерывающимся голо-
сом сказала она. — Фатима. Я учусь на первом курсе. На
юридическом.

— Вот вам и адвокат! — улыбнулся секретарь, пыта-
ясь обратить все в шутку.

— Я не адвокат, — покраснела Фатима, но тут же по-
правилась: — А хотя бы и так. Пусть адвокат — ничего
в этом плохого нет.

— Говори, Фатима, выдай ему!

— Вы знаете... у нас в детском доме так не поступа-
ли. Как вы можете взять и так легко проголосовать за
исключение из университета, товарищи! Ведь они любят
друг друга.

— Это не постановка вопроса, — начал было секретарь,
но на него зашикали со всех сторон:

— Не мешай!

— Пусть говорит!

— У нас свобода слова!

— Пусть говорит, — попросил секретаря и Усманжон,
с любопытством рассматривая Сайдаматову.

— Это не постановка вопроса! — усмехнулась Фати-
ма, пристально смотря на секретаря. — А в чем тогда по-
становка вопроса? В том, чтобы побыстрее исключить из
университета человека, сломать ему жизнь, растоптать
самое прекрасное на земле — любовь? Это постановка
вопроса?

— Вот привязалась! — шепнул секретарь Усманжону.

— Хорошо говорит, — улыбнулся тот.

— Неужели же можно за любовь исключать? Нет, до-
рогой товарищ секретарь, не выйдет! Я сейчас видела
Мухаббат, она стоит здесь, за дверью. Плачет. Говорит:
он не воровал ее, она сама решила сбежать из дома,
потому что отец и слышать не захотел о ее любимом, у
него, оказывается, уже есть на примете жених, за кото-
рого он хочет ее выдать. Что ж им оставалось?

— Бежать! — крикнул кто-то.

— Вот они и бежали, — заключила Фатима. — Что ж,
теперь исключать за это? А Мухаббат говорит: если его
исключат, она все равно уйдет вместе с ним. И правиль-
но сделает, потому что любит его, потому что иначе это
будет предательство по отношению к нему.

— Правильно, не решишь она сама на побег, никто
бы ее не смог заставить! — опять донеслось из зала.

— Так я должен был согласиться? — поднял голову отец девушки.— Отдать ее в жены неизвестно кому! Где тогда уважение к родителям?

— Вот, вы сами слышали,— показала Сайдаматова на аудиторию.— Правильно они сделали.

— Правильно!

— Молодец, Сайдаматова, — поднялся какой-то парень.— Мы на курсе тоже так думаем. И даже деньги им собрали, кто сколько мог.

— Тогда и нас надо исключать из университета,— раздался тонкий девичий голосок.

— Снимай вопрос. секретарь! — то тут, то там прозвучали несколько голосов. То же самое повторил и Валиев.

Сайдаматова услышала его голос, обернулась. Глаза их встретились. Усманжон кивнул ей, улыбнулся. Фатима почувствовала, как лицо ее запылало. Она быстро отвернулась.

— Их женить надо!

— Свадьбу комсомольскую!

Сайдаматова быстро сбежала со сцены, желая затеяться в толпе, но она вдруг расступилась. Фатиме хлопнули, будто она совершила что-то необычное...

17

— Неужели ты с ней поговорить не можешь как следует?

— Пробовал, Рахмат-ака,— ответил Валиев, угрюмо глядя на Пулатова.

— Значит, плохо пробовал.

— Не такой она человек, чтобы откликаться на мои просьбы,— вздохнул Усманжон, вспоминая выражение лица Сайдаматовой.

— И принесла же ее нечистая на нашу голову! — Пулатов задумался. Плохо, очень плохо было дело. Вообще последние годы дела его шли все хуже и хуже. Будто петлю какую-то невидимую накинули ему на горло и постепенно начали затягивать узел — все туже и туже. Что-то в мире происходило. Зашевелились деловые люди, забеспокоились. Статьи в газетах, слишком их много стало. Призывают прямо-таки сражаться с такими, как Пулатов. Да ведь на таких, как он, жизнь стоит!

Нет, что-то он все-таки упустил. Упустил или не понял.

— Придется тебе еще раз с ней поговорить.

— Рахмат-ака... — запротестовал было Валиев, но Пулатов не слушал его.

— Придется, — повторил он. — Объясни: неужели не хочется ей спокойной жизни?

— Не хочется, — покачал головой Усманжон. — Иначе я бы с ней не разошелся.

— Разошелся бы, — махнул рукой Пулатов. — С такой, как она, нельзя жить под одной крышей. Это правда.

— Сами же понимаете, — обрадовался Валиев, — а просите поговорить.

— Потому и прошу, что понимаю, — твердо сказал Пулатов. — Ты с сыном водишься?

— Конечно.

— Вот через него и попробовал бы, может быть... Как считаешь?

— Не хочу его вмешивать, — насупился Усманжон.

— Ну, как знаешь. А поговорить все же попробуй. Не хочется идти на крайние меры.

Усманжон вскинул вопросительно глаза, но промолчал.

А сам подумал, что и пробовать-то нечего. И как Пулатов этого не понимает! Заладил одно и то же: «Попробуй, делать что-то надо, если хочешь спать спокойно».

Как же, спишишь теперь спокойно!

Разве думал он тогда, когда пришел искать Фатиму на юридический факультет, когда задавал себе вопрос: почему он это делает, что заставляет его ходить по длинному узкому коридору, заглядывать в аудитории, встречать удивленные взгляды? — разве он мог тогда думать, что это какое-то проклятие, рок гонит его на свидание с девушкой, которая станет для него бичом, камнем преткновения на дороге жизни.

— Сайдаматова? Так она, кажется, в больнице.

— Что с ней? — ухнуло у него в груди. И чего он тогда испугался, непонятно. Мало ли почему человек оказывается в больнице, но он почувствовал, как тревожно забилось сердце.

— Что я, муж ей? Простыла вроде. Да что с ней случится — поправится в два счета.

— Учишься на одном курсе и не знаешь, что с товарищем, — в голосе Валиева звучало нескрываемое раздражение.

— Тоже воспитатель нашелся! Нужна мне больно эта...

Здоровенный детина с редкими зубами договорить не успел. Мощным ударом Валиев свалил его с ног. Ох и досталось же ему, члену комитета комсомола университета, тогда. Он и сам не мог объяснить, как вышло так, что не сдержался. Но, кажется, поняли, разобрались, и, ограничившись устным выговором, отпустили. Конечно же, Фатима быстро узнала о случившемся.

— Зачем вы это сделали? — спросила она с удивлением, увидев его у себя в палате.

— Не знаю,— признался он, отводя взгляд.

Черные густые волосы Фатимы разметались на белой подушке, огромные глаза смотрели на него испытующе, недоуменно, и в то же время было в них, где-то там, глубоко, нечто такое, что притягивает, обещает, заставляет совершить необдуманное, необъяснимое.

— Чисто у вас тут,— сказал он, чтобы как-то переменить тему разговора.

— В больнице и должно быть чисто.

— Не люблю я таких,— не выдержал он.— Ведь вы на одном курсе учиться.

— А вы знаете все о своих однокурсниках?

— Не обо всех, конечно, но... кто в больницу попадает — знаю. Я же комсорг на своем курсе.

— А тот, кого вы ударили, не комсорг,— улыбнулась Фатима. И глаза ее неожиданно засветились каким-то лукавым огнем.— Наверное, если бы он сказал при мне так с кем-нибудь...

Валиев быстро глянул ей в глаза.

— И что же вы сделали бы?

— То же самое! — и она засмеялась, увидев, как он облегченно вздохнул.

18

— Однажды Тимур пришел с работы расстроенный, потерянный...— тихо говорила Газиева.

На ней было черное траурное платье. Из-под черной косынки выбивались редкие, источенные временем и седой волосы. Сайдаматова налила в пиалу холодный чай, поставила перед Газиевой.

— Не могу поверить, что Тимура нет,— глаза матери наполнились слезами.— Зачем мне теперь жить? Сначала муж, теперь вот...

Женщина заплакала, не стыдясь своих слез, которые медленно скатывались по морщинистому лицу.

— Вы не поинтересовались тогда, что с ним? Почему он расстроен, чем?

— Спросила, но он не захотел мне рассказывать. Только улыбнулся грустно. Он вообще последнее время ходил какой-то грустный. Чувствовала, с ним происходит что-то, чувствовала, а спросить не решалась. Привыкла я: он всегда сам все расскажет. Думала, как раньше, придет время, и признается.

— Но вы же догадывались, наверное,— неприятности на работе или другое?

— На работе! Будь проклята эта работа! — покачала она головой.— Догадывалась, конечно. Он изменился, когда у него появились деньги.

— Деньги?

— Я думала — зарплата, премиальные за перевыполнение плана. И он тоже сначала говорил так, но потом...

Она замолчала, задумалась.

— Потом? — прервала Сайдаматова затянувшуюся паузу.— Вы спросили, откуда у него деньги?

— Он ответил, что все это получает за работу. И лицо у него в ту минуту было злое, никогда раньше таким не видела... Мама, говорит, трать, пожалуйста, деньги и ничего не спрашивай. А потом эта недостача...

— У него была недостача?

— Две тысячи,— опустила голову Газиева.

— Он истратил государственные деньги? — Сайдаматова не сдержала своего удивления.

— В том-то и дело, что не брал он никаких денег из кассы, он клялся мне,— покачала головой Газиева.— Он сам не понимал, откуда эта недостача. Две тысячи, я даже не знала, где взять такие деньги.

— И что же сделал Тимур?

— Товарищи на работе помогли. Заплатили за него.

— Просто так взяли и помогли?

— Тимур обещал выплатить с зарплаты, с каждой зарплаты отдавать, но Адылжан отказался.

— Чарьев? — Сайдаматова задумалась.

— Никогда не прощу себе, ведь чувствовала, — корила себя в бессильном гневе женщина.— Не будет добра на этой работе...

— Вы думаете — между его работой и убийством есть связь?

— Они в тот вечер были вместе. Тимур говорил, что у него серьезный разговор с Адылжаном. Что он уйдет с работы после этого разговора.

Сайдаматова быстро перелистала дело Газиева, подняла голову.

— А что это был за разговор, вы не пытались узнать у Чарыева?

— Пыталась... Потом, когда он принес деньги на похороны, его зарплату и еще что-то.

— Он объяснил, какой был разговор?

— Нет.

— Нет?

— Он сказал, что не понимает меня. Тимур ничего не говорил ему о том, что хочет уйти с работы. И зачем, мол, ему уходить, когда с растратой улажено, он хорошо зарабатывал.

— А следовательно вы говорили об этом?

— Он сказал, что к убийству это не имеет никакого отношения...

— Ну, знаете, Фатима Кадыровна!..

Лицо Холматова покрылось красными пятнами.

— Я знаю, а вот вы, товарищ капитан, слишком поспоропились передать дело в суд. На мой взгляд.

— Вот именно, на ваш взгляд!

Сайдаматова оставила выпад незамеченным, перелистала дело, нашла нужную страницу.

— Вы оставили без внимания факт растраты, о котором говорила мать убитого. Почему?

— Мы вели расследование дела об убийстве, а не о хищении,— усмехнулся Холматов.

— Но проверить версию вы были обязаны!

— Какую версию?

Сайдаматова молчала. И Холматов не выдержал:

— Скажите, Фатима Кадыровна, откровенно: почему вы все же вернули дело? Ведь тут все ясно как дважды два, Алимов во всем признался.

— Признался? Или вы подвели его под это признание?

Несколько мгновений они смотрели друг другу в глаза.

— Ну и характер у вас, Фатима Кадыровна. Не знаю даже...

— Вы послали повестку Пулатову?

— Послал. Но послушайте совета, зря вы ломаете копья: люди, которые стараются всегда быть правыми, чаще всего неправы.

— Вы все сказали?

— Это не я сказал...

— Извините, мне нужно работать,— не дала ему договорить Сайдаматова.

Холматов давно ушел, а она все сидела, откинувшись на спинку стула, и смотрела на дверь, за которой скрылась высокая спортивная фигура капитана.

Капитану не было и тридцати лет. Волевой, несмотря на молодость — опытный и талантливый следователь, как представил его Сайдаматовой полковник, видевший в капитане достойную смену. Действительно, Холматова прочили в преемники начальника следственного отдела, а это в перспективе полковничья должность, направление в академию. Действительно, способный следователь, думала Сайдаматова. Шутка ли дело — в двадцать шесть лет получить капитанские погоны, внеочередное звание, за блестяще проведенное дело. Посадил на скамью подсудимых большую группу расхитителей государственного имущества во главе с председателем крупного колхоза. Преступники получили свое, а Холматов — четвертую звездочку. И вот судьба столкнула его с ней, майором Сайдаматовой, а майор Сайдаматова нашла в его действиях явную оплошность и выговорила капитану, как мальчишке. Вряд ли ему это понравится. Ничего, таким, как Холматов, уязвленное самолюбие только на пользу: покипятится и сделают нужные выводы. Он же умный...

Судьба? Что такое судьба? И если она действительно так всемогуща, то что есть тогда человек — это высшее создание природы? Почему человек с годами, по мере взросления, перехода из одного возраста в другой, не становится сильнее,— наоборот, появляется в нем все большая незащитность, будто нет и не было у него прожитых лет, опыта перед жизнью? Он снова учится, учится, учится — иногда жестоко обжигаясь. И так до самого конца, и никто, как в детстве, не может прийти на помощь.

Пулатов неистово крутил диск телефонного аппарата. Номер то срывался, то был занят, то совсем не отвечал. Пулатов ругался про себя и снова, и снова набирал номера. Но Валиева нигде не было.

— Черт знает что такое! Где он бродит?

Пулатов несколько раз нервно прошелся по кабинету, закрыл на замок сейф и быстро вышел.

— Усманжона не видел?

Чарыев покачал головой.

— Нет.

Пулатов махнул рукой, вышел из магазина. На улице его догнал Чарьев.

— Рахмат-ака, посоветуйте, что делать.

— Ну? — Он открыл переднюю дверцу «Жигулей», сел за руль.

— Сайдаматова эта! Уже два раза вызывала.

Пулатов включил зажигание.

— Не знаю, в том-то и дело, что не знаю.

Мотор заурчал, но тут же заглох. Пулатов снова повернул ключ, снова ничего не получилось.

— Открой капот,— приказал он Чарьеву.

Тот метнулся вперед, открыл капот, начал трогать провода.

— Клемму проверь на аккумуляторе.

Машина завелась. Чарьев захлопнул капот, подошел к Пулатову.

— Меня тоже вызвали в милицию! Вот — еду,— Пулатов в сердцах сплюнул на землю.

— Вас, Рахмат-ака? А вы-то при чем? — испуганно произнес Чарьев.

— Не знаю. — Пулатов помолчал, глядя куда-то перед собой.— Наломал ты дров, дурак! — он сердито захлопнул дверцу.— Появится Валиев, скажи — пусть найдет меня. Понял?

— Вы разрешите? — Пулатов показал на графию с водой.

— Пожалуйста,— кивнула Сайдаматова.

Пулатов налил в стакан воды, с видимым удовольствием отпил несколько глотков.

— Нет ничего лучше простой воды. Особенно человек это понимает в пустыне,— сказал он, оставляя стакан.

— Мудро. А вы давно оттуда?

— Откуда? — не понял Пулатов.

— Из пустыни.

— Ну нельзя ж так буквально...

— Верно, нельзя,— согласилась Сайдаматова. — Так на чем мы остановились?

— На Газиеве,— с готовностью подсказал Пулатов.— Покойников не принято ругать, говорить о них плохо, но признаюсь вам честно, я быстро пожалел, что взял его на работу.

— Почему?.. Он плохо работал? Не справлялся с обязанностями?

— Отчего же? — пожал плечами Пулатов. — Работа наша не сказал бы, что очень легкая, но и не тяжелая. Дело свое выполнял. И нравилось оно ему: продавец, раб-стник торговли в наше время человек уважаемый.

— Что верно, то верно, — усмехнулась Сайдаматова.

— Я серьезно, а вы все ищите какой-то тайный смысл в моих словах, — огорчился Пулатов. — Вы же читаете газеты. Где сейчас самые большие конкурсы, в каких институтах?

Сайдаматова не ответила.

— Вот именно, в торговых и пищевых. А почему? Человек лучше жить стал. Запросы его возросли. Мебель импортная, ковры, хрусталь. Я не говорю о хорошей одежде и обуви, это само собой разумеется.

— Вернемся к Газиеву.

— Да, да! — согласился Пулатов. — Дурная привычка: начинаешь рассуждать о всяких проблемах и уходишь в такие дебри... Характер у Газиева был плохой, не мог ужиться он с товарищами по работе.

— Скажите, почему вы не уволили Газиева, когда он сделал растрату?

Пулатов изобразил на лице удивление.

— Какую растрату?

— Две тысячи, — напомнила Сайдаматова. — Которую вы потом покрыли. Не объясните, почему вы это сделали? У вас были основания, если вы только что выражали неудовольствие Газиевым. Если верить вашему признанию, Газиев — неуживчивый работник, и в то же время...

— Ах, вы вот о чем? — перебил ее Пулатов. — Ну, если быть точным, то не две тысячи, а... — Он задумался, наморщил лоб, потер виски. — Одна тысяча девятьсот семьдесят рублей. Удовлетворены?

— И вы его не уволили?

— Зачем? — удивленно воскликнул Пулатов. — Работа такая, с кем не случается? Тем более парень молодой, девушки красивые, одежда, ресторан...

— Он ходил по ресторанам?

— Не могу утверждать, но кто сейчас не ходит по ресторанам. Тем более, когда есть деньги и неистощимый запас молодости?

— Значит, вы покрыли недостачу из своих денег?

— Зачем же из своих? У нас коллектив, товарищество. Чарыев зашел ко мне, так, мол, и так, Рахмат-ака, у парня несчастье. Мы решили помочь, скинуться. Я, конечно, тоже помог. С зарплаты выделил...

Атмосфера накалялась. Вокруг купюр, горкой возвышающихся на старом, потертom, залитом чаем и вином ковре, на узких курпачах сидели игроки.

— Пошел пятьдесят,— кинул на середину две двадцатипятирублевки один из игроков.

— Пятьдесят.

— Тоже.

— Играйте сами. — вышел из игры Валиев, бросил карги в сторону, прислонился к холодной стене.

— Иду сто,— повесил ставку первый.

— Сто.

Валиев поднялся, хлопнул себя по бедру:

— Наруш, за мной.

Наруш, не сводивший настороженных глаз с хозяина, с готовностью вильнул хвостом и пошел за ним.

Вход в эту частную чайхану был разрешен только избранным. Людям с деньгами и положением в деловом мире. Валиева здесь знали хорошо. Не успел он выйти из угловой комнаты, где обычно собирались самые именитые гости и которую сегодня заняли заезжие игроки, к Усманжону подошел мужчина лет пятидесяти, поздоровался подобострастно.

— С утра ищут вас, Усманжон-ака! — он опасливо покосился на пса.

— В чем дело?

— Куры есть. Полупотрошенные.

— Сколько?

Валиев прикинул, сколько у него осталось мяса на складе, и тут же подумал, что неплохо было бы взять и кур.

— Заказчик вы,— заулыбался мужчина.— Сколько скажете, столько и будет. Тонна, две?

— Я не об этом,— поморщился Валиев. Махнул кому-то.

— Я вас слушаю, Усманжон-ака,— подскочил к нему чайханщик.

— Как там Палван?

— Выиграл,— засмеялся чайханщик.— В прошлое воскресенье двадцать тысяч взял.— Он посмотрел на Наруша оценивающим взглядом.— Хотите против Палвана поставить?

— Не знаю. А ты как?

— Я готов.— Глаза у чайханщика загорелись.— Хоти-

те, хоть сейчас. Палван у меня тут,— чайханщик кивнул на дальний угол двора, где на цепи сидел Палван, огромный черный пес. Лохматый и тяжелый, с ленивыми умными глазами, Палван был победителем всех схваток, на которые его выставлял хозяин.

— Так как же насчет кур? — нетерпеливо переминался с ноги на ногу мужчина, который все еще стоял возле Валиева.

— Тонну возьму.

— По рубль шестьдесят,— быстро предложил тот.

— Рубль двадцать.

— Усманжон-ака, обижаете!

— Я сказал,— отрезал Валиев.— Больше ни копейки не добавлю. Не хочешь — ищи другого покупателя.

— Рубль тридцать, шеф!

Валиев не ответил, пошел вперед. Чайханщик семеня рядом, расхваливая своего Палвана.

— Но ваш Наруш тоже хороший пес,— угодливо хихикнул он.— Еще заработаете на нем. Попробуем?

Палван лежал на земле, положив могучую голову на сильные передние лапы. Он дремал и, казалось, не замечал людей, которые остановились в нескольких шагах от будки.

— Так что, Усманжон-ака? Или бонтесь?

Чайханщик загорелся: он был уверен в своем Палване, в его опыте и силе. Риска никакого не было, а для Палвана маленькая драка была бы разминкой перед воскресными боями.

— Сколько ставишь?

— Немного! — обрадованно откликнулся чайханщик, боясь выдать себя дрожью в голосе.— Пять тысяч.

— Пять тысяч? — Валиев задумчиво посмотрел на Наруша, который не сводил напряженного взгляда с Палвана. Палван тоже открыл один глаз и следил за Нарушем. — Давай!

Валиев взял пса за ошейник. Чайханщик метнулся к Палвану, быстро отомкнул цепь.

— Палван, кто это?

Огромный пес выпрямился, ощутив, как цепкие пальцы хозяина натянули широкий ошейник. Зарычал, упираясь лапами в мягкую землю.

— Ну, Наруш.— Валиев, почувствовал, как напряжилось тело пса, слегка подтолкнул его: — Фас!

— Фас, Палван! — подтолкнул своего волкодава и чайханщик.

Оба одновременно спустили псов и отступили назад.

Схватка была короткой, но яростной. Псы столкнулись; кусая друг друга, поднялись на задние лапы; грохнулись на землю, рыча и раздирая один другому шкуры.

— Смотри, а ваш ничего, а?

Чайханщик подошел к Валиеву. Он не ожидал такого отпора своему любимцу. Валиев не ответил. Глаза его напряженно следили за схваткой. Конечно, на чудо он не надеялся, но проверить, как поведет себя Наруш с таким серьезным противником, как Палван, было необходимо. И Наруш себя показывал настоящим бойцом.

— Ничья? — вдруг предложил чайханщик, видя, что Наруш поймал Палвана за шкуру возле глаз. Было ясно, что теперь он уже не выпустит противника.

Валиев тоже понял это. Не ответил. Палван попытался освободиться, сбросить с себя Наруша, но тот вцепился в него мертвой хваткой, при каждом удобном моменте перехватывая зубами шкуру и неумолимо приближаясь к глазу.

Палван рычал, царапал Наруша когтями, но теперь было в его рычании что-то неуверенное. Не признание поражения, нет — до этого было еще далеко, к тому же Палван славился силой и опытностью. Были в его рычании нотки растерянности, растерянности и страха.

И Валиев это понял, засмеялся.

— Прижал Наруш твоего Палвана, братишка!

— Не прижал, — покачал головой чайханщик. — Просто поймал его, глаз может покалечить. Жалко.

— Адмирал Нельсон будет! — засмеялся кто-то из зрителей, окруживших место схватки.

— Ничья, Усманжон-ака? — взмолился чайханщик. — Сами видите, Палван сильнее.

— Нет, — покачал головой Валиев. — Кто сильнее — неизвестно.

— Тысячу рублей даю, — схватил Валиева за руку чайханщик. — Не хочу уродовать Палвана. Жалко.

Валиев улыбнулся, как бы раздумывая; махнул рукой:

— Полторы тысячи!

— Усманжон-ака! — вскричал чайханщик.

— Будешь торговаться — твой Палван действительно Нельсоном станет!

— Давайте! — мотнул головой чайханщик, кидаясь к собакам.

— Фу, Наруш!

— Палван!

— Наруш, фу! Отпусти его, ну!

Валнев с трудом разжал зубы пса, оттащил его назад. Через минуту к нему снова подошел поставщик кур.

— Ладно, Усманжон-ака, по рубль двадцать. Когда завезти?

20

Сайдаматова увидела, как дрожат ее пальцы, сжала их в кулак, потом вынула из сумки платочек, скомкала его в руке.

— Вы... вы не ошиблись?

Лицо ее стало белым, как слепок из алебастра.

— Очень хочется, чтобы было именно так.

Доктор постучал пальцем по столу, закрыл историю болезни, отодвинул в угол стола. Видно было, что говорить с Сайдаматовой для него сущая пытка. Он боялся встретиться с ее ищущим взглядом, боялся вопросов, бесполезных, укоряющих, требующих. Боялся, потому что был беспомощен перед заключением опытных врачей, и ему оставалось только отвечать дежурными фразами.

— Вначале мы думали: у девочки просто с легкими не в порядке. Но потом сделали анализ крови, нужно было бы пункцию, но... не знали, как вы на это посмотрите.

Он коротко взглянул на Сайдаматову и тут же отвел глаза.

— Продолжайте, что же вы замолчали.

— Нет у нас опыта в таком деле, — признался врач с каким-то облегчением.

У Сайдаматовой потемнело в глазах.

— Что с вами? — испугался доктор. Быстро налил в стакан воды, протянул ей. Потом встал, достал из аптечки таблетку. — Выпейте.

Сайдаматова вопросительно посмотрела на него.

— Это успокаивающее, — объяснил он. — Безвредное.

Сайдаматова выпила лекарство, вытерла платочком губы.

— Что же мне делать?

Она с надеждой посмотрела на врача.

— Лететь в Ташкент. Показать дочь хорошему специалисту.

— Да, да! Лететь в Ташкент! — восторженно воскликнула Сайдаматова. Встала, протянула руку доктору. — Спасибо вам.

— Не за что, — остановил ее доктор. Улыбнулся. — Куда вы спешите?

— Куда?.. — Она будто окаменела на доли секунды, растерянно развела руками. — Действительно, куда?

— Я тут навел справки, — доктор протянул ей сложенный листок, исписанный плохо различимым почерком. — Лучше всего вам попасть к профессору Власову.

— Я попаду.

— Не будьте так уверены, — покачал головой доктор. — Профессор Власов — это звезда в медицинском мире, к нему месяцами стоят на очереди.

— Месяцами? — Сайдаматова невидяще посмотрела на него, бессознательно взяла со стола стакан с водой, выпила. — Я попаду, давайте направление.

— Я уже говорил с Османовым, — кивнул врач, — нашим главврачом. Теперь все зависит от него. Вы встретитесь с ним, он неплохой человек. Хотите, я провожу вас к нему?

— Пожалуйста, если вам не трудно.

У кабинета главврача было довольно много народу. Сайдаматова нерешительно замедлила шаги, когда они подошли к дверям с табличкой «Главный врач Османов В. О.»

— Подождите меня минуточку, — сказал ей врач и открыл дверь к главному. Вскоре он вышел из кабинета, кивнул ей: — Вахабжан Османович ждет вас.

Сайдаматова молча поблагодарила его глазами, шагнула к двери.

— Все будет хорошо, — тихо сказал ей на прощание врач и быстро пошел по коридору.

В просторном кабинете было прохладно. Одна полуоткрытая дверь вела на веранду, там едва слышно шипел кондиционер, другая — в соседний кабинет. Там Османов обычно принимал больных.

Сайдаматова села на предложенный стул, несколько минут подождала, пока Османов кончит писать. В соседнем кабинете что-то упало на пол и загремело. Османов глянул на приоткрытую дверь, изобразил улыбку:

— Ветер, наверное.

Потом отложил ручку:

— Слушаю вас.

— Я насчет своей дочери, — сказала Сайдаматова, не двигаясь с места, вполголоса, одними губами. — Она лежит на обследовании в вашей больнице.

— Да, да! Знаю, — кивнул Османов. — О чем вы беспокоитесь?

— Доктор сказал: ее нужно везти в Ташкент, показать опытному врачу.

— Вы думаете, у нас нет опытных врачей?

— Но врач сказал.

— Мало ли что он вам сказал, — перебил ее Османов со сладкой улыбкой. — Молодой, неопытный.

Сайдаматова молча кусала губы.

— Фатима... Кадыровна? Так, кажется? Я не ошибся?

— Не ошиблись.

— Мне приходилось много слышать о вас.

— Это к делу не относится. Мне пужно направление к профессору Власову, и вы... поможете в этом, слышите, поможете? — с трудом разжала зубы Сайдаматова.

Османов посмотрел на нее растеряннно, чувствуя, что не может взять разговор в свои руки. Он и не ожидал ничего другого, понял это, как только она вошла в кабинет. Понял и пожалел, что, не видя ее раньше, позвонил своему двоюродному брату Рахматжану. Поторопился его обрадовать, считал, что она у них в руках. Да, так и должно было быть: она мать, а все матери одинаковы, когда болеют их дети. Одинаковы! А эта вообще сильный человек.

Османов представил лицо Пулатова, который сейчас сидел в соседней комнате и прислушивался к каждому их слову. Презирает, наверное, его в душе. Но отступать уже поздно. Османов это понимал.

— Так вы поможете мне? — Сайдаматова напряглась.

— Конечно, помогу, — голос Османова прозвучал с мягкой укоризной. — Это мой долг.

— Когда я могу выехать с Флорой в Ташкент? — облегченно вздохнула Сайдаматова.

— Когда захотите, — поднялся и Османов, кинув пастороженный взгляд на дверь, за которой затаился Пулатов. — Вот только получим окончательные результаты анализов, посоветуемся, соберем консилиум.

Сайдаматова молча пошла к двери. Османов проводил ее, развел руками.

— Поймите и нас, Фатима Кадыровна, — говорил он, пожимая на прощание руку и долго не выпуская ее. — Вас никакой профессор без соответствующих бумаг и слушать не станет.

— Я понимаю. До свидания.

— Всего вам хорошего...

— Ушла? — Пулатов встретил своего родственника, развалиясь на стуле.

— Э-э! — махнул рукой Османов. Подошел к шкафу. — Выпить хочешь?

— Нет.

Пулатов подождал, пока брат нальет себе стопку спирта и выпьет.

— Серьезная женщина, — заключил Османов, пряча колбу обратно в шкаф.

— Дурак ты, — вздохнул Пулатов. — Понял ты это теперь? А то звонит: она у него в руках, сделает все, что нам надо...

— Но я же не знал, брат, — виновато оправдывался Османов.

— Правду говорят: нет дураков хуже, чем те, которые имеют диплом о высшем образовании. Ладно, налей и мне.

Пулатов встретил Усманжона во дворе. Он следил за парнем, который обрывал листья у винограда.

— Входи, входи, Усманжон, — радушно приветствовал он Валневу. — Совсем пропал куда-то. Я уже и беспокоиться стал.

Они поздоровались, поднялись на супу.

— Пусть беды обходят нас и наши дома!

Оба традиционно провели ладонями по лицам, точно сметая пыль.

— Почему не появлялся?

— Дел было много, замотался совсем, — начал оправдываться Валиев, но Пулатов успокоил его:

— Ладно, все понимаю.

Он кликнул жену, которая вскоре появилась, неся на подносе фрукты и коньяк.

— Что-нибудь надо сделать, — остановил ее Пулатов, когда она повернулась, чтобы уйти. — Гость в доме.

— Неужели надо напоминать об этом, Рахмат-ака! — в голосе жены прозвучал упрек.

Пулатов засмеялся, отпустил ее, повернулся к Валиеву:

— Умная женщина в доме — это богатство, — сказал он, разливая в пиалы коньяк. — А если эта женщина твоя жена...

— Ты богат вдвойне, — закончил за него Валиев.

— Жениться тебе надо, Усманжон, — сказал Пулатов, когда они выпили и закусили. — Сколько можно жить одному!

— Боюсь, — ответил полусерьезно-полушутливо Усманжон. — Вдруг опять попадетс я умная жена и я стану богатым человеком вдвойне!

Они помолчали, думая каждый о своем. Наконец Пулатов не выдержал.

— Был недавно у брата, — сказал он, становясь серьезным, — Вахабжана.

Валиев кивнул: -

— Давно его не видел, как он там?

— Хорошо. У него была Фатима.

— Фатима? — удивился Валиев. — А что ей нужно было?

— Дочь твоя болеет, а ты и не знаешь, — покачал головой Пулатов. — Нехорошо, Усманжон. Ты ведь отец!

— Не знаю, — виновато согласился Валиев. — Что-нибудь серьезное? — он припомнил, когда последний раз видел Фатиму. Удивился, что не заметил тогда ничего настояжывающего.

— Болезнь — такая вещь: сегодня здоров, завтра — операция, через неделю нет человека.

— Рахмат-ака!

— Да не волнуйся ты, — успокоил его Пулатов. — Для серьезной тревоги пока нет оснований, но...

Он выждал некоторое время.

— Я слушаю вас, Рахмат-ака! — выдал из себя Валиев.

— Ты говорил с женой, как я тебя просил?

— Да не жена она мне! — с горечью вырвалось у Валиева. — Сколько лет она уже не жена, а вы все...

— Дети — твои, — жестко отрезал Пулатов.

Валиев непонимающе посмотрел на него.

— Да, да, — кивнул Пулатов. — Она мать твоих детей. И сейчас дело об убийстве ведет она. Принес ее черт на нашу голову. В суд направили — она, следовательно — снова она.

— Может, ничего страшного пока нет?

— Когда дойдет до страшного, будет поздно, дорогой Усманжон! — выкрикнул Пулатов. Но тут же взял себя в руки. — Короче, придется тебе надавить на нее. Вахабжан даст направление твоей дочери... да, да, именно так!

— Я понимаю, — сдавленно произнес Валиев.

— А понимаешь, еще лучше, — сказал Пулатов, снова налил в пиалы коньяк, поставил одну перед Усманжоном, вторую выпил сам. Закусил черешней. — Нет другого выхода. Нету — и все! И чего она добивается, чего ей надо от Адылжана!

Валиев сидел перед ним с опущенной головой и молчал. Да и что он мог сказать Пулатову? Понимал, что тот беспокоится не столько за Адылжана, сколько за себя. Чарыев был в курсе всех дел, которые совершались в магазине Пу-

латова, и, конечно же, если что-то откроется, может выдать и своего шефа.

— Дело, конечно, прошлое, исправить ничего нельзя, — заговорил он глухо, не поднимая глаз на Пулатова, — но неужели нужно было обязательно убивать? Неужели нельзя было заставить его молчать как-то иначе?

— Иначе! Иначе! Да не думал Адылжан убивать его, — с раздражением сказал Пулатов. — Сам полез на нож, да и поздно об этом. Теперь нужно его спасти, пока не натворил глупостей. Парень сон потерял, ни есть, ни спать спокойно не может. Как мертвец ходит, ты видел его?

— Видел, — махнул рукой Валиев. — Но Флора не только ее дочь. Как я скажу Фатиме...

— Именно потому и скажешь!

21

— Какой мог быть разговор, Фатимахон! — искренне удивился полковник, провожая Сайдаматову до дверей кабинета. — Билет вас ждет в аэропорту.

— Спасибо вам, товарищ полковник...

На улице она неожиданно увидела Усманжона. Еще более удивилась, когда встретилась с глазами дочери.

— Флора, ты что тут делаешь? — не сдержалась она. — Я же сказала, что заеду за тобой.

— Она не виновата, Фатима! — Валиев открыл перед ней дверцу, пригласил в машину. — Флора и моя дочь, не забывай об этом.

Сайдаматова села в машину.

— Домой?

— Нужно взять вещи, предупредить Мурата, — сказала Фатима Кадыровна.

Но дома Мурата не было, как и чемодана, который собрала Сайдаматова. На столе она нашла записку, в которой Мурат сообщал, что чемодан у него и он будет ждать мать и сестру в аэропорту.

— Узнаю сына, — засмеялся Валиев, когда вел машину в аэропорт. — Мой характер.

Сайдаматова ничего не ответила на это, хотя с болью в душе давно отмечала в сыне знакомые черты Усманжона.

Валиев поставил машину. До регистрации билетов было около часа. Предложил подкрепиться перед дорогой.

— Флора, хочешь есть?

— Хочу.

Сайдаматовой пришлось подчиниться. Они сели за свободный столик. Валиев сделал кому-то знак, и им тут же принесли шашлык, чай.

— Самса есть? — спросил он парня, который принес шашлык.

— Фирменная кончилась, — сообщил тот виновато. — Мы же не знали, Усманжон-ака, что вы сегодня появитесь.

— Ладно, иди, — отпустил его Валиев.

— Фирменная самса? — Флора дождалась, когда парень ушел, и обратилась к отцу. — Что это, папа?

Валиев пожал плечами.

— Как тебе сказать...

— Самса по особому заказу, — пояснил с улыбкой Мурат. — Свежее мясо, курдючное сало, специи. Так, папа?

— Так, — улыбнулся Валиев.

Сайдаматова ошеломленно посмотрела на сына, потом на Валиева.

«Что это?» — подумала она. Так вот что означают частые отлучки сына. «Мой характер!» — прозвучал насмешливый голос в глубине сознания. Она все еще смотрела на Усманжона и, казалось, уловила скользнувшую по его губам усмешку. Вздрыгнула внутренне, напряглась. Но нет — почудилось. Валиев не смотрел на нее, вел оживленную беседу с сыном.

— Возьми, — он вдруг прервал разговор и положил перед Сайдаматовой небольшой пакет. — Тут деньги, — объяснил он, отвечая на вопросительный взгляд Фатимы. — Большой город, у тебя могут быть расходы.

— Спасибо, не надо, — отказалась Сайдаматова. Отказалась слишком резко, тем самым выдав, что как раз перед этим раздумывала о деньгах, о расходах, которые будут в Ташкенте, а того, что она сумела попросить в бухгалтерии, могло не хватить. И сейчас, когда Усманжон вдруг предложил деньги...

Усманжон! Она до сих пор зовет его по имени — Усманжон. Как когда-то...

В памяти всплыла далекая сцена, когда она, обманув подруг, с которыми договорилась ехать в гости к одной из однокурсниц на хашар, бежала на автовокзал. Там ее ждал Усманжон. Как всегда, подтянутый, спортивный, в яркой, обтягивающей широкую грудь красной рубашке, он ходил между автобусами, выискивая ее среди томящихся на платформе пассажиров.

— Усманжон, вот и я!

— Ну, наконец-то!

Он резко обернулся на ее голос, замер на несколько секунд, любуясь ею. На ней было нарядное шелковое платье, которое обтягивало легкую фигурку. Солнце только-только показалось над верхушками тополей, которые опоясывали маленький автовокзал. Теплый луч пробился сквозь золотистую листву и замер на ее лице. Она отклонилась от него, но луч тут же снова нашел ее.

Усманжон засмеялся, она тоже.

— Я думал, ты уже не придешь, — сказал он, когда они ехали в горы в стареньком автобусе, который тархтел захлебывающимся мотором на подъемах, дребезжал и скрипел облезшими сиденьями и, казалось, не разваливается на ходу, только сдерживаемый каким-то чудом.

— Больше часа бродил по площади, — ласково укорял ее Усманжон.

— Я сказала, значит, приду.

— Уже уходить решил. Еще бы немного...

— А я бы не ушла, — сказала она, подумав. — Если бы мы договорились, ждала бы тебя.

— Ждала бы? — В его голосе звучало недоверие.

Она улыбнулась.

— Ждала бы.

— А если бы я вдруг опоздал сильно?

Она, не отвечая, смотрела ему в глаза.

— Вдруг случилось бы что-то и я не пришел, до вечера ждала бы?

— Ждала бы, — просто ответила она.

— Ты даешь! — восхищенно вырвалось у него.

Стремительно набзгал навстречу машине черный, расплавленный солнцем асфальт дороги, мелькали одинокие глинобитные домики, плантации виноградников с треногами деревянных вышек по бокам, яблоневые сады колхоза.

— Ты слышал, у Мухаббат дочка родилась?

— Какая это Мухаббат, не помню?

— Та, которую ты чернил на собрании, — засмеялась она. — Помнишь, когда я впервые увидела тебя? Какой ты был тогда важный, принципиальный!

— Никого я не чернил, — недовольно буркнул он. — Это которую украли?

— Не украли, а они вместе решили убежать, чтобы проучить родителей, — поправила его Фатима.

— Не знаю, кто кого хотел проучить, — сказал Усманжон, — но не верю я в такую семью.

— Почему?

— Без корней она, — подумав, ответил он.

— Не понимаю, объясни, пожалуйста, что ты имеешь в виду, — попросила она с улыбкой.

— А то, что нет у нее фундамента, — заговорил он. — Молодую семью держать нужно. Не знаю, как тебе объяснить, но, по-моему, такая семья всегда как бы под прищипом должна быть. Вспомни его: двух слов связать не мог, не то что защищаться. Не будь тогда тебя, исключили бы его и покатылся он вниз. И правильно было бы, должен быть отбор.

— Выживает сильнейший? — в голосе Фатимы звучала ирония.

— Умнейший, — поправил ничего не заметивший Усманжон. — Нельзя идти наперекор обычаям. Неправильно это. И думаю, не будет счастья этой паре. Разойдутся они.

Прав оказался Усманжон: семья распалась. Прожили они всего год. Муж окончил университет и уехал в свой район, а Мухаббат перешла на заочное отделение: с ребенком какая учеба на дневном. Возвратиться домой она не могла, отец проклял ее и написал, чтобы ноги дочери не было в доме до самой его смерти.

— Ну, кто был прав?! — торжествующе заключил Усманжон, когда узнал об этом.

Она тогда хотела возразить, сказать, что до разрыва вряд ли бы дошло, если бы родители поняли, наконец, молодых, поддержали бы... Что и она сама на собрании, может быть, была слишком прямолинейна, не сумела сблизить отца и дочь... Но, встретившись глазами с откровенно насмешливым взглядом мужа, промолчала. А про себя с огорчением признала, что он был прав, как приходилось ей признавать это и потом, не один раз ошибаясь в оценке людей, суть которых, в отличие от нее, Усманжон определял почти мгновенно.

Чутье его было безошибочным. Она ошибалась раз за разом, но все равно не могла истребить в себе какую-то глубинную веру в человека, а Усманжон не ошибался никогда. И она удивлялась: почему он не верит людям, ведь его никто не обманывал? «Потому и не обманывал, что не верю!» — откровенно говорил он. И снова был прав этой неоспоримой правотой.

Неоспоримой, но холодной, нечеловеческой. Она чувствовала, понимала душой и сердцем, что с такой правотой жить трудно. Она может привести куда угодно, только не к людям.

Тогда эти расхождения во взглядах казались ей не такими уж существенными, тем более — опасными для их

любви. Она верила, что Усманжон ее понимает и сможет как-то приспособиться к ее характеру, как приспособлялась к характеру мужа в первые годы их совместной жизни она. Но размолвки между ними случались все чаще, и все чаще в пылу этих споров он, раздражаясь, задавал ей один и тот же вопрос: «А почему я должен приспособляться к тебе? Почему я должен менять себя? Ведь ты... ты женщина!»

Сайдаматова с силой отодвинула секретаршу в белом халате, которая стояла у нее на дороге, и резко открыла дверь.

— Женщина, что вы себе позволяете, — повысила было голос секретарша, но Сайдаматова была уже в кабинете профессора.

— Что, что такое? — раздраженно обернулся на шум седоволосый мужчина.

— Разрешите, профессор!..

Профессор Виктор Антонович Власов, потомственный врач, слыл человеком резким и неуживчивым. Те, кто знал его и его семью, говорили, что характером он в отца, прекрасного специалиста-травматолога. Власов-старший так всю жизнь и не мог примириться с беспорядком, царившим в отделении. Его приводили в ярость ведра и тряпки, которые оставляли уборщицы в коридорах, неглаженные и несвежие халаты врачей и сестер. Он бушевал, кричал, неоднократно грозил написать заявление об увольнении, если немедленно не будут приняты какие-то меры. Однако отделением руководил не он, а добродушный старичок-профессор, тоже светило в медицинском мире, но человек слабохарактерный. Поэтому шли дни, и все оставалось по-старому.

Но Власов-младший оказался крепче и настойчивее отца. Через очень короткое время отделение урологии, в котором он стал заведующим, прославилось на всю республику. Здесь все блестело и сверкало чистотой. Конечно же, Виктор Антонович не терпел никакого беспорядка и пререканий. И то, что сейчас в его кабинет кто-то вошел без предварительного согласования, крайне раздражило его.

— Вот, Виктор Антонович! — испуганно выглянула из-за спины Сайдаматовой секретарша. — Я говорила гражданке, что вы заняты, но она...

— Я вас слушаю!

Глаза профессора замерли на Сайдаматовой. За спиной тихо закрылась дверь.

— Я к вам на прием, простите меня,— смущенно выдавила из себя Сайдаматова, чувствуя, что растеряла все доводы, которые приготовила в уме, когда решила проваться на прием.

— Вы записались в регистратуре?

— У меня дочь! — она вдруг почувствовала себя беспомощной. Этот человек не поймет ее, да и что могут понять вообще такие холодные, безжизненные глаза...

— Вы записались на прием? — подчеркнуто бесстрастно повторил свой вопрос профессор.

— Мне сказали: нужно ждать две недели, а я не могу.

— А они могут?! — Власов встал, быстро подошел к двери, распахнул ее и показал на людей, которые сидели в приемной и ждали.

— Они могут ждать? — голос его звучал повелительно. — А вы нет?

— Я приехала из Паркента.

— Прекрасно,— сказал он, выпроваживая ее из кабинета. — Запишитесь и приходите на прием. Все.

Дверь закрылась. Сайдаматова опустила глаза, щеки ее пылали. Она боялась встретиться с глазами тех, кто смотрел на нее — одни с сожалением, другие с тайным злорадством: мол, хотела без очереди, а вот ведь не получилось.

— Я же говорила вам,— смягчилась секретарша. — Виктор Антонович не принимает без записи.

Сайдаматова взяла за руку Флору, которая безропотно подчинилась, понимая состояние матери. Они пошли по коридору к выходу.

— Мы поедem домой, мама?

— Домой?

Сайдаматова резко повернула.

— Мы никуда не поедem! Будем ждать,— и повторила тихо: — Ждать!

Профессор сидел за столом и писал, заполняя карточку больного своим торопливо-неряшливым почерком. Время от времени он бросал быстрые взгляды на Флору, которая лежала на кушетке, спрашивал ее о чем-то постороннем, кивал, когда она отвечала, и снова писал.

Флора лежала неподвижно, не зная, что ей делать — оставаться на месте или встать, одеться.

— Отдохнула? — взглянул на нее профессор и улыбнулся, отчего строгое лицо его изменилось до неузнаваемости — стало мягким, приветливым. — Можешь одеться, — разрешил профессор.

Флора опустила на пол ножки и начала быстро надевать платье. Она так торопилась, что долго не могла попасть в рукава, они все время куда-то терялись.

Власов с улыбкой наблюдал за ней, не торопил и не успокаивал. Когда же девочка оделась, он встал, подошел к ней, взял за плечи.

— Ты подожди немного там, — он показал глазами на дверь. — Нам с мамой нужно поговорить. Ладно?

Флора перевела взгляд на мать. Сайдаматова ободряюще ей кивнула.

— Хорошо.

— Что я могу сказать вам? — сказал Власов, когда Флора вышла из кабинета и он вернулся на свое место. — Девочку нужно оставить здесь.

— Но...

— Оставить в больнице, — резко повторил Власов, снова превращаясь в того человека, который встретил ее утром.

...Сайдаматова весь день просидела в приемной. Она не ушла даже тогда, когда Власов покинул кабинет и, не глядя на нее, прошел мимо своим неторопливым, но уверенным шагом. И потом, когда секретарша говорила ей, показывая на часы, что профессор вряд ли вернется, что у него занятия со студентами, аспирантами и вообще прием закончен и ждать ей бесполезно.

Не ушла даже для того, чтобы поесть. Для Флоры в сумке были пирожки, которые она взяла в аэропорту, а сама она была готова потерпеть. Сайдаматова не ушла и тогда, когда в приемную пришла уборщица и, ворча на бестолковых и непонятливых посетителей, стала водить чуть ли не по ногам ожидавших тяжелой шваброй. Часы показывали начало седьмого, а она все сидела, прижимая к себе задремавшую дочь, и не проронила ни слова, когда вдруг двери распахнулись и в приемной появился Власов.

Они несколько секунд смотрели в глаза друг другу, потом он открыл дверь в кабинет.

— Прошу...

И потом, когда все было решено и он принял Флору, и когда ее увезли с собой дежурные сестры, он сказал, что

не любит никого принимать по звонкам, что все люди одинаковы и он не намерен делать исключения даже для знакомых из министерства. Ей пришлось доказывать, что у нее нет знакомых в министерстве, что ни о каких звонках она не знает, потому что никого ни о чем не просила. И он неожиданно поверил ей, и снова лицо его стало неузнаваемо добрым, как тогда, когда он разговаривал с Флорой.

Все это вспоминалось Сайдаматовой, когда она возвращалась в самолете домой, и еще вспомнился день, когда она выписалась из роддома с крохотной Флорой на руках. Усманжон носился по коридорам, одаривая подарками встречаемых сестер и врачей. Он очень хотел дочь, и радости его не было конца.

— Дочь! Дочь у меня! — повторял он, суетясь вокруг Фатимы и боясь прикоснуться к малышке, сделать что-то не так.

А на улице ее ждал сюрприз. Около десяти машин загрозили проезжую часть перед воротами. Водители других машин, которые не могли подъехать, ругались, требуя освободить дорогу. Но на них никто не обращал внимания. От самого крыльца до передних, разукрашенных воздушными шарами и разноцветными лентами «Жигулей» была выложена дорожка из цветов. Заиграли музыканты, встречая Сайдаматову песней и музыкой.

Праздник! Она стыдливо прятала лицо в запеленатую дочь. Все было пышно, чересчур пышно, чтобы радоваться вместе с Усманжоном. Но и обидеть его она не могла...

23

— Джафар, пахать подано! — позвал Алимова Водяной. — Набей желудок, легче будет думаться.

Джафар прошел в их угол, подождал, пока Рашид разделит хлеб на равные доли, взял свой кусок.

— Садись, — Рашид указал глазами на свободное место на кровати.

— Не хочу.

Джафар взял кружку, налил себе чай из бачка.

Есть действительно не хотелось, хлеб показался ему пресным, смешанным с золой, похрустывал на зубах, но Джафар думал о другом. Снова и снова вспоминалось ему то роковое утро, когда он пришел в себя и увидел на полу окровавленное тело Тимура. И нож, на котором запеклась кровь.

Как же это случилось? Как могло случиться? И почему, почему он ничего не помнит?

А потом милиция, допросы, протоколы, которые он подписывал, подписывал, не читая, что там написали, что писал он сам. Все было безразлично, представься возможность бежать — он бы и шагу не сделал.

Кто-то телеграммой вызвал мать. Она приехала автобусом к вечеру, но он ее увидел только через день. Когда его привезли на допрос.

— Как же это случилось, сынок?

Она не упрекала, только слезы катились по ее лицу.

«Как это случилось?..» Разве мог он объяснить ей, что сам не может ответить на этот вопрос? Лида, Адылжан — они были рядом в тот вечер, почему же они оставили его с Тимуром? И почему ему так неприятен этот Адылжан, его лицемерная мина, вечная готовность услужить?

Вокруг Чарыева всегда были ребята, девчонки, он казался душой любой компании. Дом Адылжана был открыт для всех, правда, с исключением. Неудобных он выпроваживал очень легко: без всяких объяснений закрывал перед носом двери — и все. Или поднимал на смех, выставлял дураком. Джафару не один раз пришлось испытать на себе яд насмешек Чарыева. А почему он не взрывался, почему терпел — на это он сейчас даже ответить не мог. Нет, мог, но не хотел, стыдился за прежнее свое малодушие. Только бесполезно было хитрить: от себя не спрячешься.

— Держись, парень! — говорили в камере. — Это только начало. Цветочки! Ягодки будут впереди, когда получишь срок, отсидишь положенное! Когда пройдешь такую школу, что шороха будешь бояться. Выйдешь на волю, а тебе все будет казаться, что милиция только на тебя смотрит, только за тобой и следит. Вот тогда-то... А пока терпи!

И он терпел, вернее — не терпел, а как бы заснул в ожидании. Не жил, а спал, вставал по утрам, шел умываться, впихивал в себя завтрак, обед, ужин, отвечал на вопросы, говорил что-то сам, и все в каком-то полузабытии. И неизвестно сколько он выдержит в таком состоянии. Хотя человек — существо ранимое, тело его живет вопреки душе. Душа умирает, а тело сопротивляется, не хочет умирать. А зачем, к чему? — думал Джафар.

— Ребята, можно курить поменьше? — попросил между кашлем кассир-астматик. — По очереди курите, если нельзя иначе. Дышать ведь нельзя!

— Это тебе не курорт, папаша! — хохотнул Рябов. Стукнул костяшкой. — Отошел дуплем.

— Не от хорошей жизни махорку курим, отец, — сказал Водяной. Кивнул играющим. — Проехал.

— Лезь на мою койку, — показал на место у зарешеченного окошка Рашид. — Там полегче будет.

Кассир обрадованно полез наверх, начал шумно дышать, подставляя лицо освежающему потоку. И потом молча лежал на спине и кашлял, долго, с надрывом, будто стараясь выкашлять из груди то, что мучило его, не давало спокойно дышать.

— Зря ты его на свою постель пускаешь, — заметил вполголоса Рябов, выразительно глядя на Рашида.

— Если суждено заболеть, — засмеялся Водяной, — от одного воздуха, которым ты дышишь, заболеешь.

Громко щелкнул замок в двери. Все замерли, повернули головы.

— Играете, гаврики!

Контролер оглядел камеру, увидел лежащего кассира, но промолчал, потом остановил взгляд на Рашиде.

— Давай, Тугушев. Твоя очередь!

Рашид медленно положил костяшки, встал:

— Доиграете без меня. — Посмотрел на дежурного. — Так, старшой?

— С вещами! — вертел тот ключом. — Сюда больше не вернешься.

Рашид скрутил матрац, поднял на прощание руку.

— До встречи, братки!

Дверь закрылась, а Джафар все сидел в каком-то забытьи, не в силах отвести глаз от кованой двери.

— Кто за Рашида доиграет?

Желающего не нашлось. Рябов смешал костяшки, начал уныло размешивать их.

— Расскажи что-нибудь, — попросил Водяного кто-то.

— Расскажи, Водяной, — поддержали его и остальные.

— Что же вам такое рассказать?

Водяной задумался, начал складывать костяшки домино в пирамиду, вздохнул, вспоминая что-то свое.

— Хороший парень Рашид, — сказал он задумчиво, — а непутевый.

— Почему же непутевый? — хихикнул Рябов.

— Иди к нам, Джафар, — позвал Водяной, даже не глянув на Рябова. — Сковырнешься так, парень.

И, не дождавшись ответа, начал очередной рассказ:

— Был у меня дружок, точно на Рашида похож. Такой же здоровый, девушек страх как любил,

— А они его? — пошутил кто-то.

— Они не меньше! — не смутился Водяной. — Раз решил он со своей знакомой в гараже посидеть, по душам побеседовать. Гараж утепленный, все как надо. Ну, выпили, что было, — мало показалось, и решил он в гастроном сгонять. Закрыв ее в гараже, чтобы случайно кто не сунулся, пошел в гастроном, и надо же — его велосипед сшиб.

— Велосипед? — недоверчиво переспросил Рябов.

— Я тебе говорю, — подтвердил Водяной. — И надо же, ногу мой дружок сломал. Его сразу в больницу, гипс наложили, а он все требует, чтобы срочно жене позвонили, сообщили о несчастье. Пришла она через несколько часов — он умоляет, чтобы она, значит, мне позвонила и позвала в больницу: мол, срочное у него ко мне дело. Жена, понятно, утешает: не беспокойся мол, все сделаю. Прихожу домой, а мне моя Надька выдает. Так, мол, и так, звонила жена твоего друга, в больнице он, ногу сломал. Просит, чтобы ты к нему побыстрее пришел. Хорошо. На следующий день после работы иду к нему, а он на меня чуть ли не с кулаками: «Где пропадаешь?! Два дня тебя жду!» «Все в порядке, — говорю. — Пришел ведь, что нервничать». Он мне ключи дает, чтобы я немедленно дул в гараж: там, мол, его знакомая осталась. Пришел я туда, открываю дверь и... все, ничего больше не помню. В больнице очутился. С сотрясением второй степени. Потом выяснилось, что меня молотком по голове она со злости долбанула. Любовничку отомстила! Хорошо еще, жив остался.

Дружный хохот потряс камеру.

— Поэтому у тебя такая вмятина в голове?! — хихикал Рябов.

— Вот именно, вмятина, — сказал Водяной с усмешкой. — Не то что твой черепок — круглый, аж тоска берет.

Снова хохот, еще сильнее.

— Попал я в больницу, — продолжал свой рассказ Водяной. — И обидно стало! Я же ее, стерву, даже в глаза не видел. Только открыл замок и ворота, как она мне по голове молотком. Ну, а дружок ждал меня, ждал, да все без толку. Тогда, это я потом уже узнал, не выдержал и жене своей говорит, чтобы она пошла в гараж. Мол, посмотри, все ли там в порядке. Она пришла туда — и в обморок!

Он замолчал. Начал выстраивать из домино звезду, словно бы забыв о рассказе.

— Не томи, друг, что же дальше было? — раздался голос с хрипотной.

— А, астматик, — засмеялся Водяной. — И тебя проняло! Ладно, слушайте... Что же она там увидела? Маши-

ну? — кучу металлолома. Эта стерва всю ночь ходила по гаражу и молотком по машине, по машине! То, что от нее осталось, ни одна мастерская не согласилась взять! Даже мотор искромсала от злости!

И снова хохот. Смеялись все, представляя себе эту картину, лица хозяина, женщины, которая два дня провела в холодном гараже, жены хозяина. Смеялись все, кроме Джафара. Даже на это у него не было сил, не видел он в истории ничего смешного...

24

Сайдаматова полулежала на диване с закрытыми глазами. Она любила это положение: и спишь, и не спишь. Тело отдыхает, глаза тоже, а мозг работает. Она могла лежать так и час, и два, и три. Вспоминала день, который остался за дверьми дома, дела, которые сделала и не успела сделать.

«О покойниках плохо не говорят...» — вспомнила она слова Пулатова. Не говорят, но в нескольких фразах он успел дать понять, что Газнев был неугоден. Неугоден? Но почему же все-таки они взяли его под защиту, выплатили за него недостачу?

Сайдаматова снова начала прокручивать в голове все сначала: показания Алимова, Корочкиной, Чарыева...

«Ах, Фатимахон, Фатимахон! — слышит она голос Пулатова. Глаза его маленькими буравчиками сверлят ее. — Не любите вы нас, а за что? Ведь без сферы обслуживания не может обойтись ни одно государство на свете. Но я могу понять вас: среди нашей братии есть и такие, по ком тюрьма скучает. Но и то, если смотреть только вашими глазами. А вы посмотрите на него и с другой стороны. Вы сколько получаете? Рублей двести пятьдесят, а наш брат живет на сто, ну от силы на сто пятьдесят рублей в месяц. Ну что вы купите на эти деньги? А вокруг — дефицит, соблазн-то какой...»

«Вы хотите сказать, что живете на зарплату?»

«Скажу — на зарплату, вы все равно не поверите»:

«Не поверю».

«Вот видите, а почему? Ответить не можете, а если бы могли ответить, давно посадили бы меня на скамью подсудимых. Так?»

«Так».

Пулатов усмехнулся.

«Хороший у нас разговор, почти веселый. А вы не за-

думывались о том, что такие люди, как я, скрашивают жизнь? Да и сами мы не можем жить спокойно. Я иногда думал, признаюсь вам честно, если бы государство давало мне каждый месяц две тысячи, ну, пять тысяч рублей, успокоился бы я? И представьте себе, не смог ответить. Тоску почувствовал: полета нет, надежды, что следующий месяц могу получить больше. Покой — он, действительно, может только сниться умному человеку.

Я знал игроков в карты, азартных игроков. Каждый день они приходили в компанию, играли, бывало выигрывали, но чаще всего проигрывали, и как проигрывали — деньги, машины, дом. Можно было бы себя проиграть — проиграли бы. Но они были счастливы надеждой, что завтра обязательно выиграют. Не могут же они проигрывать постоянно. Вот попробуйте выплачивать ему каждый день столько денег, сколько они выигрывали в среднем, но запретите ему играть в карты. Перед вами будет самый несчастный человек в мире. То же самое будет, если вы ему все же разрешите играть, но не на деньги. Просто так. Исчезнет азарт — и снова человек будет несчастлив. Значит, игра для него не просто развлечение, это азарт, цель, жизнь... Так и в жизни: мы не знаем, чего хотим на самом деле — покоя, денег или ощущать себя хозяином жизни.

«Ну и циник вы, Пулатов, — сказала с ненавистью Сайдаматова. — Какой там циник, негодяй!»

«Я пошутил, придумал все, а вы уже и поверили», — в голосе Пулатова чувствовалась откровенная издевка.

Сайдаматова не слышала, как в комнату вошел Валиев, остановился в дверях, несколько минут наблюдал за ней.

— Кхе, кхе! — дипломатично откашлялся он.

Сайдаматова открыла глаза.

— Здравствуй, Фатима, — Валиев смотрел на нее. — Ты разрешишь войти?

— Ты уже это сделал... — она опустила ноги на пол, поправила волосы. — Здравствуй. Проходи, раз пришел.

— Дверь была открыта, — пожал плечами Валиев, сел на стул, оглядевшись. — Не боишься воров?

— Не боюсь. Если ты к Мурату, его нет.

— Знаю.

— Знаешь?

— Догадываюсь, — сказал он с улыбкой. — Музыка не слышу, значит, его нет.

— Чай поставить?

— На Востоке в таких случаях говорят: «Чем спрашивать, лучше ударь!» — И, поймав на ее лице нечто похожее на презрение, подавил в себе вспышку гнева, изобразил улыбку. — И еще говорят: гость в доме первый человек.

Сайдаматова молча вышла из комнаты. Валиев слышал, как журчит вода, как Фатима зажгла спичку.

— Не ожидала? — спросил он, когда она ставила на стол чистые пиалы, вазочку с карамельками.

— Я тебя не приглашала.

— А я вот взял и пришел без приглашения.

Он подумал о том, что не надо было приходить: толку все равно никакого не будет. И, робея, боялся встретиться взглядом с ее большими раскосыми глазами, которые, казалось, видели его насквозь, сбнажали, выворачивали наизнанку, встряхивали перед ним же, показывая, что он есть на самом деле. Зачем она так? Он и сам прекрасно все о себе знает.

И, чтобы не молчать, Валиев начал вспоминать прошлое, рассуждать, как бы они жили, не будь у нее такой непримиримый характер. Он говорил о сложности жизни, о том, что нельзя так фанатично служить истине и справедливости, как служит она: человек есть человек, каким бы он сильным себе ни казался. Само понятие истины относительно, а человек слаб и, кидаясь из одной крайности в другую, даже в борьбе за правду чаще всего становится тираном, насильником. Умные люди говорят: когда кто-то утверждает, что сундук пуст, это еще не значит, что он прав и сундук пуст на самом деле. Пустота пустоте рознь.

— Ты стал философом! — усмехнулась Сайдаматова. Налила в пиалы чай.

— Жизнь, если часто думать о ней, любого сделает философом, — проигнорировал иронию Сайдаматовой Валиев. — Заметь, Фатима, всегда ли ты говоришь правду? Не замечала: когда кто-то говорит с нами или мы хотим расположить кого-то к себе, мы не будем говорить или делать ему неприятное. Так же и он постарается скрыть от нас неприятную правду, и мы ему будем в душе благодарны за это. Человек льстит, потому что нам приятно лести; обманывает, ибо мы предпочитаем, чтобы нас обманывали. И выходит, что наша жизнь — сплошной обман, иллюзия. Никогда в глаза нам не говорят, что думают на самом деле. Отношения людей держатся на взаимном обмане. Мы бы растеряли всех друзей, если бы

узнал, что они на самом деле о нас думают и что говорят за нашими спинами. Так стоит ли быть таким беспощадным к человеку, к этому слабому созданию, Фатима?

— Да, ты всегда отличался красноречием, — сказала насмешливо Сайдаматова.

— В наше время без красноречия — никуда, — неожиданно погрустнел он. Вытащил сигареты, нащупал в кармане спички.

— Прошу тебя, я не выношу дыма.

— Прости, забыл.

Валиев рассеянно смял сигарету, поискал глазами, куда бросить, положил в карман.

Сайдаматова отставила пиалу.

— Ну, и что же теперь? О жизни, о человеке, его слабостях уже поговорили...

— Хочешь знать, с чем я пришел?

— Угадал. Не затем же, чтобы найти слушателя, который терпел бы твою удобную философию.

— Как ты зла, Фатима, — покачал головой Валиев, выдержав минутную паузу. — В одном ты права: пора нам поговорить по душам.

— Мы, кажется, давно обо всем переговорили.

— Видимо, не обо всем. Я давно хотел поговорить о сыне.

— Ты последнее время стал часто с ним встречаться. Слишком часто.

— Мурат — мой сын, — ответил Валиев резко.

— Оставь его в покое, Усманжон, — в голосе ее неожиданно прозвучала просительная нота. — Он совсем мальчик и от тебя научится только плохому. Я не хочу. Не хочу, чтобы он был похож на тебя!

Голос ее прервался. Валиев выждал несколько минут, сказал с усмешкой:

— Хочешь воспитать его похожим на себя?

— Да, на себя!

— Почему? — кажется, Валиев смеялся над ней. Она почувствовала, что может не сдержаться, закричать, выгнать его из дому.

— Хочешь сказать: «Выйди вон!» — прочитал в ее глазах Валиев.

— Угадал! — с трудом подавляя раздражение, ответила Сайдаматова. — Неужели ты думаешь, что Мурат пойдет за тобой?

— Почему бы и нет? — спокойно сказал Валиев, все

же закуривая. — И почему ты считаешь, что я принесу сыну зло? Я не такой ограниченный, как ты.

— Зло есть зло, в каком бы обличье оно ни было. А насчет моей ограниченности... — она хотела что-то сказать, но промолчала.

— Все твои принципы, — с брезгливой гримасой сказал Валиев. — Вроде бы бьет тебя жизнь, учит, а ты... Ничего вокруг не видишь.

— Таких, как ты, я насквозь вижу!

— Видишь, да не то. Когда-то Диоген ходил с фонарем в руках, искал человека. И что с тех пор изменилось? Человек все тот же, может быть, даже хуже. И я бы не хотел, чтобы мой сын вырос, не зная, как противостоять таким людям, такой жизни, которая не жалеет. Слабые падают и погибают первыми.

— А ты считаешь себя сверхчеловеком?

— Если бы я был таким, я бы сейчас с тобой не разговаривал.

Он замолчал, увидев усмешку, которая скользнула по губам Сайдаматовой.

— Да и ты не ушла бы от меня так легко! — сказал он, отводя взгляд.

— Скорее, ты никогда не совершили бы ошибку, связав свои судьбы, — сказала Сайдаматова. И, подумав, продолжила: — Поэтому ты и делаешь подарки сыну, что хочешь воспитать его сильным и подготовленным к настоящей жизни? В твоём понимании, конечно!

— Я возвращаю ему то, что он не получил раньше. Ты против?

— Да, против!

— Тогда запрети ему принимать от меня подарки, — засмеялся Валиев.

— Я бы это сделала, — сказала Сайдаматова. — Сделала давно, еще тогда, когда ты ему купил дорогой велосипед, зная, что мальчик не устоит перед таким подарком. О, ты знал, что делаешь! Очень хорошо знал, что я не могу делать такие подарки, знал и пользовался этим!

Они сидели друг против друга, как враги.

— Ты и Флору пробовал купить, но она сразу почувствовала это и отдалилась. Ты не переживал долго, перекинулся на сына. Я понимала: ты хотел наказать меня! Не столько думал о Мурате, по крайней мере тогда, в первые годы, когда мы разошлись, сколько рассчитывал уничтожить меня в глазах детей, сына, купить их души, чтобы я осталась одна!

— У тебя большое воображение, — прервал Валиев. Глаза его холодно блестели. — Ничего я такого и не думал, Фатима.

— И все же я сделаю все, что в моих силах, чтобы Мурат не стал таким, как ты!

— Думаешь, это тебе удастся? — засмеялся Валиев. — Ошибаешься, милая!

Сайдаматова нахмурилась, но промолчала: все аргументы вдруг показались ей ненужными. Она говорила с глухим и слепым, с человеком, который никогда не поймет ее, да и понимал ли вообще когда-нибудь! И как она могла его полюбить? Как?!

— Не тебе решать, как ему жить, — говорил Валиев, словно вырубая фразы. — Он сейчас уже видит разницу между действительностью и тем, что рисуют в своих книгах писатели. И запомни, Мурат становится мужчиной, и он не твой подследственный, которому ты можешь диктовать правила поведения, установленные законом... Ты права в одном: дочь ближе к тебе. К сожалению, у меня не получился с нею контакт. Но от этого проиграет только она.

— Что же она проиграет? — не удержалась от ядовитого замечания Сайдаматова. — Деньги, ковры, фирменное барахло — этим ты покупаешь незакаленные души? Вырастут — честно заработают сами, а не сумеют — проживут и без дорогого барахла. А ты... Нет, ты ошибаешься! Не верю, что жизнь принадлежит подонкам! И пока я жива, не дам я тебе и тебе подобным жить спокойно!

— Ого! — деланно засмеялся Валиев. — Нервы у тебя шалят, Фатима. Так далеко не уедешь.

— Уеду!

Усманжон покачал головой.

— Помнишь Ташматова? Прокурора, который жил по соседству с нами? Пятидесяти не было, а уже рубашку застегнуть сам не мог, руки тряслись. Вот куда он уехал.

— У тебя все?

— Нет, не все. Ты думаешь, мой бог — деньги?

Валиев снял с руки дорогой перстень и с силой швырнул его в открытое окно.

— И что ты этим доказал? — Сайдаматова пожала плечами. — В противоположность тебе я не выброшу даже старой ложки, потому что она куплена на мои деньги. Деньги, которые я заработала честным трудом.

— Да, доказать тебе что-либо...

Они помолчали.

— Кстати, как ты съездила в Ташкент?

— Хорошо съездила, — в тон ему ответила Сайдама-това. — Наконец-то ты заинтересовался судьбой дочери. Хотя, почему дочери? Ведь ты и не спросил о ней пока!

— Я знаю, что ее оставили в больнице, — сказал Валиев. — Помог-таки звонок Османова.

— Значит, это Османов звонил? — вырвалось у Сайда-матовой — А я-то гадала...

— Гадала! — перебил ее Валиев. — Надо не надо — тас-каешь хороших людей, а они к тебе с душой!

— Объясни, кто же эти хорошие люди?

— Пулатов, — сказал Усманжон. — Рахмат-ака. Это ведь его двоюродный брат — Османов. Рахмат-ака узнал, что Флора болеет, нажал на брата, чтобы он в Ташкент позвонил. И что ты привязалась к нему с этим Алимовым? Чарыева замучила допросами. Зачем тебе мучить и себя и людей?

— Теперь, наконец, я поняла, что тебя привело в мой дом, — усмехнулась Сайдаматова с каким-то облегчением.

— Ничего ты не поняла, — Валиев резко встал, пошел к двери. — Тебе даже не знакомо чувство благодарности. Правду говорят, — вздохнул он, уходя, — слепой на один глаз все видит только с одной стороны.

Она остановилась в дверях, несколько секунд смотрела на него не то с сожалением, не то с жалостью, потом, хлопнув дверь, закрыла на ключ.

25

Пулатов взглянул на часы: вот-вот должна была появиться Сайдаматова. Не хотелось бы, но придется ему самому говорить с ней. Он вспомнил бессвязную речь Усманжона. Нет, действительно, есть на свете люди, которым от рождения суждено быть глупцами, и делают они глупости не только по собственному желанию, но и по воле судьбы. Ругай его, не ругай — будет делать по-своему, такого не исправишь.

Ах, дурак ты, дурак, Усманжон! Упустил время, ох как упустил! Возьми ты ее в руки вовремя, когда она только-только формировалась, когда из нее можно было что угодно вылепить, шутка ли дело — свой человек на ее месте! Обидно упустить такую возможность...

Пулатов увидел Сайдаматову. Быстро зашел за угол, подождал с минуту и медленным шагом пошел ей на-встречу.

Она не видела его, смотрела куда-то в пространство, занятая своими мыслями, и ему пришлось окликнуть ее.

— Фатима Кадыровна, вот неожиданная встреча!

— Ах, это вы! Здравствуйте, — сказала она.

— Здравствуйте, здравствуйте, уважаемая!

Сладкой улыбкой он выражал, что искренне рад встрече, пошел рядом, рассуждая о погоде, о солнце, о хлопке, который — он сам это видел, когда выезжал в район, — выдался в этом году как никогда.

— Ну, как было в Ташкенте? — спросил он, меняя тему разговора. — Все в порядке?

— В порядке, — кивнула Сайдаматова, вдруг поняв, что говорить о том, как было в Ташкенте на самом деле, не имеет смысла: дело сделано, и Пулатов все равно никогда не поверит, что звонком Османова только сделал хуже, что профессор Власов не из тех, кто подчиняется звонкам.

— Я очень рад, — закивал Пулатов. — Как раз шел сейчас и думал о вас. Хотел спросить Усманжона, но он мне как-то говорил: не слишком вы его привечаете... Ну да это не мое дело, уважаемая, каждый живет по своим законам. — Он засмеялся, хотя глаза его оставались напрямленно-холодными. И он, понимая это, старался не встречаться с проницательным взглядом Сайдаматовой. Такую не обманешь, не сломаешь. Что ни говори, прав Усманжон: такие сами ломают других.

— Вам куда? — Сайдаматова остановилась, выразительно глядя на него. И он понял, что она хочет от него избавиться.

— Мне, в общем-то... — замялся он, но тут же сказал скороговоркой: — Я свободен и могу проводить вас немного.

Сайдаматова пожала плечами, понимая, что Пулатов так просто не уйдет, видно, он поджидал ее. С минуту они шли молча.

— Все хотел спросить вас, Фатима Кадыровна... — нарушил он молчание.

— Я вас слушаю.

— Не подумайте, что за себя прошу, — сказал, оправдываясь, Пулатов. — Из человеколюбия, можно сказать, беспокоюсь. О молодом парне душа болит. О Чарыеве.

— Товарищ дорогой, хороший, — неожиданно вынырнул из-за дерева мужчина в грязной, помятой сорочке. — Десять копеек, выручите, если не жалко.

Пулатов брезгливо поморщился.

— Очень надо?

— Очень, — подхватил мужчина торопливо. Хотел что-

то сказать, но так и застыл с открытым ртом, узнав Сайдамакову.

Пулатов достал из кармана мелочь:

— Десять копеек хватит или мало?

— М-м-м! — замотал головой мужчина, не в силах отвести замороженного взгляда от Сайдамаковой.

— Что, Трохин, — сказала она ему, — казанов с шурпой не осталось, теперь по десять копеек начали собирать?

— Вы его знаете? — удивился Пулатов.

— Пришлось познакомиться, — отозвалась Сайдамакова.

— Честное слово, товарищ... гражданин судья, я ничего, — залепетал испуганно Трохин, оглянувшись. За деревьями топтались два его приятеля, таких же помятых и опухших. — Не узнал вас, честное слово.

Он начал пятиться, лепеча что-то несвязное.

— Возьми, что же ты! — крикнул удивленно Пулатов. Но Трохин даже не посмотрел на него, повернулся и побежал.

За ним припустились и те, что стояли за деревьями.

Сайдамакова вдруг вспомнила, что надо связаться по телефону с Ташкентом, узнать о Флоре. Несколько раз она пыталась дозвониться до Власова, но трубку никто не поднимал, и это беспокоило ее еще больше. Неизвестность всегда действует угнетающе, вот и сейчас...

— Скажите, Фатимахон...

Сайдамакова глянула на Пулатова удивленно и неприязненно. Он поспешил оправдаться:

— Простите, что я вас так, но вы намного младше меня. И к тому же мы с вами знакомы достаточно давно.

— И все же я прошу вас обращаться ко мне по имени и отчеству, — ответила Сайдамакова.

— Пусть будет так, — согласился Пулатов. — Еще раз прошу прощения, это не повторится.

Он засмеялся, вздохнул, словно вспоминая что-то:

— Вы настроены против Чарыева, я правильно понял вас?

— Говорите яснее, — сказала Сайдамакова. — Я не понимаю вас.

— Тут и понимать нечего. — Пулатов заговорил так, словно боялся забыть что-то важное, точно его могли перебить и не дать высказаться до конца. Он напомнил, что знал Сайдамакову еще задолго до сегодняшнего дня, помнит, как впервые привез ее в город Усманжон, радовался за него: как-никак родственник, хоть и дальний. Пу-

латов вспомнил свадьбу, родственников, которых он лично пригласил по просьбе Усманжона.

— Знаете, — остановилась Сайдаматова, — я устала. Если хотите что-нибудь сказать, что поможет следствию, приходите ко мне на работу, и мы обо всем поговорим.

— Неужели вы не можете без официальных, Фатима... Кадыровна?

— Не могу.

— Но нельзя же так, милая Фатимахон! — воскликнул Пулатов. — Я подошел к вам просто как человек, к чему эти допросы, а тут еще люди ваши появились в магазине. Что вы ищете? Убийцу? Он в тюрьме! Растрату, следы ее? Но когда это было? Правильно, я не отрицаю, была растрата, недостача у Газиева, но мы сообща покрыли ее, пожалели парня. Проверьте документы...

— Так чего же вы испугались, если у вас все в порядке?

— Ничего я не испугался, — покачал головой Пулатов. — Больно мне чувствовать недверие! И от кого? От вас, которая знает меня! Вспомните, сколько я вам когда-то добра сделал, если уж пошло по-честному?

— Если по-честному... — усмехнулась Сайдаматова, но замолчала. Она хотела признаться Пулатову, что ничего не знает о людях, которые появились в его магазине, понятия не имеет, что они ищут, но в последнюю секунду раздумала говорить ему это.

— Если по-честному... то я не совсем уверена, что убийца Газиева — Алимов! — вдруг еказала она неожиданно для самой себя.

Несколько мгновений Пулатов приходил в себя, оглушенный услышанным, и Сайдаматова это заметила. Но вот он уже справился с собой, спросил с деланным возмущением:

— И это вы называете справедливостью? Алимов — убийца, а вы что же, выгораживаете его? Я, кстати, слышал, что он бывал у вас в доме, с сыном вашим дружен...

— Спасибо за напоминание, я это знаю. Но преступление-то остается преступлением. И если убил действительно Алимов, он понесет наказание. А если не Алимов... — она не закончила.

— Вы слишком верите в себя — это опасно. Очень опасно! Безгрешных людей нет... — Пулатов многозначительно посмотрел на собеседницу.

— Вы мне угрожаете? — удивилась Сайдаматова.

— Упаси бог! — запротестовал Пулатов, поднимая

обе руки. — И не думал даже! Просто хотел предупредить вас, что от ошибок и вытекающих из них последствий никто не застрахован.

Она не испугалась Пулатова, хотя в голосе его сквозило что-то такое, что настораживает, заставляет задуматься.

— Похоже на угрозу... — сказала она, внимательно всматриваясь ему в лицо. — А вы ведь чего-то боитесь, так?

— Боятся только те, кто чувствует за собой какую-то вину, — явно взвешивая слова, произнес Пулатов. — За мной ничего нет, я работаю в торговле не один десяток лет, имею звание «Заслуженный работник торговли» — это не так мало!

— Да, вы правы, — сказала Сайдаматова, — не так мало: кроме всего прочего, и звание должно работать на вас.

— Трудно говорить с тем, кто не способен воспринимать добрые советы!

— До свидания! — отрезала Сайдаматова.

Она хотела уйти, но Пулатов поймал ее за руку.

— Еще минуточку, Фатима Кадыровна!

Добродушные и просительные нотки в его голосе исчезли. Маска была сорвана — Сайдаматова поняла это по его колючему взгляду.

— Один совет на прощание, пусть даже бесполезный!

— Я слушаю.

— Знал я когда-то одного человека. Очень большой был человек, все мог, но не хотел понимать других, не слушался советов...

Он замолчал, как бы проверяя силу своих слов.

— Что же вы с ним сделали, с этим большим человеком? — в голосе Сайдаматовой прозвучала насмешка.

— Ничего, — спокойно ответил Пулатов. — Нет его. Сидит. Рядом с теми, кого раньше сажали по его указанию.

— Что же вы мне советуете?

— Вы жена, хоть и бывшая, но все же жена моего родственника, — сказал Пулатов медленно, нажимая на каждый слог. — У вас дети, в которых наша кровь. Подумайте, прежде чем принять какое-то решение.

— До свидания!

— Очень было приятно с вами побеседовать, — поклонился Пулатов, повернулся и быстро пошел назад.

— Разрешите, Фатима Кадыровна?

Сайдаматова поднялась навстречу капитану, за которым вошел молоденький лейтенант в новенькой форме. Капитан был взбудоражен, глаза его горели.

— Что-нибудь случилось, Холматжон?

— Случилось, Фатима Кадыровна! — ликовал капитан, не находя себе места, он быстро мерил кабинет широкими шагами. Многозначительно поглядывал на лейтенанта.

— Тогда рассказывайте, — Сайдаматова вернулась на свое место, жестом пригласила обоих сесть.

— Пулатов-то—наш, — не выдержал капитан, — зацепил его лейтенант.

— Так это вы взбудоражили Пулатова своим посещением? — спросила Сайдаматова лейтенанта.

— Я, — улыбнулся тот.

Потом лейтенант рассказал Сайдаматовой, почему он заинтересовался Пулатовым. Работниками ОБХСС был задержан некий Варданиян — экспедитор обувного комбината. Он выехал из ворот комбината на фургоне, груженном обувью. Проверили накладные, а они у него «липовые».

— Пришлось, конечно, попотеть, — смущенно закончил он рассказ, — но в конце концов Варданиян признался, что вывозил обувь и раньше.

— И среди клиентов своих назвал Пулатова? — не удержалась Сайдаматова.

— В том-то и дело, Фатима Кадыровна, что назвал! — воскликнул капитан. — Карим пытался проверить, поговорил осторожно с продавцами, но ничего интересного не обнаружил.

— А с Пулатовым говорили? — спросила Сайдаматова.

— Нет, — лейтенант покачал головой. — Я хотел, но Холматжан-ака...

— Я подумал, — объяснил капитан, — рано еще. Понятно, Пулатов — это не Варданиян, только спугнем. Ошибку ребята допустили, взяв его до того, как он отдал кому-то обувь. Раз он, этот Варданиян, вез ее, где-то ждали его и приняли бы. Проследить нужно было ниточку-веревочку, а уже потом...

— Ниточка есть, — сказала Сайдаматова. — Варданиян.

Она задумалась, капитан и лейтенант не мешали ей, сидели молча.

— Конечно, Газиев знал, что происходит в магазине, — начала развивать мысль Сайдаматова. — Возможно, битый не хотел участвовать в их махинациях, они боялись, что выдаст, и попытались заставить его молчать. Устроили растрату. А когда не помогло... Вопрос — при чем здесь Алимов? Работал бы он в магазине, а так...

— А так, помог случай! — вмешался капитан. — Попробую-ка еще раз поговорить с Корочкиной. И раньше мне казалось, что она что-то скрывает. Пугалась каждого вопроса, отвечала нервно. Я думал, напугана убийством, потрясение, а теперь... Слишком поспешно Чарыев ее увел, оставив вдвоем Алимова и Газиева, хотя они и поссорились перед этим. Знаете, у меня теперь почему-то вызывает недоверие поведение Чарыева в тот вечер.

— Я тоже так думаю, — согласилась Сайдаматова. — Вызывайте Корочкину, а вы, товарищ лейтенант... Просьба к вам, Пулатова пока не трогайте. Нужно еще кое-что согласовать со следователем прокуратуры, возможно, попросить у него разрешение на обыск квартиры Чарыева.

— Слушаюсь, товарищ майор.

— С Пулатовым у нас будет посложнее, — рассуждала вслух Сайдаматова. — Опыт у него в таких делах большой. Такого надо брать с поличным.

— Я это уже понял, — кивнул лейтенант. — Битый и перебитый мужик.

— Нужно узнать, когда Варданян привозил товар Пулатову, точные числа, сколько раз, кто принимал, расплачивался, — говорила Сайдаматова, а про себя что-то быстро высчитывала мысленно, проводила параллели: Алимов — Газиев, Газиев — Чарыев — Пулатов, Чарыев — Пулатов, Чарыев — Корочкина — Алимов.

27

— Ты понимаешь, что будет, если они раскрутят Варданяна? — говорил Пулатов.

В таком состоянии Валиев видел его впервые, Пулатов казался растерянным, даже напуганным. Он, человек-глыба, переживший на протяжении своей жизни столько событий, сколько другому и не снилось! Рядом кто-то падал, исчезал неожиданно, а Пулатов оставался. Делал свои дела. И вот...

— Варданиян не выдаст, — сказал Усманжон и отвел глаза.

Пулатов помолчал, глядя куда-то сквозь него.

— Когда дом горит, каждый думает о своей шкуре...

Усманжон промолчал.

— И еще он думает, — продолжил Пулатов, — почему не должен сгореть дом соседа? Когда горят двое, не так обидно.

Усманжон не ответил: он размышлял в эту минуту о себе, не понимая, что же в конце концов хочет от него Пулатов. Если он считает, что Фатиму можно уломать, то очень ошибается. Отца родного, не пожалела бы, наверное, из-за своих принципов.

Он припомнил, как всегда вспоминала она своего отца, с какой любовью говорила о нем, о его доброте. Спросил себя: а может, отца пожалела бы? И тут же ответил с горькой, чуть злорадной усмешкой: нет! Она не в него.

И потом, возвращаясь, он с тоской вспоминал весь разговор, проклинал свою слабость, отыскав в памяти тот день, когда впервые познакомился с Пулатовым. Будь проклят тот день! Будь проклята Фатима! Будь проклята такая жизнь!

И все же Пулатов прав. Прав, и от этого никуда не деться. Если Варданиян не выдержит, то Чарыев сломается от одной мысли о тюрьме, а там... Нет, об этом даже думать не хотелось.

Отбросив видимую благожелательность, Пулатов прямо говорил, что есть только один выход заставить Фатиму отступить — это Мурат.

— Но ведь это мой сын! — простонал Усманжон, глядя в лицо Пулатову.

— Ты думаешь, будет лучше, если твой сын останется без отца? — жестко спросил тот.

И Валиев замолчал. А Пулатов говорил, говорил, приводил довод за доводом.

— Сын не муж — от него она не сможет отказаться, — говорил Пулатов. — В любой женщине нет ничего сильнее материнского чувства. Надо этим воспользоваться...

А через несколько дней Сайдаматова нашла Мурата пьяным. Он лежал на кровати в своей комнате, голова была неестественно запрокинута, на полу рассыпаны несколько пятирублевок, пустые бутылки от вина, растоптанные окурки.

Она застыла, не в силах произнести ни слова. Почувствовав, что в комнату кто-то вошел, Мурат заворочался, открыл глаза, тяжело поднял голову:

— Мама, это ты?

— Что тут происходит, Мурат?

Мурат поморщился то ли от вопроса матери, то ли от головной боли, которая будто раскалывала черепную коробку.

— Встань и приведи себя в порядок, — с трудом сдержала она себя. — Я хочу поговорить с тобой.

Сайдаматова сидела на диване, внутренне сжавшись и вслушиваясь, как журчит вода в ванной комнате, как топчется Мурат перед дверью, не решаясь открыть ее. Наконец он вошел, остановился напротив матери.

— Объясни, Мурат, — не выдержала и первой начала Сайдаматова, — что все это значит?

— Ровно ничего, чтобы делать такие страшные глаза, мама, — он пытался шутить, сел рядом с матерью, хотел обнять ее за плечи.

Сайдаматова отчужденно отстранилась.

— И все же попытайся объяснить.

— А что объяснять? — с вызовом бросил Мурат. — Что у Рустама был день рождения и ребята попросили отметить его у меня? Законы общежития тебе известны, там не попряднуешь. Это тебе хотелось услышать?

Сайдаматова смотрела на него немигающими глазами и будто чего-то ждала.

— И вообще, что ты ко мне привязалась! — Мурат вскочил, пошатываясь подошел к столу, жадно припал к горлышку чайника. Демонстративно сделал несколько больших глотков, ежесекундно ожидая окрика матери, которая не выносила, когда он пил прямо из чайника. Сейчас ему особенно нравилось пить так, нравилось — и все.

— Я человек, — поставил чайник Мурат. — Понимаешь ты, просто человек, живой, с естественными потребностями, и никогда не буду таким, каким хочешь ты меня видеть.

— Откуда у тебя деньги, Мурат?

— Деньги? — он усмехнулся. — Заработал.

— Заработал? — она почувствовала, как похолодело внутри. — Каким образом?

— Не бойся, я никого не ограбил.

— Где ты взял деньги, Мурат?

— Я тебе отвечаю: заработал! И нечего на меня смотреть, будто я совершил преступление.

Он помолчал, глядя куда-то в пространство.

— Что с тобой происходит, мама?.. Ты же..: ты же в каждом поступке ищешь какой-то криминал. Почему?

— Хорошо, — согласилась Сайдаматова. — Задам тебе вопрос по-другому: как ты заработал эти деньги?

Мурат несколько секунд пристально смотрел на мать, усмехнулся горько.

— Ты несправима, мама!

— Мурат!

— Не кричи на меня! — вспыхнул он и добавил после паузы: — Не надо, мама. И чтобы покончить с этим, скажу: для беспокойства у тебя нет причин. Я честно заработал эти деньги — помог человеку приобрести мебель. У отца в магазине хороший знакомый, я помог — и человек отблагодарил меня.

— Это отец тебя научил таким заработкам, Мурат?

— Отец или не отец — что в этом плохого? Время такое, мама, все живут как могут, и ты это прекрасно знаешь.

— Не знаю, сынок, — покачала она головой. — Объясни, как все живут? Если можешь, конечно.

— Могу, — холодно ответил Мурат. — Хорошо живут. Намного лучше нас, и никто не имеет права их обвинять за это. Никто, мама! Даже ты со своими принципами. Красиво жить не запретишь...

Мурат замолчал, глядя отчужденно на мать, а она со страхом чувствовала, что теряет сына. Чувствовала, но ничего не могла сделать. Нужно было что-то говорить, как-то протестовать, но как, какие доводы она может привести, чтобы убедить, доказать? Какне?

Нет, это не Мурат сейчас говорил с ней. Снова и снова всматривалась она жадно в родные черты и видела едва уловимые черточки своего бывшего мужа. Да, это он, Усманжон, говорил с ней голосом сына.

— Нет, — прошептала она едва слышно. — Ты не можешь так говорить! Не можешь так думать, Мурат! Ты ведь мой сын, сын!..

Мурат ушел спать, а Сайдаматова еще долго сидела в темной комнате, и все слышался ей раздраженный голос сына: «Красиво жить не запретишь».

«Красиво жить не запретишь!» — фраза Усманжона. Он любил повторять ее. Однажды он пришел домой радостный, возбужденный.

— Заживем скоро, Фатима! — обнял он ее. — Как люди заживем, все у тебя будет.

— А разве мы сейчас не как люди? — засмеялась она.

— Нет, — покачал он головой. — Так бы жить всю жизнь я не хотел. Хочу красиво жить, красиво!.. Ты не думай ни о чем, это дело мужа устроить жене красивую жизнь.

Потом она узнала, что Усманжону предложили работу заведующего столовой и пообещали, что это для начала. Она шутила, пробовала высмеивать его. Инженер, и вдруг заведующий столовой. Он только отшучивался, не переча ей. И она смирилась, не подозревая, что с этого дня в отношении их ворвалось нечто новое, такое, что со временем сделает их чужими, врагами.

28

Капитан ворвался в кабинет Сайдаматовой с таким видом, будто произошло нечто невероятное.

— Полюбуйтесь, товарищ майор! — он торжествующе положил перед ней толстую тетрадь.

Сайдаматова уже привыкла к экспансивному характеру своего помощника, пожала плечами, открыла тетрадь, подняла глаза на капитана.

— Дневник?

— Вы перелистайте, перелистайте! — торопил капитан. Потом не выдержал, зашагал по кабинету. — Теперь они у нас в руках, Фатима Кадыровна. Представляете, всю ночь не спал. Надо же, такие дела под носом у нас происходили, а мы ничего не знаем.

Сайдаматова не слушала его, быстро листала дневник, в котором со скрупулезной точностью описывались — день за днем — люди и факты, приходы и расходы.

— Чей? Откуда? — наконец подняла она глаза на следователя.

— Чарыева, — выдохнул капитан. — Мы, пока он был на работе, аккуратно с квартирой его познакомились. Ну и нашли. Дурак, такой документ держал у себя. И самое главное, — он помолчал многозначительно. — Если внимательно прочитаете... там есть очень интересное и для вас, Фатима Кадыровна. Об убийстве Газиева...

Пулатов был разъярен:

— Писатель нашелся! Пушкин! Достоевский! Сопляк, козел ободранный! Ты нас всех под петлю подвел, идиот!

Он подскочил к Чарыеву, с силой ударил его кулаком по лицу, потом еще, еще раз. Тот не сопротивлялся, слабо прикрывал голову, только ойкал, размазывая по лицу кровь.

— Я все, все на себя возьму, Рахмат-ака! — плакал он. — Я никого не выдам, поверьте. Матерью клянусь! Может, он и не к ним в руки попал...

— А куда же он мог попасть, осел безмозглый! К твоей покойной бабушке?! — снова взорвался Пулатов. — Ты что там записывал? — задыхаясь, он опустился на стул. — Что писал? Тебя спрашиваю?!

— Не знаю... Не помню сейчас, Рахмат-ака... — дрожа всем телом, оправдывался Чарыев.

— Про Варданяна писал?

Чарыев беззвучно кивнул, прижался к стене, ожидая новых ударов.

— Про товар, который он привозил? — Пулатов смотрел на него страшными глазами.

— Не все, — едва слышно прошептал Чарыев.

— Про меня тоже писал?

— Может, зря мы в панику бросаемся, Рахмат-ака? — не выдержал Валиев.

— Ты действительно ничего не понимаешь или дурак?! — закричал на него Пулатов. — Ведь этот кретин нас всех под статью подвел своим дневником. Он же сам признался: каждый день там записывал, что и где делал, кого встречал, кто ему что дал! Это же дневник! Дневник! И он сейчас наверняка у твоей Фатимы в руках. Понял наконец?!

— Это так? — вздрогнул Усманжон, глядя на Чарыева. Тот глотнул слюну, кивнул.

— Я не хотел, Усманжон-ака! Я сам пойду и во всем признаюсь...

— Подотрись своими признаниями, теперь они им не нужны! Ты сделал свое дело! Пошел вон отсюда, чтобы глаза мои тебя не видели! Вон!!! — заорал Пулатов, запуская пепельницей в голову Чарыева.

Тот пулей вылетел из кабинета, а Пулатов начал бешено накручивать диск телефона.

— Я сказала все, что знала, — говорила Корочкина, боясь встретиться с глазами Сайдаматовой. — И надоело мне все это: вызываете, вызываете — сколько же можно?

— Скажите, Лида, и, если можно, простите меня за подобный вопрос: в каких вы отношениях с Чарьевым?

— Ни в каких! — резко ответила Корочкина, покраснев, добавила: — Нет у меня с ним никаких отношений.

— Вы боитесь его, почему?

— Я никого не боюсь.

— Боитесь. И потому не рассказываете всего, — она покачала головой, достала из стола дневник Чарьева, открыла нужную страницу. — А зря, зря...

Корочкина вскинула на нее глаза, но ничего не сказала.

— Мы случайно обнаружили дневник Чарьева, — сказала Сайдаматова.

— Дневник? — изумилась Корочкина. — Зачем ему это?

— Не знаю, — улыбнулась Сайдаматова. — Наверное, писателем хотел стать, на факультете журналистики недоучился... Просматривая дневник, я обнаружила любопытную запись, — продолжала она. — Прочитать?

Корочкина пожала плечами.

— Прочитайте, если хотите.

— «Нужно поговорить с Л. К., чтобы не болтала, чего не надо. И Рахмат-ака говорит: она может выдать...»

— Что я могу выдать? — не выдержала и покраснела Корочкина. — И почему вы решили, что там именно обо мне?

— Значит, вы утверждаете, что не о вас? — Сайдаматова посмотрела ей в глаза.

— Когда он это написал?

— Четырнадцатого февраля. Через день после того, как был убит Газиев.

Стало тихо. Сайдаматова видела, что Корочкину что-то мучает, что она пытается сдержать себя, видела, но молчала, ждала.

— Я ничего не знаю, — Корочкина заплакала. — Ничего не знаю, оставьте меня в покое. Прощу вас!

— Может быть, мне попробовать допросить Корочкину? — говорил капитан. — Нажать чуть-чуть?

— Не надо, — ответила Сайдаматова. Она думала о чем-то своем. — Сейчас нам нужен Чарьев.

— Ищем. Как сквозь землю провалился, — кивнул капитан. — Ничего, от нас не сбежит.

— Не сбежит, — согласилась Сайдаматова, — но нам он нужен как можно быстрее. Пока он не успел собрать-

ся, обдумать все. Сейчас он напуган, не знает твердо, за что мы зацепимся. Найдите его,— поднялась она.

— Найдём,— сказал твердо капитан и тоже встал.

У двери он обернулся, неуверенно посмотрел на Сайдаматову.

— Вы что-то хотите мне сказать? — удивилась она.

— Да... Понимаете, Фатима Кадыровна, мне ребята сказали. Из ОБХСС...— он замялся.

— Говорите; я слушаю,— нахмурилась Сайдаматова.

— Поговорили бы вы с сыном, Фатима Кадыровна. С подозрительными людьми его стали замечать.

Сайдаматова похолодела внутренне, сжала пальцами край стола.

— Беспокоиться пока нет причин,— торопливо заговорил капитан,— но... вы сами хорошо знаете... в нашей работе со всяким можно встретиться.

— Он...

Голос Сайдаматовой дрогнул.

— Ничего,— замотал головой капитан.— Я подумал, что Валиев... он у ребят давно на примете. Отец, конечно, есть отец, но теперь Мурат слишком часто стал бывать в окружении людей, связанных с Валиевым.

— Спасибо, Холматжон,— сказала Сайдаматова, ощущая, как горят щеки.— Я поговорю с сыном. А вы найдите мне Чарыева.

— Все понял,— кивнул капитан и закрыл за собой дверь.

29

Сайдаматова сидела рядом с водителем дежурной машины и, не замечая дороги, подгоняла его.

— Быстрее. Неужели нельзя ехать быстрее!

— Как попадешь под красный свет, всю дорогу так будет,— тихо ворчал водитель.

Сайдаматова не слышала его. Сейчас она думала о Корочкиной, которую в тяжелом состоянии доставили в больницу. Ножевое ранение в области живота. Случайность или закономерный шаг преступника?

Если не случайность, то она, она одна виновата в том, что вовремя не предупредила девушку. Чувствовала ведь, что та сказала на следствии не все. Чувствовала, но не «дожала» — «дожал» другой, Чарыев.

В больнице ей пришлось получить разрешение главного врача. Корочкина была действительно в очень тяжелом

состоянии: только-только пришла в себя после операции.

Сайдаматова даже не сразу узнала девушку — так она почернела, похудела, осунулась.

— Это он,— едва слышно сказала Корочкина, глядя на Сайдаматову. Из глаз ее выкатились две слезинки.

— Чарьев?

— Что я ему сделала?..

Она закрыла глаза. Сайдаматова быстро глянула на врача, который подошел к Корочкиной, послушал пульс.

— Придется вам уйти,— сказал он.— Она без сознания...

Полковник молча оглядел собравшихся, постучал пальцем по столу.

— Кто хочет высказаться?

Все молчали.

Сайдаматова почувствовала, что полковник смотрит на нее, подняла голову. Встретив его вопросительный взгляд, поднялась.

— Можете сидеть,— остановил ее полковник.

— Ничего, я привыкла говорить стоя,— сказала Сайдаматова.— Дело Газиева, товарищ полковник, почти ясно. Как я докладывала вам ранее, Алимов невиновен.

— Но ведь он признался в убийстве,— заметил один из следователей.

— Алимов невиновен,— повторила Сайдаматова, не оглядываясь на того, кто удивился ее сообщению,— и я надеюсь, что очень скоро представлю вам доказательства.

— Но для этого вам нужен Чарьев, так? — спросил полковник.

— Он нужен не только мне, но и по делу Варданяна,— сказала Сайдаматова.

— Что скажешь, майор? — обратился к молодому начальнику уголовного розыска Шайхову полковник.— Когда ты найдешь Чарьева?

— Найдем,— улыбнулся Шайхов.— Ребята мои уже которую ночь не спят.

— И не будут спать, пока не найдут его.

— Не будут, товарищ полковник,— согласился Шайхов.— И я думаю, через несколько дней вы сможете допросить этого Чарьева.

— Очень надеюсь,— кивнул полковник.— Теперь перейдем к следующему вопросу...

У Мурата кто-то был. Сайдаматова это поняла, как только открыла калитку и вошла во двор. В комнате Мурата светился торшер и играла музыка.

Она нахмурилась, представляя себе разговор с сыном, но тут же постаралась подавить поднимающееся раздражение.

Ну почему она так категорична? Почему ее раздражает, если к Мурату кто-то приходит? Что в этом плохого, он молодой парень...

Парень! Что-то будто укололо ее в самое сердце.

Он почти взрослый, а она обращается с ним, как с маленьким ребенком, не хочет замечать, что он вырос. Вырос! И стал вполне самостоятельным. Она, стараясь не шуметь, открыла дверь и прошла на кухню. Ужасно болела голова, и ей вдруг нестерпимо захотелось крепкого горячего чая. Как в студенческие годы, когда без стакана крепкого чая после бессонных ночей, проведенных над учебниками, она не могла выйти на улицу. Подруги, помнится, посмеивались над ней: совсем стала наркоманкой, смотри, как бы цвет лица не испортился, замуж не вый-дешь!

Замуж она вышла, и те же подруги, которые снисходительно над ней подшучивали, потом с завистью говорили между собой: «Отхватила же себе жениха! А еще тихоней прикидывалась!»

«Совсем как тогда», — улыбнулась Сайдаматова, бросая в чайник большую ложку заварки. Последнее время, вернее — годы, она пила чай или кофе, совсем не ощущая вкуса, пила, как воду — горячую, безвкусную воду.

— Мама, это ты? — На кухню заглянул Мурат, шелкнул выключателем. — А почему в темноте?

— Чаю захотелось крепкого, сынок, — сказала Сайдаматова, присаживаясь на табуретку.

— В темноте?

— Задумалась я и не заметила, — засмеялась она. — У тебя гости?

— Так, — помялся он. — С курса нашего ребята и девочки. Ты не против?

— Не против, — ответила Сайдаматова неожиданно для себя. — Только громко очень... Можно немного потише музыку, Мурат?

— Можно, конечно!

Он несколько секунд удивленно смотрел на мать, повернулся к двери.

— Мурат!..

— Да, мама,— обернулся он.

— Нет, нет,— качнула она головой.— Я просто... вам ничего не нужно?

— Ничего,— еще больше удивился он.— Что-нибудь случилось, мама?

Он тревожно всматривался в ее лицо, стараясь определить причину такой неожиданной заботы.

— С Флоркой что-нибудь, мама? — голос его дрогнул.

— Ну почему обязательно что-то должно случиться? — удивилась в свою очередь Сайдаматова.— И с Флорой все в порядке. Я звонила — профессор сказал: через месяц-полтора она будет полностью здорова.

— Понятно,— кивнул он, хотя по лицу его было видно, что он полностью сбит с толку и не знает, что делать: уйти или продолжать этот необычный разговор.

Он не привык к такому обращению, не привык видеть мать такой (он никак не мог найти слово, чтобы охарактеризовать ее в эту минуту). И она поняла его и тоже смотрела ему в глаза, удивляясь тому, что действительно не заметила, как он вырос. Вон и усы пробились над верхней губой. Наверное, уже бреется потихоньку?

Ей захотелось встать и провести ладонью по его щеке, удостовериться в чем-то.

— Мурат, подойди ко мне.

— Зачем? — все больше удивляясь, он шагнул к матери.

Сайдаматова потянулась к сыну, коснулась его щеки.

— Ну что ты, мама! — отдернулся он, как от удара.— Что с тобой сегодня, не пойму?

— Ничего,— засмеялась Сайдаматова.— Просто у меня лирическое настроение. А разве это плохо?

— Не знаю,— пожал он плечами. Помолчал.— Я пойду?

— Иди,— кивнула она.

В дверях он остановился.

— Ты к нам не зайдешь, мама?

— Если ты пригласишь, зайду,— вдруг поднялась она.— Приглашаешь?

— Пожалуйста!

Она видела, что сын ошарашен ее согласием, внутренне засмеялась, пошла вперед.

— Знакомьтесь, это моя мама,— сказал громко за ее спиной Мурат. Слишком, пожалуй, громко, потому что все и так замолчали, повскакивали со стульев.

В комнате были два парня и три девушки. Все в джинсах, модных батниках. «Джинсовая молодежь»,—вспом-

дила она выражение кого-то из коллег, но тут же поставилась изменить ход мыслей.

— Здравствуйте,— она прошла к дивану, села.— Что же вы замолчали? Или я помешала?

— Нет, нет,— встрепенулась одна из девушек.— Ты очень правильно сделал, Мурат, что пригласил маму. Мне, например, очень давно хотелось поговорить с вами, послушать о работе. Ведь это очень интересно: кругом преступники, убийцы, бандиты, и вдруг перед ними женщина!

— Ну, Светка, завелась! — поморщился Мурат.

— Вы, наверное, староста группы, Светлана? — улыбнулась Сайдаматова.

— Почему именно староста? — тряхнула та светлыми локонами.— Я комсорг.

— Я так и думала,— засмеялась Сайдаматова.

Остальные тоже засмеялись. Светлана снисходительно оглядела товарищей, посмотрела на Сайдаматову.

— Между прочим, Фатима Кадыровна,— заговорила она чуть с вызовом,— когда вы идете по улице, тоже сразу становится ясно, что вы либо следователь, либо человек, который... ну, занимает ответственный пост.

— Светка, перестань! — одернула ее одна из подруг.

— А разве не так?

— Так,— согласилась Сайдаматова, сразу став серьезной.— Каждая работа накладывает на человека свой отпечаток...— она посмотрела на сына.— Мурат, мне кажется, твои гости заскучили.

Один из парней украдкой вытащил из-за портьеры бутылку сухого вина, но девушки состроили такие страшные глаза, что он тут же сунул ее обратно.

— Веселитесь, что молчите? — не выдержал Мурат.

— Дождь, наверное, будет! — сказал тот, что стоял у окна и старательно прятал бутылку с вином.

— Ты что, сдурел! — деревянно засмеялся Мурат.— Какой сейчас может быть дождь?

— Мне пора,— поднялась Сайдаматова.— Вы тут веселитесь, а у меня дела.

— Как? — удивилась Светлана.— Дела после работы?

— У мамы всегда дела,— ответил Мурат, украдкой показывая ей кулак.— В милиции нет выходных.

— Это понятно,— согласился тот, что стоял у окна.

Сайдаматова сделала вид, что не видела ничего, вышла из комнаты. На душе было тяжело. Тяжело, потому что она была чужой этим ребятам, чужой даже своему

сыну. Они словно бы говорили на разных языках. Почему? Несовместимость поколений?

Чушь какая-то! При чем здесь несовместимость поколений! Просто она не может найти с ними общий язык. Не может...

Сайдаматова со страхом подумала о том, что, может быть, в этом и заключается причина отчуждения от нее Мурата. Может быть, она во всем виновата сама: не заметила, как оттолкнула от себя сына, занятая работой?

Но ведь именно та работа, которую она делает, кормит его, дает ему возможность спокойно учиться, спать, есть, не думать о том, что он будет надевать завтра! Ведь ей, бывало, приходилось...

«Ну вот,— услышала она скрипучий голос Санобар, подруги по университету, с которой случайно встретилась три года назад на семинаре судебных работников в Ташкенте.— Ты еще времена наших дедушек вспомни! — и со вздохом добавила: — Мой Санжар сразу мне сказал: «Если не можете обеспечить своего сына, купить ему порядочную одежду, так и скажите — я сам все заработаю. Пойду и заработаю. Грузчиком пойду! Не хочу в институте позориться: все в фирме, а я...» А фирма эта по двести пятьдесят рублей, по триста, ты представляешь себе, Фатима! — говорила Санобар.— Пришлось купить, что делаешь. Иначе бы институт бросил».

Сайдаматова вспомнила, что очень удивлялась тогда своей подруге, сама она ни за что не пошла бы на уступки сыну: хочет пойти работать — пожалуйста! Иди, заработай себе на фирменные джинсы!

Нет, она бы ни за что не согласилась купить Мурату какие-то джинсы за триста рублей! Ни за что!

Но почему? Потому, что это дорого, или потому, что она просто противница слепого поклонения перед всем западным? Что ее раздражает — то, что она не может себе позволить тратить такие огромные деньги на какие-то брюки, или нечто другое?

Если первое, то почему она в категоричной форме запретила Мурату принять от отца джинсы? Запретила и проиграла: через некоторое время все равно увидела их на сыне, увидела и промолчала. Не хотелось ссоры...

Она лежала с открытыми глазами, слышала, как разошлись гости сына, как последний раз хлопнула калитка, шелкнул ключ в дверях. Сайдаматова услышала осторожные шаги Мурата, который остановился, прислушиваясь перед дверьми, спит она или нет.

Натужно скрипнули петли. Она поморщилась: сколько раз говорила ему, нужно смазать петли, неужели это трудно — пропитать маслом клочок ваты и провести по железу?

Тонкая полоса света разделила комнату на две половины.

— Мама, ты спишь?

— Нет. Входи, что же ты?

— Да нет, — Мурат хотел закрыть дверь. — Я просто не знал — спишь ты или нет.

— Войди, Мурат, — она села, поправила волосы, прикрылась пледом. — Я хочу поговорить с тобой.

Мурат сел в кресло, вытянул ноги и замер в ожидании, всем своим видом выражая привычную готовность без возражения снести ее проповеди. Что она решила его проработать, в этом он не сомневался. Но молчание затягивалось, и он не выдержал, спросил недоуменно:

— Что ты хотела мне сказать, мама?

— Ты часто видишься с отцом?

— А почему это тебя вдруг заинтересовало?

— Потому что ты мой сын.

— Только поэтому? — усмешка скользнула по его губам.

Сайдаматова постаралась не заметить ее.

— Встречи ваши стали слишком частыми, почему, Мурат? Кто их ищет, ты или... отец? — запнулась она, не зная, как назвать Валиева.

— Он мой отец, как ты сама только что выразилась, — хмыкнул Мурат. — Мы оба ищем друг друга... — Он замолчал, собираясь с мыслями. Сайдаматова не мешала ему, ждала. — И вообще, не слишком ли, мама, ты встречаешь в мою жизнь?

— Поясни.

— Не перебивай, пожалуйста, — поморщился Мурат. — Я, как видишь, это и делаю. Я мужчина. Мне нужно мужское общество, и для этого у меня есть отец, всеми уважаемый человек.

Теперь усмехнулась Сайдаматова. И Мурат не удержался, чтобы не заметить раздраженно:

— И не надо так улыбаться, мама! Не надо!

— Продолжай, что же ты.

— Он мне нужен, вот! — выкрикнул с вызовом Мурат. — И отец любит меня, любит!

Стало тихо.

— Я тебя тоже люблю, Мурат, — вздохнула Сайдама-

това, со страхом чувствуя, что не может найти точку опоры в разговоре, что сын ее не понимает.

— Ты?

— Я,— у нее пересохло в горле.— Ты сомневаешься в этом, сынок?

Он отвел глаза, помолчал.

— Не знаю, мама.

— Что ты не знаешь, Мурат? Сынок, посмотри на меня.

Мурат неохотно поднял на нее глаза.

— Что с тобой происходит?

— Я уже ответил.

— Мурат...

— Знаешь, мама, я часто, особенно последнее время, задаю себе вопрос: зачем мы тебе?

— Кто? — похолодела она.

— Я и Флора. Ведь ты из породы людей, которые живут только своей работой.

— Мурат!

— Не перебивай меня! — крикнул он.— Ты сама хотела этого разговора.

— Да, да — торопливо согласилась Сайдаматова.— Прости меня, ты прав. То есть я не то хотела сказать. Ты не прав, но все равно продолжай. Я погом. потом скажу.

— Скажешь,— согласился Мурат.— Конечно, скажешь, но сначала ответь мне: почему ты разошлась с отцом?

— Я говорила тебе, мы совершенно разные люди.

— Мужчипа и женщина не могут быть одинаковыми.

— Я не шучу, Мурат.

— Я тоже. Он мне рассказывал, что давал тебе все. Ты имела все, что положено женщине. Ведь это было так, ответь честно, мама?

— Не все, Мурат, в жизни мерится деньгами,— сказала устало Сайдаматова.

— Не все, но очень многое. Ты ушла от отца, сразу сделав нас если не сиротами — это, наверное, было бы слишком сильно сказано,— но все же отняв у нас что-то хорошее, это так. А почему? Почему ты тогда не подумала о нас, о своих детях, которых вы с отцом произвели на свет? Почему, ведь ты сама выбрала его в мужа, тебя никто не заставлял, так?

— Он тогда не был таким.

— Значит, он испортился потом, когда вы стали мужем и женой?

— Мурат, как ты со мной разговариваешь!

— А как бы ты хотела, чтобы я с тобой разговаривал?

— Ты... ты всегда делаешь так, как хочется тебе, не думая об окружающих. И обо мне тоже сейчас не думаешь.

— Мурат!

Сердце Сайдаматовой разрывалось от горя и боли, но слова, с помощью которых она сейчас могла бы оправдаться перед сыном, вдруг разом покинули ее. Их не стало, они вдруг показались ей никчемными, пустыми. Еще немного — и она не выдержит, заплачет.

— Я понимаю, тебя тревожат дорогие вещи, которые последнее время стали появляться у меня, так? — и не дождавшись ответа, Мурат продолжил: — Ну и что же? Что в этом плохого? Я его сын. Если хочешь, наследник. Я...

— Помогаю ему, выполняю разные поручения, — подсадила Сайдаматова.

— А если и так, что из того?

— Много, очень много, сынок. Понимаешь, мне страшно за тебя. У меня ведь никого, кроме вас — тебя и Флоры, никого нет. И я не переживу, если с вами что-то случится.

— Да что случится! Разве только отец живет так, сейчас все... Одна ты у нас святая, а мы люди, люди, понимаешь?

— Мурат, замолчи! — с ужасом воскликнула Сайдаматова.

— Пожалуйста, — он встал. — Я могу уйти?

— Какая-то стена пролегла между нами, Мурат, — вместо ответа сказала Сайдаматова. — Мы стали... становимся чужими... Почему?

— Не знаю, мама.

Он пошел к двери, каждую секунду ожидая, что она окликнет его, остановит. Но она молчала.

— Скажи, мама, — обернулся он на пороге. — Если вдруг... неожиданно бы что-то произошло и я был бы виноват... Ты попыталась бы сделать что-то? Выручить?

Она молчала.

— Вот и ответ на все твои вопросы, мама.

Он ушел, даже не попрощавшись, не пожелав ей спокойной ночи, что он обычно делал с механической точностью. Ушел, а она еще долго не могла уснуть. Беззвучно плакала, ощущая свое одиночество, бессилие и потерянность. Неужели так будет всегда на земле в отношениях между людьми, в мягущейся материнской душе?

Пулатов развил кипучую деятельность. Знакомые и друзья удивлялись, откуда у человека в таком возрасте столько энергии. Многие нужно было сделать директору универмага: привести в порядок дела в самом универмаге, очистить склады от лишнего товара, проверить старые накладные, отправить к родственникам особо ценные вещи, наличные деньги (сберегательной книжки он не имел никогда, предпочитая наличные и золото). Одновременно нужно было осторожно связаться с поставщиками «левого» товара, предупредить, что на время следует «уйти на дно», переждать. И эти переговоры он должен вести только сам, потому что Чарьев не появлялся — сбежал куда-то.

Но это Пулатова устраивало, хотя он понимал, что долго Чарьеву не продержаться, поймать его поймут, но время пока есть. Пока...

— Чертов дневник,— тихо говорил один из гостей Пулатова, украдкой бросая внимательные взгляды на хозяйина дома, погруженного в свои думы.— Не будь там записей о Варданяне...

— Тебя уже вызывали? — задал ему вопрос другой.

— Пока нет,— покачал тот головой.

— Вызовут,— уверенно сказал первый.— Ниточка одна, а Сайдаматова...

В комнату вошел один из помощников Пулатова, склонился к уху, что-то прошептал. Все замолчали, вопросительно посмотрели на хозяина дома.

— Где он?

— Во дворе ждет,— ответил подобострастно помощник.

— Пусть сюда идет,— сказал Пулатов.— Что он там стоит, зови в дом.— И пояснил гостям: — Усманжон пришел.

— Думаете, он сможет чем-то помочь?

— Заставим.

Пулатов глянул на своего двоюродного брата. Тот улыбнулся краем губ, кивнул, как бы подбадривая его.

Нет, конечно, так просто сдаваться он не собирается. Но для этого нужно заставить Валиева делать то, что нужно, и он, Пулатов, это сделает во что бы то ни стало...

Усманжон сидел перед ним, отводил глаза, будто боялся чего-то, — и не напрасно. Ему было чего бояться.

— Ты должен это сделать, понимаешь, должен! — жестко сказал Пулатов, глядя на Валиева.

— Но ведь Тимур...

— Это твой сын, но под вилы иду не только я, ты это понимаешь, Усманжон? — Пулатов пытался говорить как можно мягче.— Сяду я, сядет Варданян, о Чарыеве я и не говорю, он горит бензином...

— Рахмат-ака...

— Слушай, что я говорю. Неужели ты думаешь после того, что заварила твоя жена, остаться в стороне? Ты, мальчишка!

— Рахмат-ака! — красные пятна выступили на лице Усманжона. Он скрипнул зубами.— Не надо со мной так говорить, ведь я...

Он замолчал.

Пулатов усмехнулся, глядя ему в лицо.

— Ну, что ты? Что ты есть на сегодняшний день без меня? Или забыл, кто тебя на ноги поставил, человеком сделал!

— Человеком! — с болью воскликнул Усманжон.— Эх, Рахмат-ака, человеком вы меня сделали! Да будь проклято такое положение, когда нужно постоянно бояться чего-то, играть жизнью близких тебе людей. Это вы называете «на ноги поставил»?

— Вот ты как заговорил!

Пулатов несколько секунд пристально вглядывался в его глаза, и Валиев не выдержал, потупился.

— Звони! — властно приказал Пулатов и подвинул к Усманжону аппарат.— И не бойся, ничего с ним не случится, я тебе обещаю.

Валиев помедлил, потом снял трубку и начал набирать номер. Пулатов усмехнулся, наблюдая за дрожащими пальцами Усманжона.

Пронзительно, будто из другого города, зазвонил телефон. Сайдаматова сняла трубку.

— Алло!

В трубке молчали.

— Алло, я слушаю,— повторила она. Подождала секунду, бросила трубку на рычаг.— Черт знает что происходит!

В ту же секунду в кабинет вошел капитан с папкой в руках. По лицу Сайдаматовой он понял, что она чем-то расстроена, положил папку на стол.

— Случилось что-нибудь, Фатима Кадыровна?

Она посмотрела на него рассеянным взглядом, не слыша вопроса и в то же время стараясь понять его.

— Вы что-то сказали?

— Случилось что?

— Нет, нет,— Сайдаматова вздохнула, устало взглянула на капитана.— Ерунда какая-то,— не выдержала она вдруг.— Третий раз звонят, поднимаю трубку и—молчание.

— Может, автомат не срабатывает?

— Три раза?.. Ладно. Так что там у вас?

— Разрешите, Фатима Кадыровна? — вошел в кабинет ревизор и, глянув на капитана, добавил: — Извини, товарищ Холматов. Решил с тобой зайти, а то когда еще поговорю с Фатимой.

— Садитесь, пожалуйста, Иннокентий Семенович,— улыбнулась Сайдаматова, выходя из-за стола и усаживая ревизора на свободный стул.— Давно с вами не виделась, а вы все такой же. Почти молодой!

— А ты все такая же,— хитро улыбнулся ревизор.— Почти старая!

Они засмеялись, каждый вспоминая что-то свое.

— Что-нибудь нашли?

— А ты как думаешь? — прикрыл один глаз ревизор.— Сафронов хоть и старик, но нюх у него не хуже, чем у молодых.— Он протянул Сайдаматовой папку.— Смотри сама.

Пока Сайдаматова изучала бумаги по делу о хищениях на обувном комбинате, ревизор и Холматов выкурили не по одной сигарете, вскипятили и выпили два чайника чаю в полнейшей тишине.

— И ниточка-то куда, ниточка к самому Пулатову идет, через Чарыева и Варданяна, Фатима Кадыровна,— не выдержал ревизор, когда она перевернула последнюю страницу дела и подняла глаза.

— Как же вы докопались до всего этого? — спросил Холматов ревизора.

— Работа такая, капитан.

— Мы с Иннокентием Семеновичем и не такие дела распутывали,— погладила его по плечу Сайдаматова.

— Любил я с тобой работать,— лицо старого ревизора просветлело.— Чутье у тебя всегда было отменное, ни разу осечки не случилось.

— Ни разу? — лукаво спросила Сайдаматова.

— Ни разу,— убежденно ответил ревизор.

— Как же не случилось? — не унималась она.— Забыли или притворяетесь, а?

— Это с шелком, что ли?

Сайдаматова молча кивнула. Капитан, не скрывая своего удивления, смотрел то на Сайдаматову, то на старого ревизора.

— Так ведь это не ты, начальник твой напортил, а ты ни слова. На себя взяла.— Он помолчал.— Эх, не вовремя я тогда в больницу попал. Хорошо еще, выговором отделалась. Как фамилия его была, дай бог памяти?

— Ему два года до пенсии оставалось,— сказала Сайдаматова, вспоминая далекое время.

— Ошибки у всех бывают,— сказал капитан и осекся, поймав укоризненный взгляд Сайдаматовой.

— В вашей работе ошибаться нельзя,— вдруг сразу стал серьезным Сафронов.— Дорого это слишком обходится.

Потом они долго обсуждали все подробности хищений, которые вот уже третий год совершались на экспериментальном обувном комбинате. Сайдаматова и Холмагов задавали вопросы, Сафронов отвечал обстоятельно, но без лишних подробностей.

— Хороший старик,— заметил Холматов, когда за Сафроновым закрылась дверь.— Чудной только. Наверное, из старых интеллигентов?

— А что, как честный человек, так обязательно из старых интеллигентов? — усмехнулась Сайдаматова и, помрачнев, сообщила: — У этого «чудака» двое сыновей погибли. Жена не выдержала и тоже умерла через год после этого.

— У меня тоже брат матери, мой родной дядя, погиб на войне,— покраснел Холматов и отвел глаза.

— У Иннокентия Семеновича сыновья погибли уже после войны! Работали в уголовном розыске и погибли в один день.

— Простите, Фатима Кадыровна, я не думал...

Помолчав, Сайдаматова спросила:

— Когда же поймают Чарыева?

— Скоро,— быстро откликнулся капитан.— Есть один адрес, ребята там наши засели. Появится, никуда не денется.

Усманжон сидел в своей машинке недалеко от входа в городской отдел внутренних дел. Часы показывали начало восьмого, и неизвестно было, сколько ему еще придется

проторчать здесь: Фатима могла задержаться до поздней ночи.

Он вздохнул, поглубже вдавился в сиденье.

Никуда не денешься. Нужно ждать, хоть до утра. Когда горит дом соседа, надо тушить огонь, чтобы не перекинулся на твой дом.

Подумал так и криво усмехнулся. вот как хорошая поговорка для нехороших дел пригодилась... Запутался, Усманжон, а?

Сайдаматова появилась совсем неожиданно, остановилась в нескольких шагах от его машины, выжидая, когда можно будет перейти на другую сторону.

«Как же я не увидел, когда она вышла?» — ругнул себя Валиев, включая зажигание. Машина мягко тронулась и подкатила к Сайдаматовой.

— Фатима!

Валиев открыл дверь, по-молодому энергично выскочил из машины.

— Здравствуй!

— Здравствуй,— ответила Сайдаматова.— Что ты здесь делаешь?

— Тебя жду,— ответил Усманжон и показал на машину.— Садись, подзезу.

— Не слишком ли часто ты стал меня подвозить? Что тебе нужно опять?

— Да перестань, Фатима! Что за глупости!

Валиев взял сетку из рук Сайдаматовой и решительно шагнул к машине. Сайдаматова подумала и села на заднее сиденье.

— Как дела?

— Я для этого тебе понадобилась?

— А почему бы и нет? — попробовал пошутить Валиев.— Почему я не могу интересоваться, как живет моя жена, пусть даже и бывшая.

— У тебя появились первые признаки ностальгии по прошлому? Стареть начал, Усманжон!

— Все мы стареем...— Он обернулся к Фатиме.— Зайдем перекусим, как когда-то в молодости?

Она не успела возразить. Машина остановилась возле современного кафе. Вотчина Валиева. Сайдаматова видела, как официантки на втором этаже прилипли к стеклам огромных окон: с кем это приехал Усманжон Валиевич?

— Я привыкла ужинать дома, — сказала Сайдаматова и поморщилась, чувствуя, что пойдет с Усманжоном вопреки логике и желанию. Будто какая-то неведомая сила

толкала ее, заставляла идти за ним. Она удивленно слушала себя, смотрела на Усманжона, открывая для себя, что годы совсем не сказались на нем, что он почти не изменился, не постарел, даже волосы остались такими же черными и густыми, как двадцать лет назад.

— Я прошу, Фатима! — он чуть коснулся ее руки. — Мне очень хочется поужинать с тобой.

У входа их встретил завзalom.

— Пожалуйста, Усманжон Валиевич! — он указал на накрытый столик справа от пустой эстрады...

— Выпьешь? — Усманжон начал открывать коньяк.

— Не пью, ты это знаешь.

— Знаю, — согласился Усманжон. — А вдруг мир изменился, что-то произошло, а я не заметил, — пошутил он.

— Не изменился.

— А я выпью с твоего разрешения.

Он налил себе коньяк, выпил, закусил лимоном.

— Сахар забыли, черти, — оглянулся он, сделал знак кому-то.

Через минуту принесли сахарную пыль. Потом принесли шашлык и самсу.

Сайдаматова положила себе салат, начала есть. Усманжон сделал то же самое, положил Фатиме ломтики холодного языка.

— Хорошее место, — говорил Валиев, тщательно пережевывая мясо. — Терек-мазар, центр был, все приезжие сюда приходили, отдыхали.

— На месте этого кафе чайная была, — сказала задумчиво Сайдаматова. — А там, через дорогу, наш детский дом.

— Значит, бегали из детского дома пить чай в этой забегаловке? — усмехнулся Валиев.

Сайдаматова не ответила. Он понял, что сказал не то, попробовал переменить тему.

— Ты помнишь Набиева? Он и решил на этом месте кафе построить. Тогда он был заведующим кустом. Построил, набил холодильники свежей бараниной, хороших поваров набрал сюда. Народ пошел: все хотят обедать там, где хорошо готовят. Нет же, нашелся кто-то, настучал на Набиева, дело открыли, статью — и не стало человека. А подумай, разве он для себя старался?

— Нет, для людей!

— Да, ты не меняешься, — Валиев с досадой отложил нож, подозвал официанта. — Замени! Неужели нельзя наточить? Люди не жалуются, привыкли — ты и рад.

Фатима усмехнулась.

— Сделаем, Усманжон Валиевич,— сказал почтительно официант, меняя ножи и вилки.

— Хорошая самса,— сказала Сайдаматова.— Опять личный заказ? А для кого ты стараешься, наследник Набиева?

— Свежая баранина. На всех не хватит.

— Ну, на тебя и твоих дружков хватит. А что тебе остальные!

Валиев хотел что-то сказать, но раздумал, налил себе коньяк, сделал глоток.

— Ты серьезно решила упрятать за решетку Пулатова?

— Серьезнее некуда,— ответила спокойно, будто давно ждала этого вопроса, Сайдаматова.— Таких, как он, ни одного дня нельзя оставлять на воле.

— А таких, как я?

— Тоже! — жестко ответила Сайдаматова, глядя ему в глаза.

Валиев задвигал желваками, но сдержался, натянуто улыбнулся.

— За что же меня?

— Сам знаешь. И мы узнаем рано или поздно,— пообещала уверенно Сайдаматова.

Помолчали.

— Ты не боишься? — спросил ее Валиев.

— Чего мне бояться?

— Попимаешь, такие люди, как Пулатов и его друзья, многое могут.

Сайдаматова не ответила, налила себе воды в фужер.

— Фатима,— в голосе Валиева появилось что-то такое, что заставило ее удивиться.— О себе не думаешь — о детях, о наших детях, подумай. Ты не знаешь этих людей, с ними шутить опасно.

— Я и не шучу. Ты что же, выступаешь от их имени, парламентаром тебя направили, а?

Несколько секунд он пристально смотрел на нее, потом выпил коньяк, налил еще, снова выпил.

— Не понимаешь ты той опасности, которая нависла над тобой! Ничего не понимаешь! — грохнул он кулаком по столу.

Сайдаматова открыла сумочку, положила на стол две пятерки, встала.

— Спасибо за ужин.

— Это что? — удивился Валиев.— К чему эта демонстрация?

— Это не демонстрация,— ответила она.— Моя доля за ужин. И не надо меня провожать. Ты же знаешь, я не выношу пьяных мужчин.

— Я пьян?

— И выпивших тоже.

Она быстро пошла к выходу. Нет, мир не изменился, как надеялся Усманжон. И, наверное, глупо было с ее стороны полагать, что на сей раз она услышит от него что-то человеческое.

Сайдаматова остановилась, подняла голову к небу. Свежий вечерний воздух подействовал на нее успокаивающе, она засмеялась своим мыслям: «Боже мой! И этот человек чувствует себя хозяином жизни!» Сайдаматова снова засмеялась, не замечая, что на нее удивленно смотрят прохожие. Он просто глуп! Несказанно глуп и не понимает этого!

Не заметила, как оказалась на мосту. Внизу еле слышно шумел сай — жалкое напоминание о далеком детстве, когда она проплывала на баллоне под этим мостом. Тогда сай был живой и бурный, не то что теперь. Они плыли по течению, заплывали далеко, на несколько километров, а потом долго, счастливые, в мокрых платьицах, добирались назад через весь город. Пока добирались, платья успевали обсохнуть, так что никто не догадывался об их путешествиях.

Хорошо, что вспомнилось то далекое, неповторимое время беззаботного детства... И понятие справедливости не стоит усложнять — оно одно на всю жизнь.

Сайдаматова и не заметила, как оказалась дома. Пришла в себя, только когда включила свет в коридоре. Удивилась тишине.

— Мурат!

Надрывно зазвенел телефон.

— Мурат, ты дома?

Она заглянула в его комнату: сына не было, только смятая постель на тахте. Впрочем, мало ли куда он мог пойти, взрослый парень уже. Автоматически отметила время — начало одиннадцатого. Нет, для гуляния слишком поздно. Может, это он и звонит? От друзей. Наверное, будет просить разрешения задержаться еще. Нет, хватит. Она ему сейчас задаст...

Решительно сняла трубку.

— Алло, Мурат, это ты? Алло!

— Фатима Кадыровна?

— Я слушаю. Кто это?

— Неважно,— ответил ей голос на другом конце провода.— Главное, я знаю вас и вы меня слышите.

— Что вам нужно?

— Только одного: оставьте в покое Пулатова.

— Я не хочу об этом говорить.

— Только не бросайте трубку,— быстро сказал голос.— Все равно я буду звонить, пока вы не выслушаете меня до конца. Тем более, вы ведь хотите узнать, где находится ваш сын.

— Что? — Сайдаматова похолодела.— Мураг? Где Мурат?!

— Да, да! Я говорю о Мурате. Вы, наверное, удивились тому, что его нет дома, когда пришли. Время-то позднее, одиннадцатый час.

— Вы... вы,— она рванула платье у горла.— Где Мурат, что с ним?!

— Ничего страшного,— успокоил ее голос.— Он сейчас у хороших людей, можете успокоиться и дослушать меня. Если хотите, можете даже выпить воды, я понимаю: вы мать.

— Говорите, я слушаю.

— Я понимаю, мы не можем требовать от вас слишком многого, но что-то вы все же можете... Вы заварили кашу, теперь надо ее съесть, но так, чтобы все были сыты, а повара целы.

— Это вы звонили мне днем и молчали.

— Мы! — хихикнули в трубке.— Психологическая обработка.

— Вы хотите...

— Вот именно, мы хотим, чтобы вы не трогали Пулатова. Взяли Варданяна, через день-два у вас в руках будет Чарыев, еще два-три человека, неужели вам мало? Зло наказано, преступники на скамье подсудимых, им срок, вам очередная звездочка — и все довольны. Согласны?

— Где Мурат?

— Вы его получите целым и невредимым только после того, как передадите дело в суд, но с полной реабилитацией Пулатова. Как это сделать, вы знаете лучше нас. Вам понятно?

— Где Мурат?

— Если вы этого не сделаете... Все! Подумайте, мы вас еще побеспокоим. Надеемся договориться мирно. До свидания.

Послышались короткие гудки.

— Аллс! Алло!

Сайдаматова швырнула трубку, заметалась по дому, кинулась к двери, остановилась.

Что, что делать?

Она должна что-то сделать, пойти куда-то, но куда? А вдруг они следят за ее домом? Конечно же, следят, наблюдают за ее действиями. Но ведь там ее сын, и она должна, должна что-то делать.

Она схватила трубку, начала торопливо набирать номер, потом устало опустилась на стул.

Кому она собирается звонить? Оперативному дежурному? А что она ему скажет? Украли сына. Кто? Не знаю. А кого подозреваете? Не знаю. Нет, знаю. Пулатова. Это ему нужно ее шантажировать.

Они возьмут его, но он, конечно, откажется. Откуда он знает, кто и зачем звонит следователю? Он от всего откажется. Нет, так делать нельзя.

А что же тогда делать? Ждать? Сделать то, что они просят?..

Она почти бросилась под машину, которая, визжа тормозами, остановилась в нескольких сантиметрах от нее.

— Ты что, с ума сошла? — заорал водитель, вылезая из кабины. — Жить надоело?

— Мне надо срочно! — задыхаясь, почти простонала Сайдаматова, не слушая его и забираясь в кабину поливальной машины.

Водитель вдруг осекся, сел за руль.

— Куда ехать?

Сайдаматова назвала адрес.

— Пожалуйста, если можно, быстрее. Я отвечу, — голос ее дрожал.

— Все понял, Фатима Кадыровна, — сказал водитель.

Сайдаматова словно очнулась, посмотрела на водителя, не в силах сообразить, откуда он ее знает, но спросить — на это у нее не было ни сил, ни желания. И водитель тоже понял ее, молча погнав машину вперед.

— Вы меня подождете?

— Что за вопрос, Фатима Кадыровна, конечно, подожду, если надо! — ответил водитель.

И снова она взглянула на его открытое молодое лицо, и снова не узнала.

На звонок долго никто не откликнулся. Она начала стучать руками и ногами в калитку, не думая о том, что может разбудить соседей. Сейчас она ни о чем не думала,

только о Мурате, о том, что он где-то там, среди враждебных ему людей, и они могут с ним сделать что-то страшное. И никто не придет к нему на помощь. Никто!

И она колотила в железные ворота, не ощущая боли, в кровь разбивая пальцы.

— Кто там? — раздался наконец заспанный голос Усманжона.

— Открой,— хрипло сказала Сайдаматова, не узнавая своего голоса.

Звякнула задвижка.

— Ты? — удивился Усманжон.— Что случилось, Фатима? — Он стоял перед ней в трусах и майке, ежась от холода, стыдясь своего вида.— Войдешь в дом?

— Где Мурат?

— Не понимаю, что ты говоришь, Фатима? — глаза его округлились.

— Где твой сын?!

— Н-не знаю! — он отступил от нее испуганно.— Что ты, Фатима! Что ты такое говоришь?

— Не знаешь? Посмотри мне в глаза! В глаза! — задыхаясь, крикнула она.

— Моя помощь не нужна, Фатима Кадыровна?

Тень водителя закрыла лицо Валиева.

— Запомни,— с ненавистью цедила слова Сайдаматова.— Если они что-нибудь сделают с сыном, если ты не найдешь его...

— Фатима, я ничего не понимаю! — воскликнул Валиев, разводя руками.

— ...я пристрелю тебя как собаку! Пристрелю, ты знаешь меня. Запомни!

Она резко повернулась и быстро пошла к машине. За ней тяжело топал водитель.

32

Попался как последний пацан! Дурак!

Мурат метался по комнате без окон, слабо освещенной под самым потолком лампочкой, ругал себя последними словами. Но разве он мог подумать — ведь звонил отец.

Отец! Неужели он сам, своими руками отдал его этим кретинам? Нет, этого не может быть, ведь он отец, родной отец!

Надо что-то придумать, нельзя сидеть и ждать!

Он представил себе лицо матери, что она там думает. Они, конечно же, позвонили ей. Мама, мама!..

Он подскочил к двери, начал бить по ней кулаками.

— Эй, откройте! Откройте, мне надо!

Дверь распахнулась.

— Чего тебе?

Перед Муратом стоял коренастый, с мощными плечами молотобойца или штангиста мужчина лет тридцати.

Мурат секунду смотрел в его холодные глаза. Такого он не свалит, такой его придушит одной рукой.

— Выпустите меня, что я вам сделал?

— Сиди, сопля! — усмехнулся мужчина. — Надо будет, выпустим, а будешь шуметь, уши поломаю. — Он поднес к лицу Мурата огромный волосатый кулак. — Понял?

И, засмеявшись, захлопнул дверь.

Мурат приник ухом к двери.

— Успокоился?

— А что ему остается! — засмеялся тот, что открывал дверь.

— И долго мы тут будем сидеть, Леха?

— Сколько надо, столько и будем. Не мельтеши, а то...

— Чего ты сразу заводишься, Леш! — завопил второй. — Я же ничего такого не сказал, просто спросил...

— Жрешь, пьешь, — перебил его Леха, — и делай, что говорят. Не люблю болтовни. Давай лучше выпьем. Осталось у тебя там что-нибудь?

Мурат слышал, как звякнули стаканы, в щели потянуло дымом крепких сигарет. Он опустил на пол у двери и уткнул голову в колени. Что же теперь будет, что будет?..

— Не переживайте так, Фатимахон, — говорил полковник, подавая ей пиалу с холодным чаем. — Найдем вашего сына. — И добавил твердо: — Из-под земли найдем.

— Привезли Чарыева, — влетел в кабинет Холматов и обратился к Сайдаматовой: — Уж он-то наверняка знает, где Мурат.

— Давай его сюда! — приказал полковник.

Холматов вышел и вскоре вернулся, ведя перед собой Чарыева. Его было не узнать: весь лоск с него сошел, мятая рубашка с грязным воротником выглядывала из-под куртки. Тонкие пальцы длинных рук дрожали. Чарыев словно не знал, куда их деть, все прятал за спину.

Полковник подошел, взял его за подбородок, посмотрел в глаза. Чарыев сжался.

— Где Мурат?

— Я ничего не знаю, не знаю. Что вы от меня хотите?..— залепетал Чарьев.

— Знаешь! — оборвал полковник.— И все расскажешь. А не расскажешь...

Полковник скрипнул зубами, сдерживаясь, отошел к окну.

— Садитесь,— Сайдаматова указала Чарьеву на стул.

Чарьев сел, оглянулся на Холматова, опустил глаза в пол.

— Сами во всем признаетесь или нужно помочь вам?— Сайдаматова положила перед ним чистые бланки протокола допроса.

— Я ничего не знаю.

— Хватит ломать комедию! — не выдержал Холматов. И, глянув на полковника, смягчил тон.— За что Корочкину ножом ударил?

— Я? — дернулся Чарьев, но тут же сник.— Я не хотел. Она сама... я хотел только поугагать.

— Вот именно — поугагать, чтобы она молчала,— сказала Сайдаматова. Сейчас она была занята делом, и это отодвинуло на время все остальное.— Чего вы боялись? Что вы не хотели, чтобы она говорила?

— Вы не имеете права!— взвизгнул Чарьев.— У нас личные дела, а вы в чем-то еще меня обвиняете. Не имеете права!

— Имеем.— сказал полковник,— с такими, как ты... Где Мурат? Куда его увезли?

— Честное слово, товарищ полковник...

— Гражданин полковник!

— Гражданин полковник,— послушно повторил Чарьев.— Я не понимаю, о чем вы меня спрашиваете!

— Хорошо,— вдруг успокоился полковник, сел рядом с Сайдаматовой.— Начнем с самого начала...

Сайдаматова достала из дела дневник, показала Чарьеву.

— Ваш?

Чарьев мотнул головой, не зная, что ответить, и не в силах отрицать факта.

— Ваш или нет? — подстегнула его Сайдаматова.

— Мой,— выдавил Чарьев, не отрывая глаз от пола.

— Тогда начнем расшифровывать ваши записи,— сказала Сайдаматова, открывая дневник и отыскивая нужную страницу...

Из соседней комнаты сквозь двери доносился режущий уши храп.

Судя по тому, сколько он уже здесь, время далеко за полночь.

Мурат стиснул зубы. Мать, наверное, уже подняла на ноги всех. Но что она может сделать, не зная, где он? И при чем здесь мать? Он сам это заварил, сам должен и расхлебывать. Нельзя так сидеть. Надо что-то сделать. Надо!

Еще сам не понимая, что он собирается предпринять, Мурат вскочил и начал барабанить в дверь.

— Эй, кто там есть? Откройте!

— Вот тваренок, не спит! — ругнулся кто-то и тяжело зашлепал босыми ногами.

Дверь открылась, яркий свет ослепил глаза. Несколько секунд он ничего не видел. Резкий окрик вернул его к действительности:

— Врежь ему промеж ушей, чтобы спать не мешал!

— Врезал бы,— буркнул тот, что открыл дверь, почесав пятерней волосатую грудь,— если бы не валиевский был.

Мурат исподлобья молча смотрел на него.

— Ну, чего вылупился?

— На улицу мне надо, вот чего,— огрызнулся Мурат.

— Давай в угол,— засмеялся первый, поднимая с подушки взлохмаченную голову.

— А потом ты будешь убирать? — огрызнулся второй.

— Сам уберет.

Мурат схватился за живот, скривил лицо.

— Крутит, не могу больше терпеть.

Детина посторонился.

— Ладно, шлепай.

Мурат шагнул из темной комнаты, подождал, пока тот нацепит старые шлепанцы, пошел вперед.

— Смотри, чтоб не рванул,— сказал первый, снова укладываясь.

— От меня не рванет. Сверну шею, как цыпленку, понял?

— Понял,— кивнул Мурат. Сердце у него заколотилось.

Они вышли во дворик, опоясанный высокой, из жженого кирпича стеной.

— Туда,— показал верзила на деревянный туалет. в углу в просвете между яблоневыми деревьями.

Мурат пошел вперед, ощущая нервную дрожь в ногах. Глаза его быстро скользили по гладкой поверхности забора. Слишком высоко. Так просто не перепрыгнешь, лестницу бы. «Хоть бы какой-нибудь выступ!» — с тоской пронеслось в голове.

Слабый ветерок шелестел листьями яблонь, раскачивал электрическую лампочку над деревянной супой у забора.

Мгновенно созрел план. В темноте еще можно что-то сделать!

Мурат быстро оглянулся. Верзила, ничего не подозревая, зевал, глядя ему в спину.

Под ноги попался обломок кирпича. Дальше все произошло в считанные секунды. Мурат схватил кирпич и тут же метнул его в лампочку, в следующее мгновение он был уже у забора.

Первый раз он не допрыгнул до верха, руки больно проехали по твердой поверхности.

— Стой! — заревел в темноте пришедший в себя верзила. — Убью!

Угрожающий, нечеловеческий рык будто подбросил Мурата, в следующее мгновение он был на заборе, легко перебросил тело на другую сторону и скатился вниз. Глаза ничего не видели в темноте, он бежал наугад, куда-то вперед, только бы вперед, только бы успеть..

Сайдаматова подняла напряженно-пытливый взгляд на только что вошедшего в кабинет Холматова.

— Пока ничего, — мотнул тот головой и посмотрел на Пулатова, смиренно сидевшего на стуле.

— Молчите, молчите, — сказал капитан. — Подумать времени у вас хватит.

Дверь распахнулась.

— Мама!

Сайдаматова вздрогнула, глаза ее расширились. Она не смогла встать навстречу, так и осталась, будто пригвожденная к стулу.

— Мурат, — только и смогла сказать она.

Но сын уже был рядом.

— Мама, все нормально, — торопливо говорил он, боясь, что не выдержит и заплачет. — Все хорошо, мама. Ты только успокойся. Я здесь, с тобой.

Холматов сделал знак Пулатову и вывел его из кабинета. Через минуту появился полковник. Он не мог скрыть

своей радости, тормозил Мурата, словно стараясь удостовериться, что это он, собственной персоной.

— Где же это тебя носило, малыш? А мы тут с матерью весь город на ноги поставили,— говорил он. Обращаясь к Сайдаматовой, даже не заметил, что перешел на ты: — Видишь, Фатима, орел у тебя сын! Орел! Такого не так просто украсть!

Глаза Сайдаматовой сияли. Она не замечала слез, которые текли по ее осунувшемуся лицу. Наконец заметила порванную штанину сына, встала, начала отирать грязь с его щеки.

— А, ерунда,— улыбнулся Мурат.

— Где же ты так вывозился, сынок?

— Дежурную машину,— приказал полковник.

— Уже ждет,— ответил Холматов.— Я провожу?

— Давай,— полковник повел Сайдаматову и Мурата к выходу.— Отдыхай, Фатимахон, мы тут пока без тебя справимся. Главное ты сделала.

Сайдаматова кивнула, не вникая в смысл сказанного полковником, но вдруг остановилась на пороге.

— Алимова нужно освободить, товарищ полковник.

— Освободим, освободим,— засмеялся тот.— Сейчас свяжемся с прокуратурой. Как положено. Вот женщина!— глянул он на офицеров, которые столпились в коридоре.— Сына только нашла, а уже о деле.

— Он не виноват,— сказала, как бы извиняясь, Сайдаматова.— Вы же знаете, это Чарыев тогда ударил ножом Газиева.

— Знаю, знаю, можешь отдыхать спокойно,— кивнул полковник.— Иди, машина отвезет вас...

34

Мурат проводил мать до остановки.

Показался автобус. Сайдаматова повернулась к сыну, на лице ее отразилась внутренняя борьба.

— Мурат...

Он улыбнулся, понимая ее состояние. Минувшая ночь что-то перевернула в их отношениях. И мать и сын радовались этому сближению.

— Все хорошо, мама. Я буду очень осторожен,— он будто подтрунивал над собой и над матерью.

— Я хотела напомнить...— поспешно начала оправдываться Сайдаматова.— Тебе надо позвонить в Ташкент, узнать, как сестра, а потом...

— А потом пойти на базар, купить картошки, лука и все такое,— подсказал Мурат.

— Да.

— Я так и понял.

И оба засмеялись.

— Только сначала у меня есть одно дело,— сказал Мурат, став сразу серьезным. И на вопросительный взгляд матери пояснил: — Очень нужно, мама. Я потом тебе все расскажу, это мне нужно выяснить сначала для себя.

На звонок Мурата никто не ответил

— Усманжона дома нет, сынок.

Мурат увидел старушку, которая жила до соседству.

— Здравствуйте.

— Здравствуй, Муратжон. Давно тебя не видела,— она пылливо смотрела ему в глаза.— Как мама, как сестра?

— Хорошо,— кивнул Мурат.— А вы не знаете, скоро он будет?

— Не знаю,— сказала старушка.— За ним из милиции приезжали вчера.

— Из милиции?

— Несколько раз приезжали. Потом я не видела, может, нашли его,— говорила она.— А ты не знаешь, что случилось?

— Что вы сказали?.. Ах, нет... не знаю.

Он быстро попрощался.

— Ты сходи в милицию, сынок,— сказала ему вдогонку старушка.— Там, наверное, знают, в чем дело.

...Сайдаматова удивленно глянула на сына, когда он решительно вошел в кабинет, подошел к ней.

— Что случилось, Мурат?

— Отца арестовали, мама?

Она молча закрыла папку, встала, подошла к сыну.

— Мама, ты мне не ответила,— не выдержал Мурат.

— Пока нет.

— Значит, его арестуют?

— Может быть, если подтвердится его связь с теми, кто уже взят под стражу.

— Ты знала об этом утром?

— Мурат...

— Почему ты мне не сказала сразу, утром, когда я провожал тебя? — не слушал ее Мурат.

— Я не могла, — лицо ее исказила боль.

— Ты мне до сих пор не веришь, мама!..

— Я верю тебе, сынок, но...

— Он здесь? — перебил Мурат.

— Да.

— Я могу его увидеть?

— Не сейчас.

— Почему?

— Он на допросе, — Сайдамадова вернулась на свое место. — Потом, после допроса, я попрошу, чтобы ты смог с ним поговорить, если хочешь.

— Я могу присутствовать на допросе?

— Нет.

— Почему? — удивился Мурат.

— Потому что нельзя, — сказала она мягко. — Есть порядок ведения следствия, Мурат, и нарушать его не дозволено никому.

— Даже тебе?

— И мне тоже, — ответила Сайдамадова, ощущая пустоту в душе.

— А потом, после допроса, я смогу поговорить с ним?

— Сможешь.

Сайдамадова опустила глаза и открыла папку с каким-то делом. Мурат несколько секунд смотрел на мать, хотел что-то сказать, но раздумал, медленно повернулся к двери. На пороге он обернулся, встретился с напряженным взглядом матери.

— Я подожду в коридоре.

Сайдамадова кивнула.

— Входи.

Холматов пропустил Мурата, посмотрел на Валиева, который сидел, опустив голову и боясь взглянуть на сына.

— Вы поговорите, я в коридоре побуду, — сказал капитан и вышел, оставив дверь полуоткрытой.

— Папа... Папа, ты знал? — Мурат смотрел отцу в глаза.

— О чем ты, сынок? — В зрачках Валиева заметался страх.

— Ты знал, папа, — выдохнул Мурат с тоской в голосе.

— Мурат, послушай меня, — заторопился Валиев. — Я тебе все объясню. Я тебе объясню, ты поймешь меня...

Он замолчал, не зная, что же хочет объяснить. Нужно было говорить, оправдываться, а слов для этого, нужных слов, он не мог найти.

— Объясни,— сказал Мурат и добавил с горькой иронией: — Не можешь объяснить. Не можешь, потому что предал меня, своего сына. Нет, ты... ты хуже предателя! Я ненавижу тебя! Ненавижу!

Он выскочил из кабинета и, не глядя на Холматова, быстро пошел к выходу. Потом замер на полдороге, словно наткнулся на невидимую преграду, сделал шаг, второй, точно преодолевая ее с большим напряжением.

— Вот и все,— сказал он вслух и вышел в светлый проем дверей. Вот и все, думал он, шагая в неизвестном направлении и не отдавая отчета, что же имеет в виду под этим «все»: отношения с отцом, предавшим его, тем миром, в котором жил Валиев,— теперь он только так мог называть отца — или этап своей жизни, который остался позади. То, что он вдруг стал другим, повзрослел за эти несколько дней, что не сможет жить так, как прежде,— это было ясно. Но что дальше, как жить — на эти вопросы надо еще найти ответ...

...Мурат шел и не замечал, что на другой стороне улицы стоит еще кто-то и напряженно вглядывается во всех выходящих из дверей горотдела милиции, стараясь отыскать того, кто ему нужен.

Если бы Мурат вдруг поднял глаза, то хоть и с большим трудом, но узнал бы в похудевшем, остриженном наголо парне Алимова.

Несколько часов назад его выпустили из следственного изолятора. Несколько сот минут назад за его спиной последний раз с тоскливым лязгом закрылась железная дверь, и он замер, оказавшись за воротами один, без конвоиров, ослепленный ярким светом вольного солнца, оглушенный необъяснимым, неповторимым по своему аромату воздухом свободы, привыкая к новому ощущению, к забытому шуму проносящихся машин и не замечая любопытных взглядов прохожих.

И он тоже пошел сам не зная куда, а потом оказалось, что шел он к Сайдаматовой, шел, чтобы увидеть ее. Только увидеть, и все.

И вот он стоял напротив большого здания на противоположной стороне улицы, не ощущая одеревеневших ног, пересохших губ. Стоял и ждал.

И91

Исфандияр.

Судья: Повести [Вступит. ст. М. С. Васи-
ковой]. — Т. «Еш гвардия», 1984. — 224 с.
В вых. дан. авт. Маткаримов Исфандьёр
Кимсанович.

P2

СОДЕРЖАНИЕ

М. С. Васикова. Слово к читателю	3
Разбудите меня с рассветом	5
Судья	107

ИСФАНДИЯР

(МАТКАРИМОВ ИСПАНДЬЁР КИМСАНОВИЧ)

СУДЬЯ

Повести

Редактор В. Волотко
Художник К. Ишин
Художественный редактор А. Гулямов
Технический редактор Л. Буркина
Корректор З. Наджатова

ИБ № 1374

Сдано в набор 8.06.83. Подписано в печать 5.12.83. Р 18220. Формат 84×108¹/₂. Бумага тип. № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 12⁰. Усл. печ. л. 11,76. Тираж 45 000. Цена 55 к. Договор № 43—83. Зак. № 113

Издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана «Еш гвардия», 700129. Ташкент, ул. Навои, 30.

Набрано и отматрицировано на полиграфкомбинате ордена «Знак Почета» издательства ЦК ЛКСМУ «Молодь», 252119, Киев-119, Пархоменко, 38—42.

Отпечатано в типографии № 2 Ташкентского полиграфического производ-
ственного объединения «Матбуот» Госкомиздата УзССР, г. Янгйоль,
ул. Самаркандская, 44.